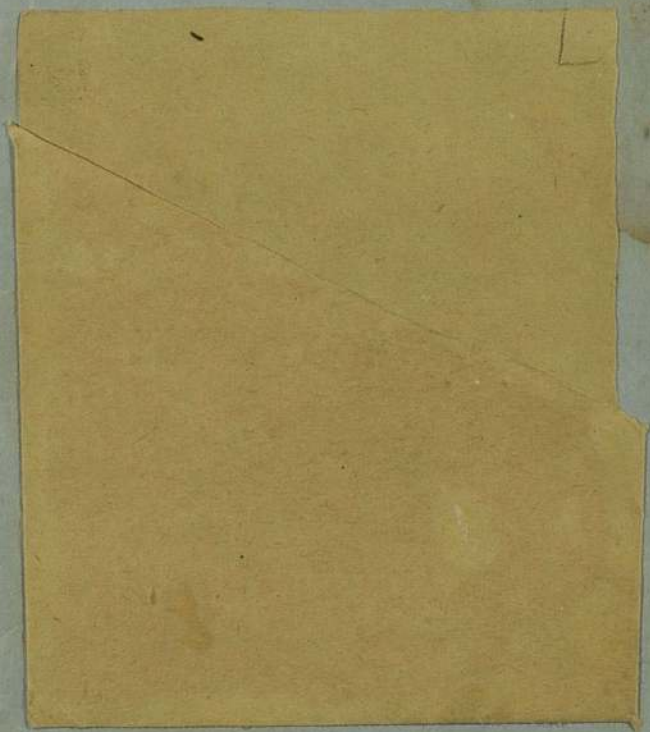

Д. М. НАФИШКИН
ХРАБРЫЙ АЗМУН

ДЕТКАЗ 1977

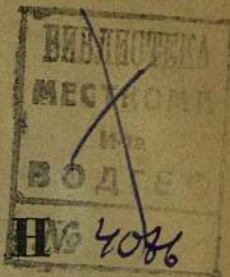

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Дм. НАГИШКИН

ХРАБРЫЙ АЗМУН

4-16

РИСУНКИ АВТОРА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1951 Ленинград

681456 Кх-редк

Российская государственная
детская библиотека

ХРАБРЫЙ АЗМУН

Смелому никакая беда не помеха. Смелый сквозь огонь и воду пройдёт — только крепче станет. О смелом да храбром долго люди помнят. Отец сыну о смелом да храбром сказки рассказывает.

Давно это было. Тогда нивхи¹ ещё каменные наконечники к стрелам делали, ещё деревянным крючком рыбу ловили.

Тогда на самом берегу Амура одна деревня стояла. Жили в ней нивхи — не хорошо и не худо. Много рыбы идёт — нивхи весёлые, песни поют, сыты по горло. Мало рыбы идёт, плохой улов — молчат нивхи, мох курят да потуже пояса на животах затягивают.

¹ Нивхи и далее встречающиеся в сказках удэгейцы (удэ), нанайцы, ульчи, брочи — народности Дальнего Востока, живущие по Амуру и его притокам, в Уссурийской тайге и на Северном Сахалине.

Одной весной вот что случилось.

Сидят как-то парни и мужчины на берегу, на воду смотрят, трубки курят, сетки чинят. Глядят — по Амуру что-то плывёт. Пять, шесть, а может, и весь десяток деревьев. Видно, где-то буревалом деревья повалило, полая вода их друг с другом сплотила и так сбила, что и силой не растащишь. Земли на те деревья навалило. Трава на них выросла. Целый остров — ховых плывёт. Видят нивхи — на том ховыхе заструженный шест стоит. В несколько рядов на том шесте стружки выются, на ветру шумят. Красная тряпочка, на том шесте привязанная, в воздухе полощется.

Говорит старый нивх Плетун:

— Кто-то плывёт на ховыхе. Заструженный шест поставил — от злого глаза защита. Значит, помощи просит.

Слышат нивхи — плач ребёнка доносится. Плачет ребёнок, так и заливается. Говорит Плетун:

— Ребёнок на ховыхе плывёт. Видно, нет у него никого. Злые люди всех его родичей убили или чёрная смерть всех унесла. Зря не бросит ребёнка мать. На ховых посадила — добрых людей искать послала.

Подплывает ховых. Слышен плач всё сильнее.

— Нивху как не помочь! — говорит Плетун. — Помочь надо.

Кинули парни верёвку с деревянным крючком, зацепили ховых, подтянули к берегу. Глядят — лежит ребёнок: сам беленький, кругленький, глазки чёрные, как звёздочки блестят, лицо широкое — как полная луна. В руках у ребёнка — стрела да весло.

Посмотрел Плетун, говорит — ребёнок богатырём будет, коли с колыбели за стрелу да за весло схватился: ни врага, ни работы не боится. Говорит:

— Сыном своим назову. Имя новое дам. Пусть Азмунном называться будет.

Взяли нивхи Азмуна на руки, к дому Плетуна понесли. Только что такое?.. С каждым шагом ребёнок всё тяжелей становится!

Говорят старику:

— Эй, Плетун, сын-то твой на руках растёт! Гляди!

— На родной земле да на родных руках как не расти! — отвечает Плетун. — Родная земля силу человеку даёт.

Видно, правду Плетун сказал, что родная земля силу даёт: пока до дома старика дошли, вырос Азмун. До порога его парни донесли, а у порога он с рук на землю сошёл, на свои ноги стал, посторонился — старшим дорогу уступил, только тогда сам в дом вошёл.

«Э-э! — думает Плетун, на нового сына глядя, — мальчик-то хорошие дела делать будет: наперёд о людях думает, а потом о себе».

А Азмун названного отца на нары посадил, поклонился ему и говорит:

— Посиди, отец. За долгую жизнь устал ты. Отдохни.

Сетки взял, весло взял. На берег вышел — лодки сами собой в воду соскочили. А Азмун, в лодку ставши, на корму своё весло бросил — стало весло работать, на середину реки выгребать. Пошла лодка. Азмун сетку бросил в воду. Сетку вынул — много рыбы поймал. Домой пришёл — женщинам рыбу отдал. В деревне все в этот день рыбу ели. А Азмун названному отцу говорит:

— Мало рыбы в этом месте, отец.

Отвечает ему Плетун:

— Не пришла рыба. Амур рыбу не даёт.

— Попросить надо, отец. Как нивхам без рыбы жить?

Раньше всегда рыбы просили — Амур кормили, чтобы рыбу давал.

Вот поехали Амур кормить.

На многих лодках поехали. Лучшие одежды надели из пёстрых тюленей, собачьи дохи чёрные надели. Плывут, песни хорошие поют. На середину Амура выехали.

Взял Плетун кашу, ёколу — сушёную рыбу, сохачьего мяса взял. Всё в Амур бросил:

— Простые люди просят тебя — рыбу пошли, много хорошей рыбы пошли, разную рыбу пошли! Вот ёколу тебе собачью бросаем — больше у нас нечего есть. Голодаем! Животы к спине прилипли у нас. Помоги нам, а мы тебя не забудем!

Кинул Азмун сетку в воду — много рыбы взял. Радуются нивхи. А Азмун хмурится. «Один раз — это просто удача», говорит. Кинул сетку второй раз — меньше рыбы взял. Хмурится Азмун. Кинул сетку в третий раз — последнюю рыбу взял. Кто из нивхов потом сетки ни бросал — ничего не поймал. Даже корюшка в сетку нейдёт. В четвёртый раз кинул свою сетку Азмун — пустую вытащил.

Приуныли нивхи. Трубки закурили. «Помирать теперь будем!» говорят.

Велел Азмун всю рыбу в один амбар сложить — понемногу всех людей кормить.

Заплакал Плетун, говорит Азмуну:

— Сыном тебя назвал, думал — новую жизнь тебе дам! Рыбы нет — что есть будем? Все помрём с голоду. Уходи, сын мой! Тебе другая дорога. От нас уйди — наше несчастье на нашем пороге оставь!

Стал Азмун думать. Отцовскую трубку закурил. Три амбара дыму накурил. Долго думал. Потом говорит:

— К Морскому Старiku — Тайрнэдзу — пойду. Оттого рыбы в Амуре нет, что Хозяин о нивхах забыл. Испугался Плетун: никто из нивхов к Морскому

Хозяину не ходил. Никогда этого не было. Может ли простой человек на морское дно к Тайрнадзу — Старик — спуститься?

— По силе ли тебе дорога эта? — спрашивает отец Азмуна.

Ударил Азмун ногой в землю. От своей силы по пояс в землю ушёл. Ударил в скалу кулаком — скала трещину дала, из той трещины родник полился. Глаз прищурил — на дальнюю сопку посмотрел, говорит: «У подножья сопки белка сидит, орех в зубах держит, разгрызть не может. Помогу ей!» Взял Азмун лук, стрелу наложил, тетиву натянул, стрелу послал. Полетела стрела, ударила тот орех, что белка в зубах держала, расколола пополам, белку не задела.

— По силе! — говорит Азмун.

Собрался Азмун в дорогу. В мешочек за пазуху амурской земли положил, нож, лук со стрелами взял, верёвку с крючком, костяную пластинку взял — играть, коли в дороге скучно станет.

Обещал отцу в скором времени весть о себе подать. Наказал — той рыбой, что он наловил, всех кормить, пока не вернётся.

Вот пошёл он.

К берегу моря пошёл. До Малого моря — амурского лимана — дошёл. Видит — нерпа на него глаза из воды таращит, с голоду подыхает.

Кричит ей Азмун:

— Эй, соседка, далеко ли до Хозяина итти?

— Какого тебе хозяина надо?

— Тайрнадза, Морского Старика!

— Коли морского — так в море и ищи, — отвечает нерпа.

Пошёл Азмун дальше. До Охотского моря дошёл, до Пйля-кёркха, как его тогда называли. Лежит перед ним море — конца-краю морю не видать. Чайки

над ним летают, бакланы кричат. Волны одна за другой катятся. Серое небо над морем висит, облаками закрыто. Где тут Хозяина искать? Как к нему дойти? И спросить некого. Глядит Азмун вокруг... Что делать? Чайкам закричал:

— Эй, соседки, хороша ли добыча? Простые-то люди с голоду умирают!

— Какая там добыча! — чайки отвечают. — Сам видишь, еле крыльями машем. Рыбы давно не видим. Скоро конец нашему народу придёт. Видно, заснул Морской Старик, про своё дело забыл.

Говорит Азмун:

— Я к нему иду. Да не знаю, соседки, как к нему попасть.

Говорят чайки:

— Далеко в море остров стоит. Из того острова дым идёт. Не остров то, а крыша юрты Тайрнадза, из трубы дым идёт. Мы там не бывали, наши отцы туда не залетали — от перелётных птиц слыхали! Как попасть туда — не знаем. У косаток спроси.

— Ладно, — говорит Азмун.

— Коли к Старику попадёшь — о нас, Азмун, вспомни!

Вышел на морской берег Азмун. Долго шёл. Устал. Сел среди камней на песке, голову на руки положил, стал думать. Думал, думал — уснул. Вдруг во сне слышит — шумят какие-то люди на берегу. Азмун глаза приоткрыл...

Видит — по берегу молодые парни взапуски бегают, на поясках тянутся, друг через друга прыгают, с саблями кривыми играют. Тут тюлени на берег вышли. Парни тюленей саблями бьют. Как ударят — так тюлень набок! «Э-э, — думает Азмун, — мне бы такую саблю!» Смотрит Азмун — стоят на берегу лодки худые...

Стали тут парни бороться. Сабли на песок побросали. Задрались между собой — ничего вокруг не видят, кричат, ссорятся. Тут Азмун изловчился, верёвку с крючком забросил, одну саблю зацепил, к себе потихоньку подтянул. Тронул пальцем — хороша! Пригодится.

Кончили парни бороться. Все за сабли взялись, а одному нехватает. Заплакал тут парень, говорит:

— Ой-я-ха! Задаст мне теперь Хозяин! Что теперь Старiku скажу, как к нему попаду?

«Э-э, — думает Азмун, — парни-то со Стариком знают. Видно, из морской деревни парни».

Сам лежит, не шевелится.

Стали парни саблю искать — нету сабли! Тот, кто саблю потерял, в лес побежал — смотреть, не там ли обронил. Остальные лодки в море столкнули, сели. Только одна осталась на берегу.

Азмун за теми парнями — бежать! Пустую лодку в море столкнул — смотрит, куда парни поедут. А парни в открытое море выгребают. Прыгнул и Азмун в лодку, стал в море выгребать. Вдруг смотрит — что такое? Нет впереди ни лодок, ни парней! Только косатки по морю плывут, волну рассекают, спинные плавники, как сабли, выставили, на плавниках куски тюленьего мяса торчат.

Тут и под Азмуном лодка зашевелилась. Хватился Азмун, огляделся — не на лодке он, а на спине косатки! Догадался тут парень, что не лодки на берегу лежали, а шкуры косаток. Что не парни на берегу с саблями играли, а косатки. И не сабли то, а косаток спинные плавники. «Ну что ж, — думает Азмун, — всё к Старiku ближе!»

Долго ли плыл так Азмун — не знаю, не рассказывал. Пока плыл, у него усы отросли.

Вот увидел Азмун, что впереди остров лежит, на

крышу шалаша похожий. На вершине острова — дыра, из дыры дымок курится. «Видно, там Старик живёт!» себе Азмун говорит. Тут Азмун стрелу на лук положил, отцу стрелу послал...

К острову косатки подплыли, на берег кинулись, через спину перекатились — парнями стали, тюленьё мясо в руках держат.

А та косатка, что под Азмуном была, назад в море повернула. Без своей сабли, видно, домой ходу нет! Свалился Азмун с косатки в воду — чуть не утонул.

Увидали парни, что Азмун барахтается в море, кинулись к нему. Выбрался Азмун на берег, парни его рассматривают, хмурятся. Говорят:

— Эй, ты кто такой? Как сюда попал?

— Да вы что — своего не узнали? — говорит Азмун. — Я от вас отстал, пока саблю свою искал. Вот она, сабля моя!

— Это верно, сабля твоя. А почему ты на себя не похож?

Говорит Азмун:

— Изменился я от страха, что саблю свою потерял. До сих пор в себя притти не могу. К Старiku пойду — пусть мне прежний вид вернёт!

— Спит Старик, — говорят парни: — видишь, дымок чуть курится.

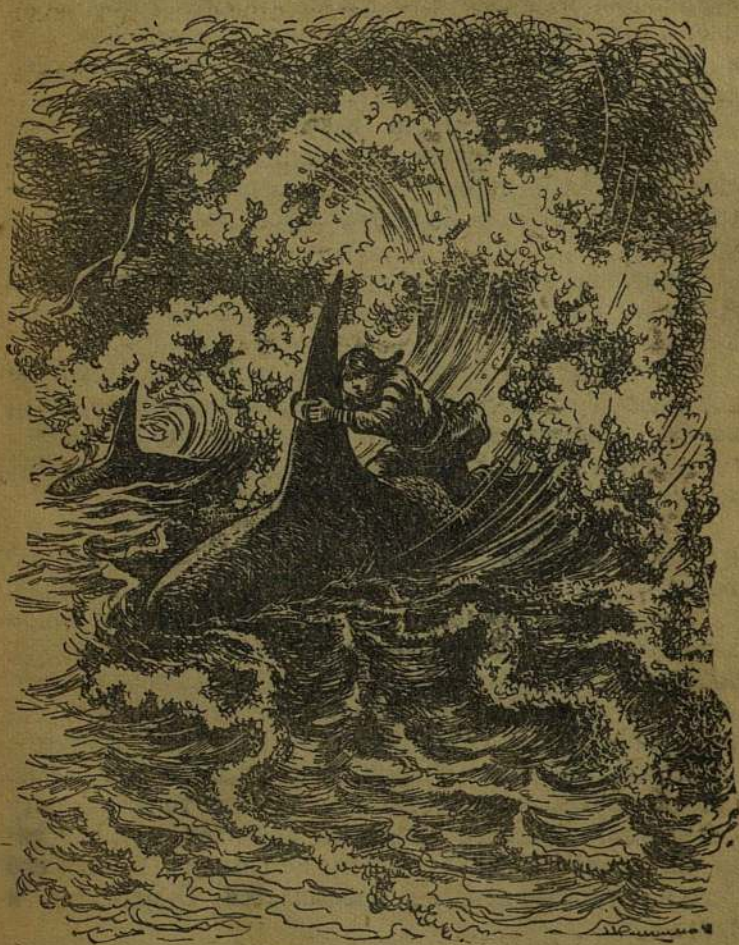
В свои юрты парни пошли. Азмуна одного оставили.

Стал Азмун на сопку взбираться. До половины взошёл — видит, тут стойбище стоит. Одни девушки в стойбище том. Загородили Азмуну дорогу, не пускают:

— Спит Старик, не велел мешать!

Пристают к Азмуну, ластятся:

— Не ходи к Тайрнадзу! Оставайся с нами. Жену возьмёшь — хорошо жить будешь.

А девушки — красавицы, одна другой краше! Глаза ясные, лицом прекрасные, телом гибкие, руками ловкие. Такие красивые девушки, что подумал Азмун — не худо бы ему, и верно, из этих девушек жену себе взять.

Зашевелилась тут за пазухой у него амурская земля в мешочке. Вспомнил Азмун, что не за невестой сюда пришёл, а вырваться от девушек не может. Догадался он тут — из-за пазухи бусы вынул, на землю бросил.

Кинулись девушки бусы подбирать — тут и увидел Азмун, что не ноги у тех девушек, а ласты. Не девушки то, а тюлени!

Пока девушки бусы собирали, добрался Азмун до вершины горы. В ту дыру, что на вершине была, свою верёвку с крючком бросил. Зацепил крючок за гребень горы и по той верёвке вниз полез. На дно моря спустился — в дом Морского Старика попал.

На пол упал — чуть не расшибся. Огляделся: всё в доме, как у нивха, — нары, очаг, стены, столбы, только всё в рыбьей чешуе. Да за окном не небо, а вода.

Плещется за окном вода, зелёные волны за окном ходят, водоросли морские в тех волнах качаются, будто деревья невиданные. Мимо окон рыбы проплывают, да такие, каких ни один нивх в рот не возьмёт: зубатые да костлявые, сами смотрят — кого бы сглотнуть!..

Лежит на нарах Старик, спит. Седые волосы по подушке рассыпались. Во рту трубка торчит, почти совсем погасла, едва дымок из неё идёт, в трубу тянется. Храпит Тайрнадз, ничего не слышит. Тронул его Азмун рукой — нет, не просыпается Старик, да и только...

Рассердился Азмун: что это такое — его родные с голоду помирают, а Тайрнадз про своё дело забыл, спит!.. Сгоряча ножом Тайрнадза уколол. Завозился

тот, закрихтел. Головой ворочает, сморщился весь, по-пыхтел-попыхтел — да как чихнёт! Проснулся, глаза таращит...

Азмун свою костяную пластинку из-за пазухи вынул, зубами зажал, за язычок дёргать стал.

Вспомнил Азмун про свою костяную пластинку — кунгахкёй, из-за пазухи вытащил, зубами зажал, за язычок дёргать стал. Загудела, зажужжала, заиграла кунгахкей: то будто птица щебечет, то словно ручей журчит, то как пчела жужжит.

Тайрнадз никогда такого не слышал. Что такое? Зашевелился, поднялся, глаза протёр, сел, под себя ноги поджавши. Большой, как скала подводная; лицо доброе, усы, как у сома, висят. На коже чешуя перламутром переливается. Из морских водорослей одежда сшита... Увидел он, что против него маленький парень стоит, как корюшка против осетра, во рту что-то держит да так хорошо играет, что у Тайрнадза сердце запрыгало. Мигом сон с Тайрнадза слетел. Доброе лицо своё он к Азмуну обратил, глаза прищурил, спрашивает:

— Ты какого народа человек?

— Я — Азмун, нивхского народа человек.

— Нивхи на Тро-мйфе¹ да на Ля-ери живут. Ты зачем так далеко в наши воды-земли зашёл?

Рассказал Азмун, какое горе у нивхов стало, поклонился:

— Отец, нивхам помощи — нивхам рыбу пошли! Отец, нивхи с голоду умирают. Вот меня послали тебя о помощи просить.

Стыдно стало Тайрнадзу. Покраснел он, говорит:

— Плохо это получилось: лёг только отдохнуть, да и заснул! Спасибо тебе, что разбудил меня!

Сунул руку Тайрнадз под нары. Глядит Азмун —

¹ Тро-мйф — так раньше называли остров Сахалин.

там большой чан стоит; в том чане горбуша, калуги, осетры, кета, лососи, форели плавают. Видимо-невидимо рыбы!

Рядом с чаном шкура лежит. Ухватил её Старик, четверть шкуры рыбой наполнил. Дверь открыл, рыбу в море бросил, говорит:

— К нивхам на Тро-миф, на Амур плывите! Быстро плывите, плывите! Хорошо весной ловитесь!

— Отец, — говорит Азмун, — нивхам рыбы не жалей!

Нахмурился Тайрнадз.

Испугался тут Азмун. «Ну, пропал я теперь! — думает. — Рассердил Старика. Плохо будет!» Отца вспомнил, ноги выпрямил, прямо на Тайрнадза смотрит.

Улыбнулся тот:

— Другому бы не простил, что в дела мои мешается, а тебе прощу: вижу, не о себе думаешь, о других. Будь по-твоему!

Бросил Тайрнадз в море ещё полшкуры рыбы всякой:

— На Тро-миф, на Амур плывите, плывите! Хорошо осенью ловитесь!

Поклонился ему Азмун:

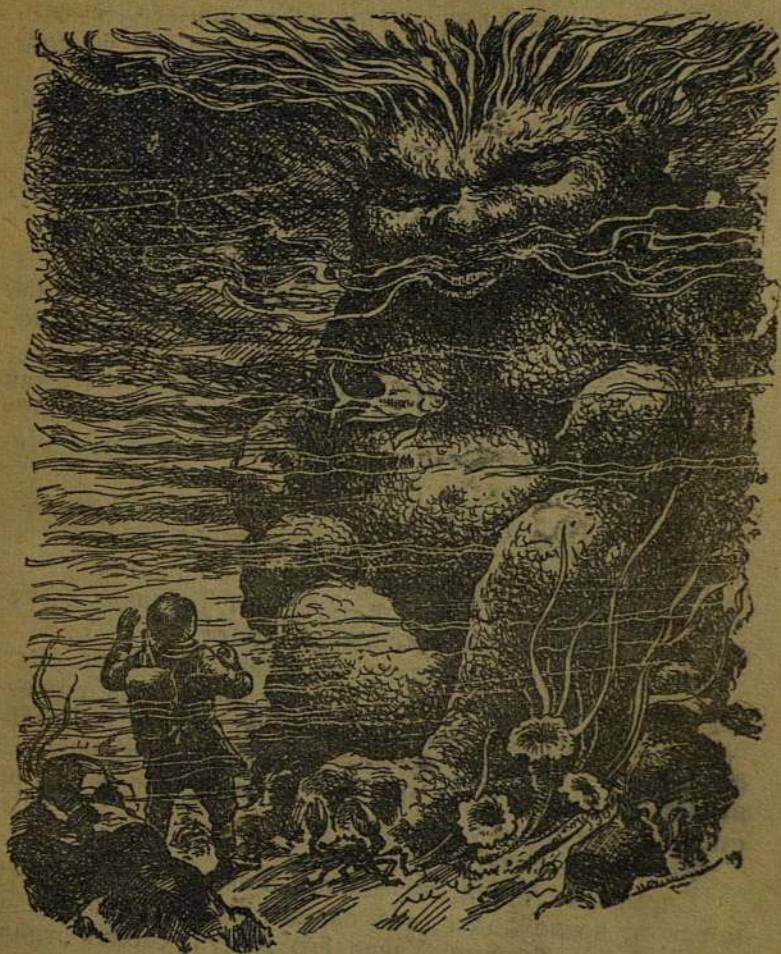
— Отец! Я бедный — нечем мне отплатить тебе за добро. Вот, возьми кунгахкеи в подарок.

Дал он Тайрнадзу пластинку свою, как играть на ней, показал.

А у старого давно руки чешутся, хочется её взять, глаз от неё отвести не может! Больно понравилась игрушка.

Обрадовался Тайрнадз, в рот пластинку взял, зубами зажал, за язычок стал дёргать...

Загудела, зажужжала кунгахкеи: то будто ветер морской, то словно прибой, то как шум деревьев, то будто птичка на заре, то как суслик свистит. Играет

Тайрнадз. Совсем развеселился. По дому пошёл, приплясывать стал. Зашатался дом, за окнами волны взбесились, водоросли морские рвутся — буря в море поднялась.

Видит Азмун, что не до него теперь Тайрнадзу. К трубе подошёл, за верёвку свою взялся, наверх полез. Пока лез, все руки себе в кровь изодрал: пока гостил у Старика, верёвка ракушками морскими обросла.

Вылез, огляделся.

Тюленьи девушки всё ещё бусы ищут, ссорятся, делят — и про дома свои забыли, двери в те дома мохом заросли!

На нижнюю деревню Азмун посмотрел — пустая стоит, а далеко в море плавники косаток видны: гонят косатки рыбу к берегам Пиля-керкха, к берегам Ляери — Малого моря, на Амур рыбу гонят!

Как теперь домой попасть?

Видит Азмун — радуга висит. Одним концом на остров, другим — на Большую землю опирается.

А в море волны бушуют — пляшет Тайрнадз в своей юрте. Белые барашки по морю ходят.

Полез Азмун на радугу. Едва вскарабкался. Весь перепачкался: лицо зелёное, руки жёлтые, живот красный, ноги голубые. Кое-как влез, по радуге на Большую землю побежал. Бежит, проваливается, чуть не падает. Вниз взглянул, видит — от рыбы черно в море стало. Будет рыба у нивхов!

Кончилась радуга.

Спрыгнул Азмун на землю. Глядит — на берегу морском, возле лодки, тот парень-косатка сидит, чью саблю Азмун утащил. Узнал его Азмун, саблю отдал. Схватил парень саблю.

— Спасибо! — говорит. — Я уж думал, век мне дома не видать... Твоего добра не забуду: к самому

Амуру рыбу подгонять буду. Зла на тебя не храню: знаю теперь — не для себя ты старался, для людей.

Через спину перекатился — косаткой стал, свою саблю — спинной плавник — вверх поднял и поплыл в море.

Пошёл Азмун к Пиля-керкху, к Большому морю вышел. Чаек, бакланов встретил.

Кричат те парню:

— Эй, сосед! У Старика был ли?

— Был! — кричит им Азмун. — Не на меня — на море смотрите!

А рыба по морю идёт, вода пенится. Кинулись чайки, стали рыбу ловить, на глазах жиреть стали.

А Азмун дальше идёт. Ля-ери прошёл, к Амуру подходит. Видит — нерпа совсем издыхает. Спрашивает нерпа парня:

— У Старика был ли?

— Был! — говорит Азмун. — Не на меня — на Ля-ери смотри!

А рыба вверх по лиману идёт, вода от рыбы пенится. Бросилась нерпа рыбу ловить. Стала рыбу есть, на глазах жиреет.

А Азмун дальше пошёл.

К родной деревне подошёл. Нивхи едва живые на берегу сидят, мох весь искурили, рыбу всю приели.

Выходит Плетун на порог дома, сына встречает, в обе щеки целует.

— У Старика, сын мой, был ли? — спрашивает.

— Не на меня, а на Амур, отец, смотри! — отвечает Азмун.

А на Амуре вода кипит — столько рыбы привалило. Кинул Азмун своё копьё в косяк. Стало копьё торчком, вместе с рыбой идёт. Говорит Азмун:

— Хватит ли рыбы, отец мой названный?

— Хватит!

Стали нивхи жить хорошо. Весной и осенью рыба идёт!

Про многих людей с тех пор забыли. А про Азмуна и его кунгахкеи помнят до сих пор.

Как разволнуется море, заплещутся волны в прибрежные скалы, седые гребешки на волнах зашумят — в свисте ветра морского то крик птицы слышится, то суслика свист, то деревьев шум... Это Морской Старик, чтобы не заснуть, на кунгахкеи играет, в подводном доме своём пляшет.

БОЛЬШАЯ БЕДА

У стариков — жизнь позади. Старики много знают — хороший совет всегда дать могут. Только и молодой хорошее слово сказать может: силы у него больше, глаз лучше, руки твёрже, вся жизнь впереди — он вперёд смотрит.

Давно удэ в тёплых краях жили, на равнине, на берегу моря. Много их было, как деревьев в лесу. Тихо жили, ни с кем не воевали. Зверя били, рыбу ловили, закон соблюдали, детей растили. Давно это было.

Тогда в одном стойбище хозяином был старый шаман Бата́. Как заболит кто-нибудь — вытащит Бата свой бубен, на котором Агды́ — гром — нарисован, костёр разведёт, бубен на костре подогреет и начнёт шаманить. Вокруг костра ходит, пляшет, разные слова говорит, поёт, в бубен бьёт, будто гром гремит. В бубен бьёт Бата, говорит — злых чертей пугает... Шум такой поднимет, что потом эхо два дня откликается. Иной больной и выздоровеет, глядишь. А если

умрёт... и тогда шаман своё дело сделает: на серой птице с красным клювом душу покойника в подземное царство — Буні — увезёт. Ту птицу, правда, никто не видал, да как шаману не верить!

Боялись шамана сородичи, слушались его. Что захочет шаман взять — отдают. Что скажет шаман — сделают. Как шаману не дать! Не дашь — он злых чертей на стойбище напустит, всем худо будет... Говорили про Бата, что он очень большой шаман. Черти шамана любили — всё у него было, даже тогда, когда все другие удэ голодали, свои унты с голоду жевали.

И жил в том стойбище молодой парень Димдига. Охотник хороший: одной стрелой двух гусей убивал. Парень как парень — не хуже других, а лучше. Смотрел этот парень на шамана — в толк не мог взять: почему это так получается — двух уток он убьёт, одну — себе, другую — Бата отдать надо; двух соболей забьёт, одного — себе, другого — опять ему же? Шаман на охоту не ходит, шаман в болоте не мокнет, на солнце не сохнет, на морозе не мёрзнет, а добычи столько же получает, сколько и Димдига. Отчего это?

На совете мужчин Бата говорит, разделивши добычу:

— Хорошо сделали мы, все довольны...

Говорит Димдига:

— Хозяин! Я недоволен... Почему так? Ты в юрте сидишь, ног не бьёшь. Тебе все мужчины половину отдают. Почему у меня — охотника — меньше добра, чем у тебя?

— Глупый ты! — говорит шаман. — Счастье мне духи приносят! Почему? С ними поговори... Вот сейчас всех чертей своих сюда позову.

Рогатую шапку надевает, пояс с погремушками надевает, за бубен гремящий хватается. Гремит бубен, по всей округе гром идёт.

Просят старики:

— Не шамань, молодого не слушай! Он ума на охоте не добыл, только зверя на охоте добыл...

— Ладно, — говорит шаман, — только ради вас его прощаю.

И опять ходит Димдига на охоту. Зверя бьёт: одного — себе, одного — Бата. А шаман всё Димдигу ругает. Что бы ни сказал парень — всё шаману вперёд.

...В тот год из дальнего стойбища люди прибежали. Оборванные, голодные. Говорят плача:

— Страшные люди на нас напали. Войной идут... Множество великое их! Сами — как тигры. На диких зверях ездят.

— Что за звери? — спрашивает на совете Димдига. — Собаки?

— Нет, не собаки.

— Олени?

— Нет, не олени. Нам ли оленей не знать — всю жизнь оленей держали! Четыре ноги у тех зверей; шерсть гладкая; морда на оленью похожа, да не совсем; хвосты у тех зверей длинные, на ногах круглые копыта, да на шее тоже длинные волосы. Кричат те звери так, что далеко слышно. У тех, кто крик их услышит, сердце заячье делается. Те люди никого не щадят. Мужчин убивают, женщин с собой уводят, детей малых под копыта своим зверям бросают.

— Плохие люди, — говорит Димдига. — Уходить надо, у нас с ними драться силы не станет.

— То не люди, — говорит Бата.

— Да мы сами видали: две руки, две ноги, одна голова у тех людей. Не по-нашему говорят. От деревень только пепел оставляют. Где они пройдут — там и трава не растёт.

— То не люди, — говорит Бата, — то злые черти! Это их Димдига накликать... Худой сон приснился

вам. Не бывает таких людей. Шаманить буду — мне дары давайте, тех чертей прогоню!

Люди с дальних стойбищ дальше бегут...

Прибегают из средних стойбищ люди.

— Бегите! — кричат. — Злые люди на нас напали! Против них у нас силы нет. Юрты жгут, людей бьют!

— Уходить надо, — на совете Димдига говорит. — Злые духи юрт не жгут.

— То не люди, — на своём шаман стоит, — то злые черти! Нет такого чорта, чтобы меня испугал. Шаманить буду — всех чертей перепугаю!

Люди со средних стойбищ дальше бегут...

Из ближних стойбищ люди прибежали:

— Тех злых людей мунгалами звать. Говорят, они весь мир прошли, никого в живых не оставили. Только и есть живые, что мы с вами!

— Со своих зверей слезают ли мунгалы? — спрашивает на совете Димдига.

— Слезают, когда едят и когда убивают.

— Что едят мунгалы?

— Тех зверей, что с ними запасными идут.

— Это люди, — говорит Димдига. — Надо оружие готовить. Надо уходить с их дороги. Что едят мунгальские звери?

— Траву, — отвечают люди.

— Надо в лес уходить, надо в горы уходить, — говорит Димдига. — Те люди, верно, к лесам да горам непривычны.

— То черти! — говорит Бата. — Злые духи, их Димдига раздражил. Несите дары мне. Я великий шаман — все беды отгоню! Мангнй — идола — сделаю, всех чертей разгоню!

Стал Бата шаманить день и ночь. Упадёт от усталости, вскочит и опять шаманит. Страшного идола сделал — Мангни — и вокруг него кружится. Мангни

на холме стоит. Три роста в нём. Живот у Мангни пустой, чтобы вечно голодный был. Руки у него змеями перевиты, чтобы гибкими в драке были. У того Мангни на ногах ящерицы, чтобы быстро бегал. В груди у него — птица вместо сердца. На груди — медный круг начищенный, как солнце сияет, чтобы врагов слепить. В том медном круге всё отражается. Справа и слева от Мангни — деревянные помощники стоят на одной ноге, одной рукой машут — чертей пугают...

Говорит шаман:

— Подлетят мунгалы на своих зверях, в медном круге себя увидят, подумают — нет здесь никого, кроме них. Уйдут.

— Копьями и стрелами мунгалов надо отгонять! — говорит Димдига.

Жмутся люди к Бата. Никто не защитит их больше.

Сделал Бата ещё двух идолов — Мангни на помощь, чтобы бить чертей.

Говорит тут Димдига:

— Эй, люди! Большая беда пришла — не Бата-старику её отогнать. Берите луки, стрелы, копыя, в леса уходите, в горы уходите. Тем мунгальским зверям трава нужна. Дойдут мунгалы до лесов, до гор, увидят — зверей нечем кормить, назад повернут!

Шум в стойбище поднялся. Молодые кричат:

— Димдига правду говорит — мужчины должны драться!

Старики вопят:

— Никто против чертей не силён!

А мунгалы уже близко. Уже крик их слышен. Уже пламя видно: жгут мунгалы юрты соплеменников Димдиги.

Шаманит Бата. Из рта у него пена брызжет. Бубен, как гром, гремит. Побрякушки на поясе звенят.

Шапка рогатая раскачивается. Трясутся от страха старики, на него глядя.

Сородичам говорит Димдига:

— Кто со мной пойдёт — перейдите ручей! Кому детей своих жалко — перейдите ручей! Кому за оружие взяться не стыдно — перейдите!..

Кто шаману не верил — перешёл ручей. Остались с шаманом те, кто чертям верил больше, чем своим рукам.

Ушёл Димдига.

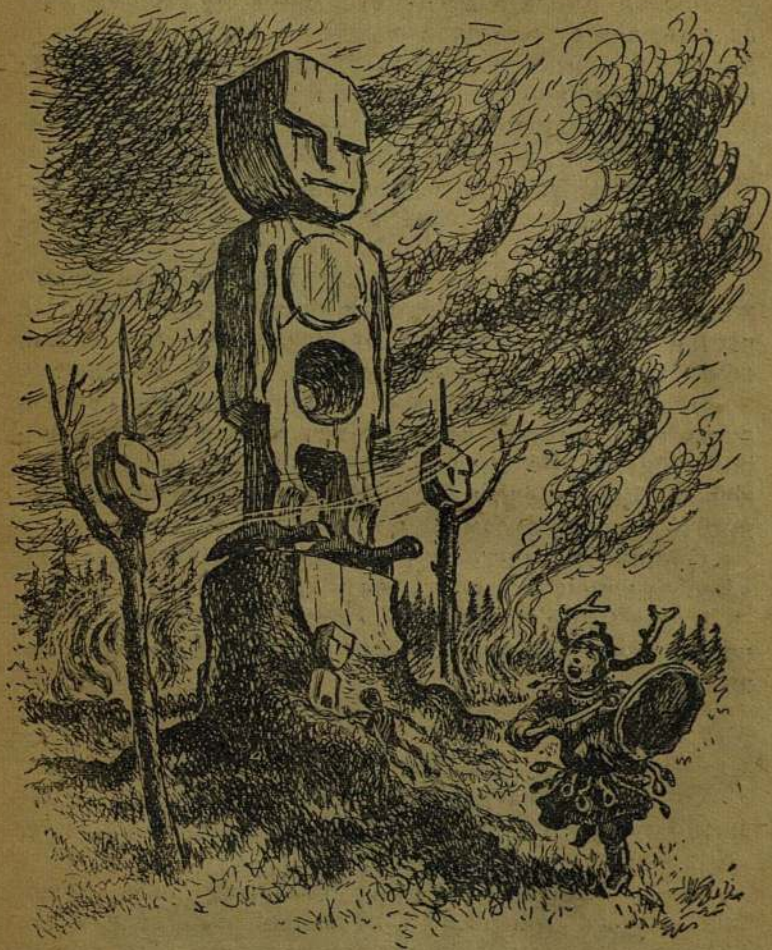
А мунгалы словно туча идут. Как песку на берегу морском — тех мунгалов! Дрожит земля от топота. Над мунгалами шум стоит, как в половодье: кричат они, гикают, своих зверей погоняют. В руках у них кривые сабли длинные, за плечами — колчаны со стрелами, у седла — топоры боевые. Правду Димдига сказал, что не черти мунгалы, а люди. Стойбище увидали мунгалы, ещё пуще закричали. Целую тучу стрел пустили — солнца не видно стало!

А Димдига со своими уже от леса недалёко.

Увидали мунгалы Димдигу — помчались вслед. Чуть не догнали. Да парень уже в лес вошёл. Женщин и детей дальше погнал Димдига. А сам с мужчинами за деревьями спрятался. Стали в мунгалов стрелы из тугих своих луков пускать. Запели стрелы, полетели. Сквозь чорта стрела пройдёт, разве может человек чорта убить? А мунгалы падают с сёдел...

От дерева к дереву — глубже в лес уходит Димдига. От дерева к дереву — глубже в лес уходят и те, кто с ним из стойбища ушёл.

Долго гнались мунгалы за Димдигой. Только звери их к лесу непривычны. Только зверям тем в лесу тесно. Только зверей тех в лесу кормить нечем. Тех зверей мунгалам пасти негде. Только мох седой вокруг на деревьях висит да папоротники стеной стоят...

Повернули мунгалы обратно.

Послал Димдига людей своих — всем соплеменным сказать, как от мунгалов спастись. Потянулись удэ в леса да в горы. Стали на горах да в лесах жить. Лесными людьми удэ стали. Так их и до сих пор зовут.

...Сколько времени прошло — не знаю. Пошёл Димдига на старое стойбище. Посмотреть хотел — помог ли Мангни шаману. Видит Димдига — мунгалы до моря дошли, назад повернули, в свои степные равнины назад ушли.

Видит Димдига — в старом стойбище Мангни лежит поверженный... В пустом брюхе трава растёт, в пустой груди ящерики бегают. Одноногие помощники обугленные лежат — мунгалы из них костёр делали.

Видит Димдига — лежит шаман, ноги раскинул, в руках топор держит. Рядом с ним мунгал лежит, топором убитый. Вспомнил, видно, шаман Димдигу, да поздно было. Лежит Бата. На нём ворон чёрный сидит. Хорьки да росوماхи по стойбищу рыскают.

Обратно Димдига в лес пошёл. Родичам сказал: «Лес да камни — нам лучшая защита!»

Стали удэ в лесах жить. На совете молодые стариков слушают. Но и старики от молодых хорошего слова ждуг.

САМЫЙ СИЛЬНЫЙ

Побежали зимою нанайские ребята на лёд кататься. Сначала играли, катались. Потом подрались.

Один мальчик, Намека́, побил другого, Курбу́. Побил он Курбу и стал хвастаться:

— Я самый сильный тут. Все вы должны мне поклониться.

Тут поскользнулся Намека, упал и разбил себе затылок. Говорит ему Курбу:

— Вот, значит ты не самый сильный, если лёд побил тебя. Видишь — кровь идёт. Поклонись льду.

Спросил Намека лёд:

— Эй, слушай, лёд, есть ли кто-нибудь сильнее тебя?

— Есть, — говорит лёд: — солнце сильнее меня. Как пригреет оно — я таять стану. Поклонись солнцу.

Пошли мальчишки к солнцу. Долго шли. Наконец пришли. Говорит Намека солнцу:

— Эй, отец! Я побил Курбу, лёд побил меня, ты растопишь лёд — ты, значит, сильнее нас. Вот пришёл я тебе поклониться.

Подумало, подумало солнце.

— Туча сильнее меня, — говорит оно Намеке: — как закроет она землю, станет холодно — и лучи мои сквозь неё не пройдут...

Пошли мальчики к туче. Забрались на высокую гору. Вокруг туман, сырость, холод. Пока до тучи добрались, мокрые стали, ледяной коркой покрылись.

Говорит Намека туче:

— Слушай, мать! Я сильнее Курбу, лёд сильнее меня, солнце сильнее льда, ты сильнее солнца — значит, ты сильнее всех. Вот пришёл я тебе поклониться.

Только туча собралась ответить — подул ветер, загулял вокруг, засвистел, зашумел и рассеял тучу.

Вот только сейчас холодно, сыро было, в двух шагах ничего не видно. И вдруг стало тепло, светло, ударила радуга, солнышко засияло, и весь Амур — от верховьев до лимана — видно стало как на ладони.

Закричал тогда Намека ветру:

— Слушай, ветер! Я побил Курбу, лёд разбил мне затылок, солнце растопило лёд, туча закрывает солнце, ты разогнал тучу — ты, значит, сильнее нас всех. Вот, кланяюсь я тебе.

Поклонился Намека. А Курбу спрашивает у ветра:

— Ты гору сможешь ли сдвинуть с места?

Стал ветер дуть. Но сколько ни надувал он щёки, гора стояла, как прежде. Только песчинки с её вершины полетели.

— Э-э, — сказал Намека, — много же тебе времени нужно будет, чтобы гору передвинуть с места на место! Гора-то, выходит, сильнее тебя!

Поклонились мальчики горе.

— Гора, гора! — сказал тут Намека. — Ты, что ли, сильнее всех на свете?

Покряхтела гора, подумала.

— Нет, — говорит, — дерево сильнее меня. Оно растёт на моей спине и своими корнями разрывает меня. Оно и от ветра меня защищает.

Поклонился Намека дереву:

— Эй, слушай, дерево! Я побил Курбу, лёд побил меня, солнце побило лёд, туча побилла солнце, ветер побил тучу, гора побилла ветер, ты побиваешь гору. Ты, что ли, сильнее всех?

Зашумело листьями дерево.

— Да, я сильнее всех! — говорит.

— Ну, это ты врёшь! — сказал в ответ Намека. Взял в руки топор и срубил дерево.

Тут все поклонились Намеке: и гора, и ветер, и туча, и солнце, и лёд.

С тех пор и пошло считаться, что человек сильнее всех на свете.

ЧОРИЛЬ И ЧОЛЬЧИНАЙ

Только то и крепко, что трудом добыто.

И любовь и дружба с трудом добываются. Чтобы всё хорошо стало, много в жизни тяжёлого перенести надо. Без труда и палку не выстругаешь. А для друга и любимого ни рук, ни головы жалеть не надо.

Ещё тогда, когда нивхов много было, жили на Тро-мифе — острове — Чориль из рода Тахта и Чольчинай из рода Чильби. Как родилась Чольчинай, мать Чориля перевязала ей руку собачьим волосом: стала Чольчинай невестой Чориля.

Когда девочка первую куклу в руки взяла, Чориль первого соболя добыл. Когда Чольчинай первый раз ножик в руки взяла, чтобы рыбу почистить, Чориль на совете мужчин первый раз голос подал как мужчина и охотник.

Чориль Чольчинай куклу из дерева сделал. Ножик ей сделал. Доску для выделки рыбьих шкур сделал, да так красиво вырезал, как никто до сих пор не умел.

Так и жили они.

Только без горя жизнь не проживёшь... Пришла на остров чёрная смерть. Купцы ли с Нипонских островов её привезли, родичи ли с Амура, Тайфун ли — ветер — на своих чёрных крыльях принёс её или сама она по воде пришла — кто знает? Куда потом ушла — тоже никто не видал. Только пришла она одна, а ушла — многих нивхов с собой унесла. В каждом доме покойник был. В каждом доме слёзы лились.

У Чольчинай родителей болезнь унесла. У Чориль родителей чёрная смерть унесла. Оба осиротели.

Взял Чориль свою невесту к себе в дом.

Стали жить они вместе.

Чориль, что ни день, в дом добычу тащит. Охотник он был хороший — ни один зверь от него не уходил. Рыбак он был хороший — ни одна рыба от него уйти не могла. Твёрдую руку Чориль имел, острый глаз. Красивый был, голосом степенным говорил, песни петь умел. Всё он умел. За что Чольчинай ни схватится — всё Чориль своими руками сделал: невод сплёл, чумашки — коробки из бересты — сделал, лодку сделал, нож, копьё и шест, острогу, весло и чашки. Даже зеркало серебряное для невесты Чориль сделал.

Чольчинай с каждым днём всё красивее становится. Глаза у неё ясные, как звёзды; губы будто малиновым соком сбрызнуты; брови, как два соболя, над глазами раскинулись; а ресницы у Чольчинай такие, что с тех пор и поговорка пошла: «Вокруг глубокого озера камыш растёт».

Скоро время Чольчинай две косы заплетать. Скоро за Чориль замуж идти. Как взглянет на невесту Чориль — сердце у него, точно ласточка, забьётся.

Чориль уже и запас на свадьбу готовит.

Когда с охоты идёт, под шкурками самого не видеть — столько зверя набьёт.

Когда с рыбной ловли возвращается Чориль — всей деревней за ним улов тащат.

Смотрит на него Чольчинай, спрашивает:

— Отчего тебе удача во всём, Чориль?

Посмотрит Чориль на свою Чольчинай, голову запрокинет и запоёт таким голосом, что у Чольчинай в груди замирает.

— Анн-н-га! Ынн-н-га! — поёт Чориль. — О милой помни всегда! Сердце стучит и глаза блестят тогда! Ноги быстрее и руки ловчей тогда! Скалы возьмёшь и повернёшь тогда! Через горы и реки полетишь тогда! Море как горсть воды тогда! Никто не остановит тебя тогда! О милой помни всегда! Сильней всех врагов будешь тогда!

Ходит Чольчинай по деревне. Самая красивая из всех. Голос у неё, как у птички. В чёрной собачьей шубе Чольчинай ходит. Юбка на ней — из пёстрых тюленей. Шапочка на ней — из беличьих шкурок.

Увидал невесту Чорилья старый Аллых из рода Уданы-Хингану. Увидал — глаз отвести не может. Рот раскрыл, губы распустил... Понравилась ему Чольчинай.

— В мою юрту пойдёшь, девчонка?

Посмотрела на него Чольчинай и рассмеялась:

— Я невеста Чорилья, Аллых! Как могу я смотреть на жабу, когда рядом со мной солнце стоит?

Закрыв рот Аллых, губы вытер.

— Ладно, — говорит, — посмотрим, долго ли твоё солнце светить будет!

Плохое задумал Аллых.

Аллых шаман был. Двенадцать толи — медных блях — у Аллыха на поясе висело. Двенадцать шаманов до Аллыха этот пояс носили. Большую силу Аллых-шаман имел.

...Пошёл однажды Чориль медвежат добывать. Про-

водила его Чольчиной. Села, стала свадебный халат вышивать.

А Аллых бубен взял, костёр развёл, шаманить стал, злых духов стал призывать. Долго шаманил.

...Побежала по снегу позёмка. Завихрился снег, столбом встал, закружился. Чёрная туча небо обложила. С тёмной стороны большой ветер прибежал, кверху весь снег поднял.

Потемнело всё вокруг. Буран поднялся такой, что своей руки не увидишь!..

Никогда ещё такого бурана не было. У нивхов все юрты занесло — ровное поле стало там, где деревня стояла. Где лес стоял — только верхушки сосен из-под снега торчат.

...Застиг Чориля буран...

Видит парень — не будет охоты. Понюхал ветер — чувствует, надолго. Как спастись? Стал Чориль пустую берлогу искать. Пустой не нашёл. Нашёл такую, где медведица лежала. Сказал ей Чориль, что не за ней пришёл, что буран его загнал. Лёг рядом, пригрелся. Заснул...

Десять дней и десять ночей выл буран, дороги заносил, деревья ломал, снег до неба поднимал. Потом утих ветер, улёгся снег. Тихо стало. Мороз ударил. Хороший наст стал. Самое время Чорилю итти медвежат добывать. Не может парень проснуться! Во сне слышит, будто Горный Хозяин говорит ему: «Кто из простых людей с медведицей в одной берлоге зиму проспит — нашим, таёжным человеком станет!» Дёрнулся было Чориль — хотел встать, бежать из берлоги, да сил у него не стало сон с себя сбросить, проснуться.

Пока лежал Чориль в берлоге, шерсть на нём выросла и когти на руках и ногах выросли. Таёжным человеком Чориль стал, медведем.

...Ждёт Чольчиной жениха, а его всё нет.

Буран улёгся. День за днём идёт. Пора бы Чорилю вернуться, а его всё нет. Плачет Чольчиной, тоскует...

Пришёл к ней Аллых, за руку взял:

— Что ты одна сидишь, девчонка? Не вернётся твой парень! Иди в мою юрту.

Вырывается Чольчиной, а Аллых так держит руку, что не вырвешься. Закричала Чольчиной, на помощь зовёт. Сбежались люди.

Говорит им Аллых:

— Одна девчонка осталась. Чориля злой кехн — чорт — уташил. Пропадёт теперь девчонка! В свою юрту её возьму. Добрый я.

Молчат люди, боятся против Аллыха слово сказать.

И уташил Аллых в свою юрту Чольчиной. Сел на нары, брови нахмурил, пальцем шевельнул — десять его жён со всех ног бросились мось — кушанье — готовить. Рыбьей кожи нарезали, тюленьего жира натопили, в котёл бросили. Ягод, рису в котёл бросили. Отварили всё. Сушёной рыбы накрошили. Для цвета и вкуса белой глины подбавили. Стали жёны мось жевать да Аллыху в рот класть. Только и остаётся ему что глотать. Протягивает Аллых мось Чольчиной: ешь! Не взяла Чольчиной мось — сухой юколы, из дома взятой, пожевала.

...Зима проходит — Чориля всё нет.

Каждый день спрашивает Аллых Чольчиной:

— Скоро ли две косы заплетёшь, девчонка?

— Не скоро ещё! — отвечает Чольчиной.

...Выбрала Чольчиной время. Оделась в охотничий наряд, копьё взяла, нож взяла, что Чориль сделал, сумочку свою рукодельную взяла, гребень взяла. Ушла из дома Аллыха ночью — Чориля искать.

Идёт Чольчинай по тайге, видит — над сугробом парок вьётся. Значит, медвежья берлога под тем сугробом.

Устала уже Чольчинай, есть захотела. Думает: «Подниму медведя, заколю! Кто знает, сколько мне ещё Чорилия искать? Медведя заколю, крови горячей напьюсь — силы прибудет, мяса с собой в дорогу возьму».

Сунула Чольчинай в проталину копьё. Стала в берлоге медведя шевелить.

Заревел медведь, вылез наружу. Большой, шерсть на нём серебром отливает. Ещё не видала Чольчинай такого красивого медведя. «Хорошая добыча!» думает Чольчинай. Отступила назад, покрепче в снег ногой упёрлась. Замахнулась копьём, чтобы под сердце медведя ударить, без лишней муки убить. А копьё в сторону ушло, в сугроб уткнулось, только древко раскачивается... Схватила Чольчинай за нож, размахнулась посильнее и ударила медведя в сердце. А нож в кольцо завился, даже не оцарапал медведя. Чольчинай глаза закрыла, чтобы смерть свою не видеть.

Тут говорит ей медведь:

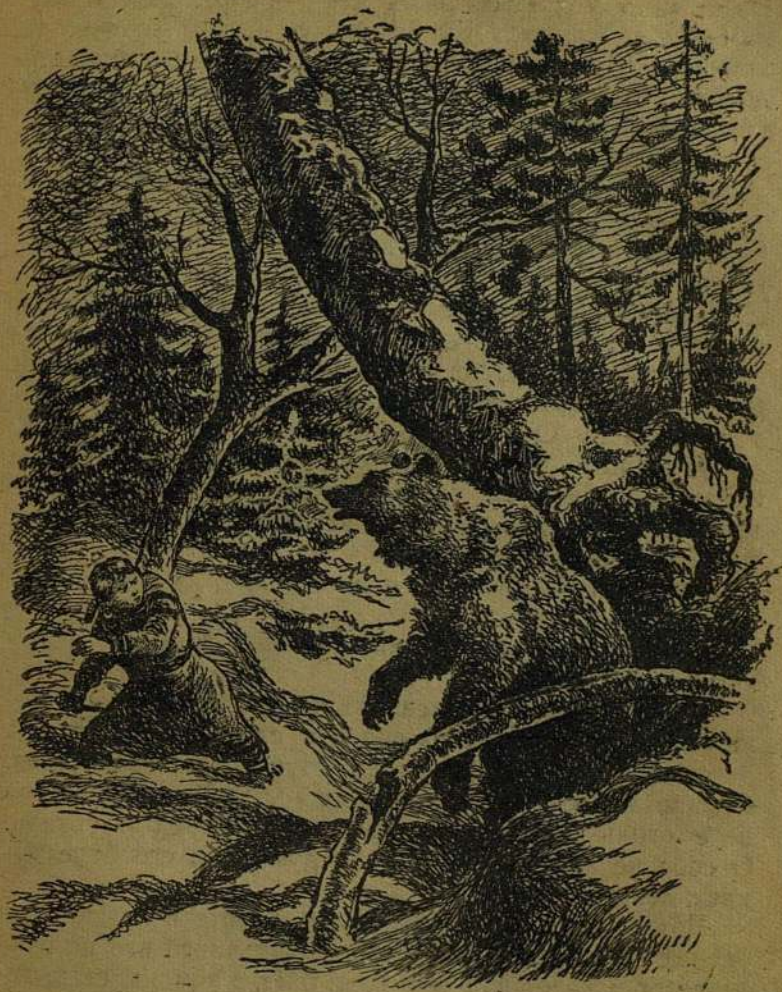
— Не бойся, Чольчинай. Это я — Чориль.

— Ты злой кехн! — кричит Чольчинай. — Заколдовал ты мой нож и копьё!

— Нет, Чольчинай, — говорит ей медведь. — Сам я тот нож и копьё делал, помнят они меня, потому и не идут против меня! Я — Чориль.

Рассказал он, что с ним случилось. Поняли они оба, что виноват во всём Аллых, который захотел Чольчинай в жёны получить.

Стали думать: как быть? Пока жив Аллых — быть Чорилию медведем. И убить Аллыха нельзя — своя кровь, как можно пролить? Грех большой. Такой грех не прощается.

Говорит Чориль:

— Есть у Аллыха свой кехн — чорт. Убить кехна — умрёт Аллых... Живёт кехн у Горного Хозяина на каменной плите, в котле у столба. На закат солнца надо идти. Только я не могу. Живой медведь к Хозяину не ходит. Трудная дорога туда!

Подумала, подумала Чольчиной, говорит:

— Пойду я к Горному Хозяину. Кехна того убью.

Взял медведь копьё из сугроба, нож расправил, Чольчиной отдал. Попрощались они. И пошла Чольчинан на закат.

Долго ли шла — не знаю. Не считала Чольчинан шагов, не останавливалась. Через реки на копьё перелетала. Через горы на копьё перелетала. Девять рек миновала. Девять озёр миновала. Девять горных хребтов миновала. О себе не думала. О Чориле думала. Вдруг видит — каменная сопка стоит, вершина её в облаках пропадает. Ни уступа, ни выступа на той сопке нет. Гладкая скала прямо из земли в небо растёт. Камень! Как подняться наверх?

Схватила Чольчинан нож Чориля, в скалу кинула:

— Работай, помогай мне хозяина из беды выручать!

Ударился нож о камень. Искры во все стороны полетели. Стал нож камень долбить, ступеньки рубить.

Стала Чольчинан по тем ступенькам взбираться. Солнце в свою юрту спать ушло. Небесные люди на небе огоньки засветили. Лезет Чольчинан по скале. О себе не думает — о Чориле думает, о его беде думает, лезет по скале...

Вот солнце выспалось, двери в юрте открыло. Небесные люди огонь погасили. А Чольчинан всё по скале лезет. Скачет над нею нож, бьёт в камень, сыплотся искры в разные стороны. Чольчинан со ступеньки

на ступеньку поднимается. На землю не смотрит, о себе не думает.

На последнюю ступеньку Чольчиной ступила. Нож о камень поточила, в чехол вложила. Глянула вниз, чуть не упала — так далеко от неё земля: реки ниточками протянулись, сопки соболиными погадками кажутся.

Пошла дальше Чольчиной.

Видит — высокий дом стоит: брёвна каменные, столбы железные. Тот дом такой высокий, что как голову ни задирай — крыши не увидишь.

Лежит перед дверью удав — змей. Чешуя у удава каменная. Лежит перед дверью удав. Голову его Чольчиной видит, а туловище его в тумане теряется: такой большой удав. Зелёные глаза свои на Чольчиной уставил. Смотрит — не смигнёт.

Похолодели у Чольчиной колени, ослабели руки. Как с таким справиться?

Зашевелилась тут у Чольчиной сумочка. Вынула из неё Чольчиной иголку костяную с жильной ниткой и бросила змею в глаза.

Принялась иголка в глазах удава снова — то вверх, то вниз; то верхнее, то нижнее веко проткнёт, нитку за собой тащит. Не успела Чольчиной до пояса похолодеть, а иголка уже один глаз удаву зашила, за второй принимается. Мотает головой удав, не может понять, что случилось, отчего глаза закрываются.

Зашила костяная иголка змею глаза.

Холод от Чольчиной отлетел. Переступила она ногами, к двери подошла. А та сама перед ней открывается.

За той дверью — другая дверь. Перед дверью большая ящерица лежит. Не видала Чольчиной таких: железная она, чёрная пасть раскрыта, во рту раздвоенный язык трепещет. Дохнула ящерица на Чольчиной —

у девушки ноги до колен в землю ушли. Вынула Чольчинай из своей сумочки напёрсток, кинула, прямо ящерице в пасть попала, глотку ей заткнула. Тужится ящерица — не может второй раздохнуть. Высвободила Чольчинай ноги — и к двери. Дверь сама перед ней раскрывается.

За той дверью — третья. Сторожит её тигр. Зубы оскалил, а зубы в локоть длиной. Хвостом по земле бьёт, а хвост толщиной в лиственницу.

Кинула Чольчинай тигру в пасть свою гребёнку. Стала гребёнка тигру поперёк горла: ни назад, ни вперёд. Чем шире тигр пасть разевает, тем длиннее у гребёнки зубья делаются. Рычит тигр, а с Чольчинай ничего сделать не может. Видит девушка, что тигру не до неё, подскочила к дверке, а та сама перед ней открывается.

А за той дверкой — юрта Хозяина. В той юрте всё, как у простых людей, только в потолке звёзды светят. В каждом окне — по солнцу. Возле нар столько звериных шкур лежит, что и не сосчитаешь. В эти шкуры Хозяин души убитых зверей вселяет, чтобы не перевелись звери на земле, сколько бы ни били их люди.

Оглянулась Чольчинай. Видит — потолок на столбы опирается. У одного столба каменная плита лежит, на плите котёл стоит. Посредине нар старик сидит, у того старика лицо светится.

Смекнула Чольчинай, что это и есть Горный Хозяин. Стала на колени, руки сложила, выслушать попросила. Рассказала, какая беда у неё случилась и зачем она пришла.

Говорит ей Хозяин:

— Как Чориля не знать! Хороший охотник, всё по закону делал: в костёр воду не лил, медведя саблей не рубил, кости не ломал. Очень плохо, что в такую

беду попал! Вот смотри, в том котле много шаманьих кехнов — чертей — живёт. Который Аллыха — не знаю. Девочка ты храбрая, горя ты много перенесла... Возьми то, за чем пришла. К котлу подойдёшь, крикни: «Кехн Аллыха, иди хозяину служить!» — тут и хватай его.

Так и сделала Чольчинай.

Только крикнула она: «Кехн Аллыха, иди хозяину служить!» — как выскочил из котла чёрный червяк. Схватила его Чольчинай в кулак, зажала покрепче — и бежать...

К обрыву подошла, на копьё села и прыгнула вниз. Летит, только в ушах свистит, скалы да утёсы мимо мелькают! Летит копьё, Чольчинай за него обеими руками держится. Летит копьё над горами и лесами, над озёрами и реками...

Долетело копьё до того места, где Чориль свою невесту ожидал. Слезла Чольчинай с копьё, к Чорилю подошла.

Говорит Чориль:

— На кого только я шкуру свою брошу?

— Найдётся на кого, — говорит Чольчинай.

Глядит — к ним Аллых бежит.

Увидал Аллых Чольчинай, кричит:

— Вот ты где, негодная девчонка! Насилу нашёл!

— Напрасно искал ты меня, — говорит Чольчинай. — Искал ты меня, а нашёл свою судьбу.

Кинула она тут на землю того кехна, которого в кулаке держала. Наступила на него и раздавила. Зашатался Аллых, на четвереньки стал. Тут медвежья шкура с Чорилия слезла, на шамана прыгнула и окутала его. Стал медведем Аллых. Так и надо ему! Зачем Чорилю и Чольчинай худа хотел? Замахнулась на него Чольчинай копьём, испугался Аллых и кинулся от неё в тайгу.

Взялись Чориль и Чольчинай за руки и пошли в свой дом. По дороге Чольчинай две косы заплела.

Поженились они. Долго жили. До последнего дня друг друга крепко любили.

Что с трудом даётся, то люди берегут!

АЙОГА

Жил в роду Самáров один нанаяц — Ла. Была у него дочка по имени Айогá. Красивая была девочка Айога. Все её очень любили. И сказал кто-то, что красивее дочки Ла никого нету — ни в этом и ни в каком другом стойбище. Загордилась Айога, стала рассматривать своё лицо. Понравилась сама себе, смотрит — и не может оторваться, глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на своё отражение в воде.

Ничего делать Айога не стала. Всё любит себя. Ленивая стала Айога.

Вот один раз говорит ей мать:

— Пойди воды принеси, Айога!

Отвечает Айога:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись.

— Куст оборвётся, — говорит Айога.

— А ты за крепкий куст возмись.

— Руки поцарапаю...

Говорит Айоге мать:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся, — говорит Айога. А сама всё в медный таз смотрится: ах, какая она красивая!

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается.

— Толстую иголку возьми, — говорит отец.

— Палец уколою, — отвечает дочка.

— Напёрсток из крепкой кожи — ровдуги — надень.

— Напёрсток прорвётся, — отвечает Айога, а сама — ни с места.

Тут соседская девочка говорит:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла девочка на реку и принесла воды сколько надо.

Замесила мать тесто. Сделала лепёшки из черёмухи. На раскалённом очаге испекла. Увидела Айога лепёшки, кричит матери:

— Дай мне лепёшку, маты!

— Горячая она — руки обожжёшь, — отвечает мать.

— А я рукавицы надену, — говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они, — отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят, — говорит мать. — Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепёшку той девочке отдам, которая своих рук не жалеет.

И отдала мать лепёшку соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла на реку. Смотрит на

своё отражение в воде. А соседская девочка сидит на берегу, лепёшку жуёт. Стала Айога на ту девочку оглядываться, и вытянулась у неё шея: длинная-длинная стала. Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепёшку, Айога. Мне не жалко.

Совсем разозлилась Айога. Замахала на девочку руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости — как это она, красавица, надкушенную лепёшку съест! — так замахала руками, что руки у неё в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит Айога.

Не удержалась на берегу, бултыхнулась в воду Айога и превратилась в гуся. Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась. Все слова забыла.

Только имя своё не забыла, чтобы с кем-нибудь её, красавицу, не спутали; и кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

СЕМЬ СТРАХОВ

Это ещё тогда было, когда удэ, на камень глядя, каменного человека видит; на медведя глядя, думал — таёжного человека видит; на рыбу глядя, думал — водяного человека видит; на дерево глядя, думал — древесного человека видит. Тогда с людьми всякие вещи случались. Такие вещи случались, каких теперь не бывает.

Жили два брата — Соломдигá и Индигá, в верховьях реки Кóппи жили.

Умер у них отец. Перед смертью наказал:

— Друг за друга держитесь. Одному плохо станет — пусть другой поможет. В одну сторону оба глядите. Вот, как сказал — делайте.

Умер отец. Братья белую тесьму в косы вплели. Положили отца в гроб. Гроб ногами на восток поста-

вили, чтобы и после смерти отец восход солнца видел. Семь дней отцу пищу носили, душу его кормили.

Потом на охоту пошли.

«В одну сторону оба глядите», говорил отец братьям. А младший брат, Индига, в след брату ступает да всё по сторонам глазее: очень Индига быстроглазый был, в одно место смотреть не любил.

Шли, шли братья. Индига по сторонам смотрит. Вдруг какой-то шум слышит. Повернулся — а на старшего брата из-за валежины тигр прыгает! Тот и копы не наставил и нож вынуть не успел. Индига дальше был. Ему бы копы в тигра бросить! А у Индиги заячье сердце сделалось: испугался младший брат. На землю упал, руки сложил, тигра просит мимо идти, их с братом не трогать.

Долго так лежал Индига. Потом голову поднял, смотрит — ни тигра, ни брата нет. Оба пропали. Никаких следов не видно... Защемило у Индиги сердце. Стал он брата звать. Кричал, кричал, да никто не отзывается, только сопки его крик передразнивают:

— Со-лю-ом! Ди-ди! Га-га! А-а-а!

Заплакал парень. Как без брата теперь жить? Что сородичам скажешь? Как с лица стыд утрёшь?

Плакал Индига, плакал, а делать нечего, дома мать ждёт, надо охотиться.

Стал Индига капканы смотреть. В одном колонок сидит. Чуть завидел Индигу — как закричит на него:

— Уходи прочь, брата потерявший!

Перегрыз зажатую в капкан ногу и ускакал на трёх ногах.

Стал Индига ловушки смотреть. В одной петле хорёк сидит. Увидел хорёк Индигу, давай кричать:

— Противно такому в руки даваться! Ты брата потерял!

Петлю разорвал, в тайгу ушёл.

Выстрелил Индига в гуся. Полетела стрела, ударила гуся под крыло. Вырвал гусь клювом стрелу, бросил Индиге обратно, кричит парню:

— Как такому добычей стать? Брата потерял Индига-га!

На середину реки вылетел гусь, в воду бросился, утонул.

Не даются парню с заячьим сердцем ни звери, ни птицы.

Сел Индига. Стал думать. Долго думал: весь табак искурил, весь мох вокруг искурил. Болит у него сердце. Думает Индига: «Вот, брата потерял. Плохое дело это — брата потерять. Сердце болит. Трубку потеряешь, и то не успокоишься, пока не найдёшь! А я брата потерял... Однако пойду Соломдигу искать. Найду — сердце болеть перестанет. Сам пропаду — сердце болеть перестанет!»

К матери Индига пошёл. На колени стал. Всё рассказал. Как у него заячье сердце стало — рассказал. Поцеловала его мать, заплакала. Говорит:

— Отец учил вас вперёд смотреть. Не послушался ты — брата потерял, заячье сердце нашёл. Сердце мужчины иди искать. Брата иди искать. Из-за твоего страха пропал он. Только смелостью теперь вернёшь его!

Взял Индига трубку, огниво, нож и копьё. Пошёл. А куда идти, не знает Индига. Пошёл на закат...

Ползущего ужа встретил. Спросил, где брата искать. Не знает уж. Пошёл дальше. Бегающую по земле мышь повстречал. Спросил — не видала ли Соломдигу. Не видала мышь. Лазающую по деревьям белку увидел. Спросил. Нет, не видала белка брата. К реке подошёл, плавающих рыб увидел. Спросил рыб — не видали ли Соломдигу. Не видали рыбы. Пошёл Индига дальше. Прыгающую жабу спросил. Не

видала жаба. Летающую пеночку увидел, спросил. Отвечает пеночка, что не видала Соломдигу — низко летает. Журавля, выше летающего, спросил. Не видел журавль. Говорит:

— У орла, выше всех летающего, спроси.

Стал орла Индига спрашивать — не видал ли орёл, куда его брата Соломдигу тигр унёс. Говорит орёл:

— Далеко твой брат. Найти его можно, если семь страхов перетерпишь. Теперь у тебя сердце зайца. Когда будет у тебя сердце храбреца — тогда ты брата найдёшь! — Обронил орёл одно перо, говорит: — Помогу я тебе. Куда полетит моё перо — туда иди!

Полетело перо на закат — Индига за ним пошёл.

Долго ли шёл — не знаю. Через три ручья перешёл. Летит перо впереди. Смотрит Индига вперёд, как отец учил. Шагает Индига, брата потерявший.

Вот дошёл парень до реки. Перо орлиное через реку перелетело. Сделал Индига лодку, на воду бросил. Вспенилась река, забурилась, зашумела, закипела. Как в котле, вода бурлит... Пар от воды поднялся. Туман по долинам пошёл. Сморщилась лодка Индиги, покорибилась, утонула. Рыбы в той реке сварились, плавают кверху брюхом, белыми глазами на Индигу смотрят. Страшно парню стало, но дело делать надо, а то навсегда у него заячье сердце останется. Сам себе говорит: «Это ещё не страх. Страх ещё впереди!»

Уставил свой лук меж двух деревьев Индига. Тетиву натянул, сучком зацепил. Стрелу наложил на лук. Сам одной рукой за стрелу взялся, другой — сучок сломал. Отскочил сучок. Сорвалась тетива. Разогнулся лук. Полетела стрела. Через реку кипящую полетела. Клубится пар вокруг Индиги, обжигает. Терпит Индига... Широкая река была. Пока летел парень, весь обжёгся. «Ничего, — говорит, — заживёт».

На другом берегу опустилась стрела. Стал Индига

на ноги. Видит — орлиное перо его дожидается. Только ступил парень на землю — полетело перо дальше. Индига — за ним!

Шёл, шёл... Через три ручья перепрыгнул, через три сопки перелез. Видит — между двумя горами каменная поляна. К той поляне узенькая тропинка ведёт. Та тропинка костями усеяна да черепами огорожена. Страшно стало Индиге. А орлиное перо вдоль той дорожки летит, прямо на каменную поляну. Видит Индига — на той поляне тигриное стойбище. Тигров — как пчёл в дупле! Добычу терзают. Друг к другу ластятся. Друг с другом дерутся. Ревут тигры так, словно над стойбищем Агды — гром — гремит.

Орлиное перо через стойбище летит.

Бьётся сердце у Индиги. «Съедят меня!» думает парень.

Трубку напоследок выкурил. Про огниво вспомнил. Из трутьницы сухую траву вытащил, жгутом скрутил. Тот жгут себе на голову надел. Высек огонь, зажжёв жгут.

Пылает сухая трава на голове у Индиги, будто костёр. Кинулся Индига через тигриное стойбище. Шарахнулись тигры в разные стороны. Ничего, кроме огня, не видят, Индигу не видят! Ревут тигры, хвостами по земле колотят, пасти красные разевают. А Индига — мимо них. Сам себе говорит: «Это ещё, видно, не страх. Страх-то ещё впереди!» Стойбище пробежал. Тигра одного убил, крови напился, мяса с собой взял, шкуру с собой взял.

А орлиное перо — уже над Индигой опять. Только справился он с делом — полетело перо дальше. Дорог не выбирает, летит напрямик. Три ручья перепрыгнул, три сопки перешёл, три реки Индига миновал. За последней рекой лес начинается.

В том лесу — деревья до неба. Густо растут. Через

ветки луч солнца не пробьётся. Через ветки ветер не продерётся. Стоят деревья, лианами переплетены. Сучья, словно руки, извиваются, хватают. Зверя пропустят, человека — нет. Видит Индига, чьи-то кости уже на ветках тех деревьев белеют. Страшно стало Индиге — колотится у него сердце, руки дрожат, а он сам себе говорит: «Это ещё, видно, не страх. Страх-то впереди!» Тигриную шкуру на себя натянул, мясо на куски порезал, на копьё вздел. В тот лес Индига вошёл.

Тянутся к Индиге деревья, запах мяса слышат. Руками-ветками ощупывают Индигу. Как ветка к нему — Индига кусок мяса ей кидает. Деревья друг у друга мясо вырывают. Драться из-за мяса начали. Так и хлещут сучьями друг друга, только кора да щепы в разные стороны летят. А Индига — всё дальше и дальше, через лес идёт за орлиным пером. С собой веток от тех деревьев набрал, думает — пригодятся обсушиться: «Разведу костёр, когда можно будет».

Летит орлиное перо. Шесть ручьёв перепрыгнул, шесть сопков перелез, шесть рек перешёл Индига.

Вот вышел он на болото. Летит перо напрямик. Как Индиге быть? Стал он те ветки на болото бросать. Стал по тем веткам ступать. Погружаются ветки в болотную воду. Пузырится болото. Синие огоньки по нему порхают. Дошёл Индига до середины болота. На дороге у него горбатый маленький человек стоит. Одна нога у того человека, одна рука у него. Испугался Индига: сердце у него забилося, руки-ноги задрожали. Узнал того человека Индига, хоть ни разу не видал до сих пор. Того человека Бокó звать. Только вред он людям делает. По болоту водит, пока трясина не засосёт.

Говорит Боко:

— Куда идёшь, парень?

— Тебя ищу, — отвечает Индига. (Что ему терять!)

— Вот я, — говорит Боко. — Зачем я тебе нужен?

— От людей я слыхал, — говорит тогда Индига, — что твоя одна нога сильнее двух... Не могу я этому поверить. Вот пришёл посмотреть. Давай испытаем, кто выше прыгнет. Лучше меня у нас в деревне никто не прыгает.

— Прыгни ты, — говорит Боко.

Прыгнул Индига. Выше дерева прыгнул. Вниз полетел — ноги растопырил, на сучки встал. До пояса в болото ушёл. Те сучки не дали ему утонуть.

Засмеялся Боко.

— Разве так прыгают! — говорит. — Вот как надо!

Присел он на своей одной ноге, разогнулся — да как подпрыгнет! До облаков долетел, вниз головой перевернулся, обратно полетел.

А Индига давай дальше сучья перекладывать, из болота выбираться...

Упал Боко, весь в трясину ушёл. Пока выбирался да глаза протирал, Индига на твёрдую землю вышел. На ровном месте стоит. Теперь Боко ему не страшен — не заплутает.

Сам себе Индига говорит: «Это ещё не страх был. Страх-то, видно, впереди».

Кричит ему Боко:

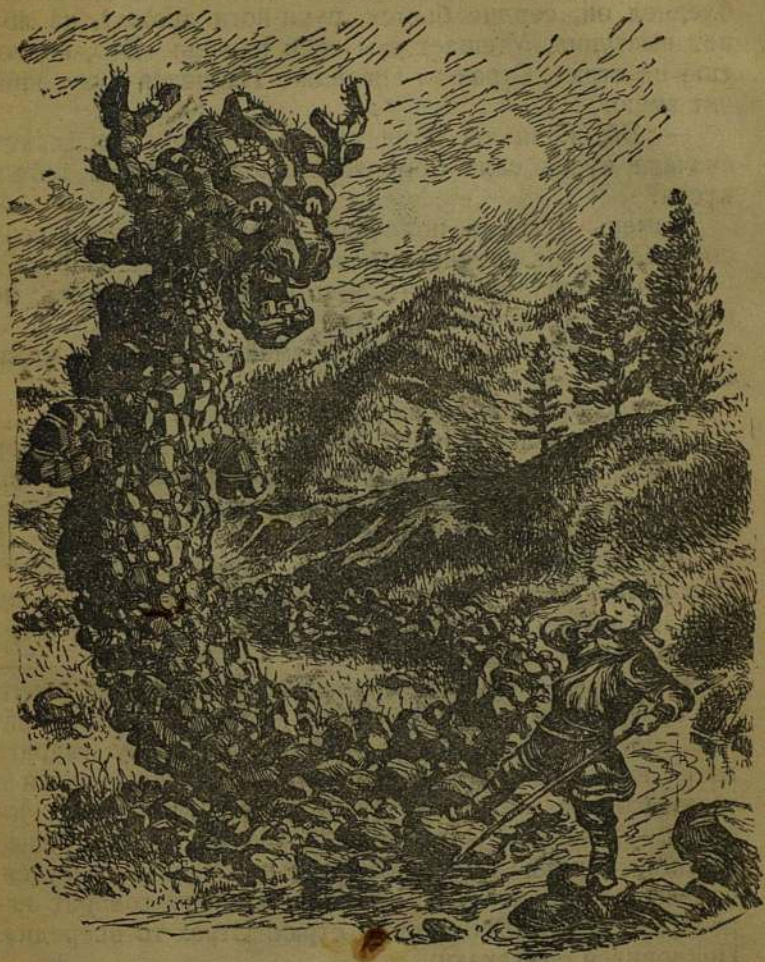
— Эй, парень, видал, как надо прыгать? Иди сюда!

— Некогда! — кричит Индига. — Дело у меня есть.

А перо орла дальше летит. Не успел Индига обшиться. Весь облепленный грязью, дальше пошёл.

Девять ручьёв перепрыгнул, через девять сопок перелез, унты совсем изорвал Индига, босой идёт, ноги бьёт. Девять озёр перешёл...

Из последнего озера большой змей выполз, кольцами вьётся. Каменная чешуя на нём блестит, звенит на нём чешуя. Из пасти пламя пышет. Под змеем

земля, трава горит. Дохнул на Индигу змей — одежду на нём сжёг, брови опалил. Страшно стало Индиге. Побледнел он, сердце бьётся, руки-ноги дрожат, на лбу пот выступил. Утешает сам себя парень: «Это, видно, ещё не страх. Страх-то впереди». Набрался духу, кричит змею:

— Эй, коли ты меня съесть хочешь, так возьми сначала кусок сала с меня! Может, хватит с тебя и куска?

Камень с земли подобрал, болотную грязь с себя соскоблил, тот камень вымазал, змею в пасть бросил.

Подавился змей, не может камень проглотить, не может на Индигу огнём дохнуть.

Давай Индига бежать, пока змей с камнем не справился.

А перо орлиное вперёд летит, пути не разбирая.

Девять ручьёв Индига перепрыгнул, девять сопок перешёл, девять озёр, девять лесов прошёл. Идёт бо-сой, до мяса ноги о камни стёр. И вышел он в каменное ущелье...

Тут ему всего страшнее стало: живые камни вокруг! Поворачиваются, вслед ему глядят, раскачиваются, друг с другом на каменном языке говорят. А перо дальше летит. Индига — за ним.

Видит вдруг Индига — среди камней человек стоит. Не простой тот человек: голова — редькой, ноги кривые, ростом тот человек такой, что голову задрать вверх надо, чтобы лицо его увидеть. Не встречался с таким раньше Индига, а сразу узнал, кто перед ним стоит, — Какзаму, злой горный человек. Стал белый Индига, сердце у него бьётся, руки-ноги трясутся, волосы от страха дыбом встали. Однако говорит парень сам себе: «Это ещё не страх. Страх-то впереди». Поклонился он Какзаму.

Спрашивает тот:

— Тебе чего здесь надо, козявка?

Говорит ему Индига, себя пропавшим уже считая:

— Эй, сосед, ты, говорят, силу большую имеешь!

— Правду говорят, — отвечает Какзаму. — Видишь — вокруг камни лежат? Всё это люди были, да я их в камни обратил. Пусть мои утёсы и всё, что под ними, сторожат. И тебя сейчас в камень обращаю!

Тронул он Индигу за руку. Стала каменная рука у Индиги. Пошевелинуть Индига рукой не может, поднять её не может. Чёрная рука стала. Чуть не умер от страха Индига.

Но духу набрался, говорит:

— Э-э, это ещё дед мой умел делать! Только не велика это сила — из живого мяса камень сделать. Вот ты из камня живое мясо сделай! Мой дед умел, да давно умер. Теперь никто не умеет.

Рассмеялся Какзаму — пошло в горах грохотать, обвалы пошли, лавины в ущелья скатились, камни все зашевелились... Отвечает он Индиге:

— Моя сила, моя власть: что захочу, то и сделаю!

Тронул он руку Индиги. Опять стала рука живая. Побежала по ней горячая кровь, стала рука шевелиться.

— Э-э, это ещё не всё! — кричит Индига. — Ну-ка, нагнись ко мне, на ухо скажу то, что дед мой знал, да с собой унёс!

Нагнулся горный человек к Индиге. Ухо подставил. Глазами ворочает. Ноздри такие, что целый кулак влезет. Вытащил Индига из-за пояса кисет с табаком, да весь табак и высыпал Какзаму в нос.

Принялся Какзаму чихать. Чихал, чихал... Вся сила у него через нос вышла. Когда ещё сила придёт — время пройдёт... А Индига — бежать, пока не поздно! Убежал от Какзаму.

Идёт за орлиным пером опять. Один ручей пере-

прыгнул, три сопки перешёл, шесть озёр обежал, девять лесов прошёл. Ноги свои до костей стёр.

Шёл, шёл Индига, видит — каменная стена стоит. Ту стену не обойдёшь, через ту стену не перелезешь: влево, вправо — стена через всю землю тянется; верх её облака закрывают.

Ударилось орлиное перо о ту стену и в пыль разлетелось, будто и не было его никогда.

Вот уж тут стало Индиге страшно. Так страшно, что и слов таких нет, чтобы рассказать. Ту стену — силой не возьмёшь! Ту стену — хитростью не возьмёшь! Заплакал Индига, посмотрев на себя. Ноги до костей стёрты. Руки обожжены. Одежка — в клочьях. Живот от голода к спине прилип. Много страху перетерпел Индига, а брата не видать! Вынул нож Индига, говорит:

— Назад не пойду — никто из сородичей моих назад не ходил. Сердце своё заячье вырежу. Стыд с лица утру...

Нож к груди приставил. Вдруг видит — в стене дверь показалась. А какой за ней ещё страх стоит?

Себя пересилил Индига: «Как могу бояться! Мужчина я».

Слышит вдруг — забилося у него в груди сердце мужчины. Взял он копьё в руку. Ударил что есть силы копьём. Распахнулась дверь. Ко всему готовый, прыгнул Индига в ту дверь...

Что такое?

Видит парень — на том месте он стоит, где брата своего потерял. И стены никакой нет.

Вокруг саранá — цветок — красным пламенем цветёт, птицы щебечут...

А прямо перед Индигой стоит его брат Соломдига. Стоит брат, красивую девушку за руку держит. Такой красивой не видал ещё Индига. Ресницы у девушки — как камыш, глаза — жёлтые, как солнце сияют. Жёл-

тый халат свадебный на девушке надет. На халате чёрные полосы, будто на тигровой шкуре.

Говорит Соломдига:

— Спасибо тебе, брат! Не побоялся ты ничего ради меня.

Улыбается девушка Индиге. Говорит:

— Я тигриного рода человек. Полюбила я твоего брата. Потому и унесла его к себе. Только вижу — ты без брата жить не можешь. Отпросилась я у Тигриного Хозяина к простым людям. Буду теперь с вами жить. С вами жить можно — смелые люди вы!

Взялись они за руки и пошли вместе.

Мать обрадовали.

Соломдига с девушкой мужем и женой стали.

А Индига научился вперёд смотреть — и заячьего сердца у него никогда больше не было.)

ХВАСТУН

Хвастуну верить — беды себе нажить.

Жил однажды в тайге заяц. По виду он был как и все зайцы: уши длинные, две ноги короткие, чтобы ими еду держать, две ноги длинные, чтобы от врагов бежать. Только был тот заяц хвастун. Таких хвастунов заячий народ ещё никогда не видал.

Вот один раз зайчишка маленький корешок сараны съел, а своим родичам рассказывает:

— Бежал я по лесу, еды искал. Вдруг как ударюсь обо что-то. Чуть голову не разбил. Вот, глядите — губу себе разорвал!

Смеются зайцы:

— Да, это верно, губа у тебя раздвоена. У всех зайцев такая губа.

А зайчишка говорит:

— Это у всех зайцев такая губа, а у меня особенная... Хотите слушать — не перебивайте... Ударился я,

вижу — сарана стоит, таких ещё никто не видал. Стебель у сараны с лиственницу вышиной! Цветок у сараны большой-пребольшой! Корешок у той сараны с медведя толщиной! Стал я землю копать. Зубы у меня острые. Лапы у меня сильные. Две сопки земли я накопал по сторонам. Корень откопал. Такой корень откопал, что десять дней подряд ел, а и половины не съел. Вот, смотрите, какой я жирный стал!

Посмотрели зайцы.

— Да ты такой, как все, — говорят, — не толще остальных зайцев.

— Промаялся я, — говорит хвостун, — сильно бежал, хотел вам тот корень показать. Добрый я. Сам наелся теперь на всю жизнь, пусть, думаю, и братья мои поедят сладкого корешка, какого никогда ещё не едали!

Кто из зайцев от сладкого корешка откажется! Потекли у зайцев слюнки. Спрашивают они:

— А как на то место дорогу найти?

— Да я покажу, — говорит зайчишка: — мне не жалко.

Побежали зайцы за хвостуном. Прибежали на ровное место. Говорит хвостун:

— Вот тут я сарану величиной с лиственницу видал. Вот тут я лапами две сопки земли накидал.

— Где те сопки? — спрашивают родичи у хвостуна.

— Река унесла.

— Где та река?

— В море утекла.

— Где та сарана?

— Повяла. Я ведь корень-то подгрыз.

— А где стебель сараны?

— Барсук съел.

— Где барсук?

— В тайгу ушёл.

- Где тайга?
- Пожар сжёг.
- А пепел где?
- Ветер разнёс.
- А пеньки где?
- Травой заросли.

Сидят зайцы, ушами хлопают: разобрать не могут, так ли было, как зайчишка говорит. А хвостун своё:

— Да такую сарану нетрудно найти. Совсем простое дело такую сарану найти. Надо только вперёд бежать да в обе стороны глядеть. Не с одной — так с другой стороны увидишь...

Кинулись зайцы врассыпную! Летят, глаза в разные стороны развели так, что свой хвост видят, а что впереди — не знают. Развели глаза, боятся ту сладкую сарану, с лиственницу величиной, проглядеть... Бегали, бегали, пока с ног не свалились. Тут от голода им и простая трава слаще сараны показалась. Только глаза они и до сих пор свести не могут...

БЕДНЯК МОНОКТО

Хорошая работа даром не пропадает, людям пользу принесёт. Не тебе — так сыну, не сыну — так внуку.

Умер у одного ульчского парня старый отец. Перед смертью позвал к себе сына, посмотрел на него, заплакал:

— Жалко мне тебя, сын! Дед мой ангаза́ — бедняк — был, отец был ангаза, меня всю жизнь так звали, и тебе, видно, придётся ангаза быть. Всю жизнь я на богатого Болда́ работал и ничего не заработал. У Болда рука лёгкая — когда он берёт. У Болда рука тяжёлая — когда он даёт. Ничего я тебе не оставляю. Только нож, огниво да острогу. Они мне от отца остались, отец их от деда получил... Пусть они теперь тебе послужат.

Сказал это отец и умер.

Одели его в последнюю дорогу. Похоронили. Малые поминки устроили.

Взял Монокто нож, огниво да острогу и стал на Болда работать, как отец его работал.

И забыли люди, как его зовут, стали называть ангаза-бедняк.

Верно старик сказал: тяжёлая у Болда рука, когда он даёт.

Позвал Болда парня Монокто, говорит ему:

— На твоём отце долг был. Долг его на тебя перешёл. Не отработаешь за отца — не повезёт шаман его душу в Буну. А я тебе помогать буду: кормить, одевать буду; что съешь, износишь — за тобой считать буду.

Стал Монокто за отца отрабатывать. Стал Болда ему помогать. Только от его помощи бедняку, что ни день, всё хуже становится. Ходит Монокто в обносках, питается объедками, слова сказать не смеет. Говорит ему Болда, едва рот разевая от жира:

— Трудись, Монокто, трудись. Мы с тобой теперь как братья. Оба помогаем душе твоего отца в Буну попасть: я — тем, что тебе работу даю, а ты — тем, что трудишься. Работай, Монокто.

Молчит парень, работает. До того доработался, что на нём едва халат держится — рёбра все пересчитать можно.

А к Болда отовсюду богатство идёт. Он с заморскими купцами дружит, товары у них покупает да сородичам продаёт за три цены. На него полдеревни работает — рыбу ловят, сушат, вялят юколу да за собаками Болда ходят. Полдеревни на него в тайге работает — зверя да птицу бьют. Болда всё к себе в дом тащит. Десять жён у Болда — всех за долги у сородичей отобрал, ни за одну выкуп не платил. Десять невольников у Болда — свои долги отрабатывают,

свою жизнь горькую проклинают. Что ни осень — едет Болда в Никанское царство на десяти лодках с жёлтыми парусами из рыбьей кожи. В городе Сань-Сине сами амбани — начальники — с Болда чаи распивают, пушнину — меха — у богача покупают, сколько за шкурки Болда отдал — не спрашивают, а ему цену хорошую дают.

Жиреет Болда всё больше и больше. Что ни день — Болда всё толще делается. А Монокто уже едва ноги таскает.

Просит однажды Монокто:

— Позволь мне для себя рыбы наловить! Видишь — у меня живот уже к спине прилип. Пропаду я — как долг за отца отработаю?

Говорит Болда добрым голосом:

— Налови, налови, ладно! Только сперва мне, в большой чан, потом — себе... Да мою острогу не бери. Да мою лодку не тронь.

Целый день Монокто рыбу ловил, пока чан Болда не наполнил. Тут дождь пошёл. Так и хлещет. Сел ангаза на берегу: как себе рыбу ловить? Лодки у парня нету. Силы у парня нету. Взял Монокто отцовскую острогу, а кинуть её не может. Посмотрел парень на свои руки, заплакал:

— Погибаю я совсем, смерть подходит, руки мои сохнут! — Посмотрел на отцовское наследство: нож, острогу да огниво, и рассердился: — Плохие вы мне помощники. Сколько лет работали вы — давно бы сами всё делать научились... А вы без рук моих ни на что не годитесь!

Стыдно стало ножу.

Зашевелился он на поясе у Монокто, из чехла выскочил, в лес побежал. Сухостой принялся рубить — целую гору нарубил. Тальник на шалаш принялся резать — много нарезал.

Посмотрело огниво на своего хозяина. А Монокто

лежит, не шевелится. Вскочило огниво из мешочка, к сухостою подскочило, огонь выкресало, костёр разожгло.

А нож тем временем шалаш сделал. И опять в тайгу поскакал. Большой тополь свалил. Принялся лодку долбить. Только стружки кольцами в разные стороны завиваются да бревно кряхтит, с боку на бок переворачивается, то одну, то другую сторону подставляет...

Оглянуться Монокто не успел, как отцовский ножик сделал парню лодку хорошую, какой ещё ни один мастер не делал.

Сел Монокто в шалаш. К костру руки протянул. Отогревать стал, чтобы за острогу взяться.

Зашевелилась тут острога. Стыдно стало ей, что товарищи её работают, а она без дела лежит. Поднялась, черенком лодку в воду столкнула. Поплыла лодка по реке. Огниво в лодку вскочило, стало огонь высекать. Рыба на огонь идёт. Острога за работу взялась. Как ударит в воду — так тайменя, осетра или амура тащит.

К берегу лодка подплыла. Острога у шалаша встала. Огниво в мешочек спряталось.

...Наелся Монокто досыта. Чувствует — силы у него прибавляется, опять человеком он становится. А нож, своё дело сделав, в чехол на поясе Монокто прыгнул.

Говорит им Монокто:

— Вот спасибо вам! Теперь вижу — помощники вы хорошие. С вашей помощью я долг отца отработаю. На себя рыбачить стану. Про Болда думать не буду.

А Болда — тут как тут. Увидал огонь на реке, услышал, как рыба плещется, унюхал, что жареной рыбой пахнет, и невтерпёж ему стало — кто это без его ведома костёр палит, рыбу ловит, жареное ест? Прибежал. Видит — его ангаза у костра сытый сидит, шалаш

над ним просторный, костёр у шалаша большой, у берега лодка новая стоит, рыбы полная...

— Э-э! — говорит Болда. — Как же это так, ангаза, получается? Долг отца отработать не можешь, а сам такую большую добычу имеешь. Говорил — силы нет, а сам смотри какой шалаш сделал! Зачем лодку мою взял?

— Не твоя это лодка, — отвечает ангаза Монокто.

— И не твоя. У тебя лодки нет, — говорит Болда.

— Моя, — отвечает Монокто.

Рассказал парень, как ему стариковские вещи помогли, когда он помирать собрался.

Посмотрел Болда на парня. Говорит ему тихим голосом:

— Вот и хорошо, ангаза. Я тебе долг отца прощу. Только ты мне свой нож отдай.

Опечалился Монокто. Подумал, покурил. Придётся нож отдать. Отдал он нож. А Болда не уходит. Опять говорит добрым голосом:

— Я тебе большой отцовский долг простил. А за ним ещё средний долг есть. В среднем амбаре на стене зарубка есть. Давай твою острогу.

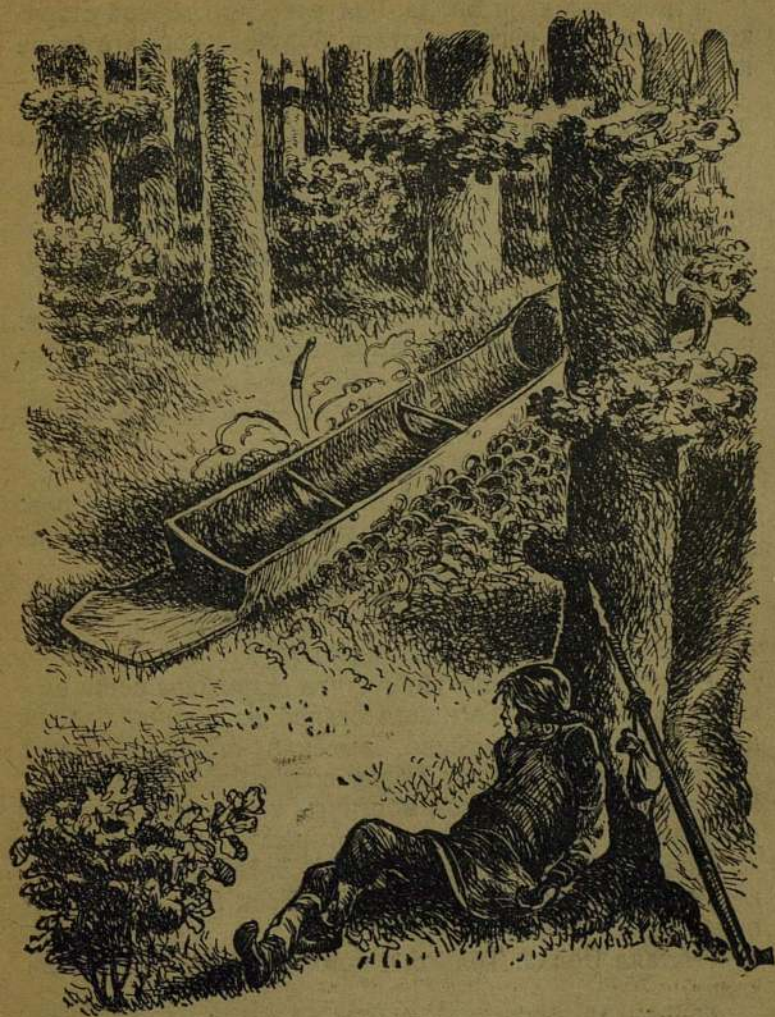
Вздыхнул Монокто. Отдал острогу. А Болда всё сидит. Покурил, покурил, говорит сладким голосом:

— За твоим отцом, ангаза, ещё маленький долг есть — на стене в моём маленьком амбаре тоже зарубка есть. Давай уж огниво твоё. Отец чистым станет. А то, что за тобой, потом с тебя возьму...

Заплакал Монокто. Отдал Болда и огниво.

Только он богача и видел! Убежал Болда. Одной рукой стариковы вещи держит, другой рукой — живот свой толстый, чтобы бежать не мешал.

«Ничего, — думает Монокто, — большую тяжесть с себя снял — отцовский долг, теперь легче мне будет!»

Утром поднялся Болда. Радуеться, что теперь стари-
ковы вещи на него работать будут, а кормить их не
надо.

Пошёл Болда в лес. Там на него бедняки работа-
ли — лодку делали, из тополя долбили. Растолкал всех
Болда, раскричался:

— Что вы плохо работаете! Кормить вас не буду!
Мне один нож всё быстрее сделает, чем вы, лентяи!
Этот нож Монокто лодку сделал, пока парень трубку
выкурил...

Вынул Болда нож из чехла, бросил в лес. Упал нож
и не шевелится. Не идёт лес валить. Не идёт лодку де-
лать.

— Как так? — говорит Болда. — Нож у Монокто
сам работал.

Посмотрели люди на богатого, говорят:

— У Монокто руки всё делать умеют, оттого и нож
их слушается. У тебя руки только и умеют деньги счи-
тать да собирать.

Побежал Болда на реку. Схватил острогу и в реку
кинул. Ушла острога в воду, воткнулась в дно. Не мог
её Болда вытащить, как ни бился.

Рассердился Болда. Понял, что стариковы вещи ему
служить не хотят. Вытащил огниво из мешка, бросил
на землю. Упало огниво, высекло огонь. Побежал
огонь по земле, к дому Болда подкатился, к амбарам.
Не успел Болда и глазом моргнуть, как пошёл огонь по
амбарам да по дому гулять. Загорелось добро богача.

Кинулся Болда огонь топтать. Затоптать хотел, да
не смог. От огня нагрелся Болда. Весь жир его расто-
пился.

Растаял Болда. Только и остались от него унты да
халат.

Пошёл Монокто на то место, куда богач его нож
бросил. Видит — ушёл нож в камни. Стали те камни

железные. Коли растолочь их да на огне расплавить — из них железо потечёт.

Пошёл Монокто за своей острой. Рукой за неё взялся, видит — показались на остроге зелёные побеги, дерево выросло из остроги. Стали ульчи из того дерева делать копья, да черенки, да шести, твёрдые да гибкие — лучше не найдёшь!

Пошёл Монокто за огнивом. На том месте, где у Болда дом да амбары стояли, болото стало, а на болоте синие огоньки порхают от стариковского огнива, сторожат проклятое место.

Поклонились люди Монокто, имя его вспомнили.

— Спасибо тебе, Монокто, — говорят, — что ты от Болда избавил нас!

БЕРЁЗОВЫЙ СЫНОК

Беда, когда человек ленив да завистлив...

Жил в одной деревне старик. Был у него сын по имени Уленда. Всем Уленда был хорош: и речистый, и плечистый, и сильный, и красивый — не парень, а загляденье! Вот только работать Уленда не любил. Ничего Уленда делать не хотел.

На охоту в тайгу пойдёт — как мох увидит, так спать заляжет.

Рыбачить отец Уленду погонит — сядет сын на берегу, на воду станет глазеть, так без дела и просидит целый день. Пошлёт его отец за оленями смотреть — Уленда на пенёк присядет, голову вверх задерёт, начнёт на небе облака считать, все олени и разбредутся.

Вот и выходило, что на старости лет приходилось отцу и себе и сыну еду промышлять.

Обидно стало старику. Все сыновья своих отцов кормят, уважают — только Уленда на шее у старика сидит.

Пошёл старик к зангину — судье, просит:

— Помоги мне, мудрый зангин! Не могу я больше сына взрослого кормить. Силы нет. Как быть, скажи. Что делать.

Думал, думал зангин — долго думал: сто трубок табаку выкурил, пока думал. Потом говорит:

— Ленивый сын хуже камня на шее. С сырой тетивой лук не выстрелит. Надо тетиву сменить. Другого сына тебе надо.

Заохал старик:

— Стар я стал. Где мне сына взять?

Говорит ему зангин:

— Иди завтра в тайгу. Там увидишь железную берёзу, что меж двух ильмов растёт. Ту берёзу сруби. На той берёзе твой младший сын растёт, в люльке малой качается. Вырасти его — будет тебе помощник!

Вот пошёл старик в тайгу. Шёл, шёл, видит — верно, меж двух ильмов железная берёза стоит.

Стал старик берёзу рубить. Раз ударил, два ударил... Топор поломал, а на берёзе даже зарубки нет. Вот это берёза! Устал старик. Лёг отдохнуть и заснул.

Видит сон: подошёл будто к нему медведь и говорит: «Направо в распадке две речки текут, в одной реке вода белая, в другой реке вода красная. Красной воды в чумашку набери, ту берёзу сбрызни!» Проснулся старик. Поднялся. Пошёл те реки искать. Пока через буревал продирался, всю одежду в клочья изорвал: и халат, и накидку, и штаны, и унты.

В распадок спустился — верно, речки текут.

Набрал старик красной воды. Обратно пошёл.

До берёзки добрался, сбрызнул дерево красной водой. А рубить нечем — топор-то сломан.

Стал старик ту берёзку ножом пилить. Только один надрез сделал — покачнулась берёзка, на землю упала.

Видит старик — в том месте, где ствол раздвоился, висит колыбелька. В колыбельке ребёнок лежит. Мальчик, ростом не больше костяной иголки. Лицо широкое, как луна; глазки чёрные, как две бусинки блестят. Говорит себе старик:

— Ой-я-х! Долго же мне придётся ждать, пока сын мой названный подрастёт да меня кормить будет!

А берёзовый мальчишка ему в ответ:

— Дорогу начиная, не считай шагов, отец!

Перекинул старик люльку с сыном через плечо, на спину взвалил и пошёл домой.

Шёл, шёл... Что такое? Люлька с каждым шагом тяжелей становится. Пока до деревни старик дошёл, люлька все плечи ему оттянула. Спустил старик люльку на землю — не под силу нести! Смотрит — люлька большая-пребольшая выросла. И берёзовый мальчишка сильно подрос. Из люльки вылез, старику поклонился, говорит:

— Вот спасибо, отец, что на ноги поставил меня! Пошли они вместе.

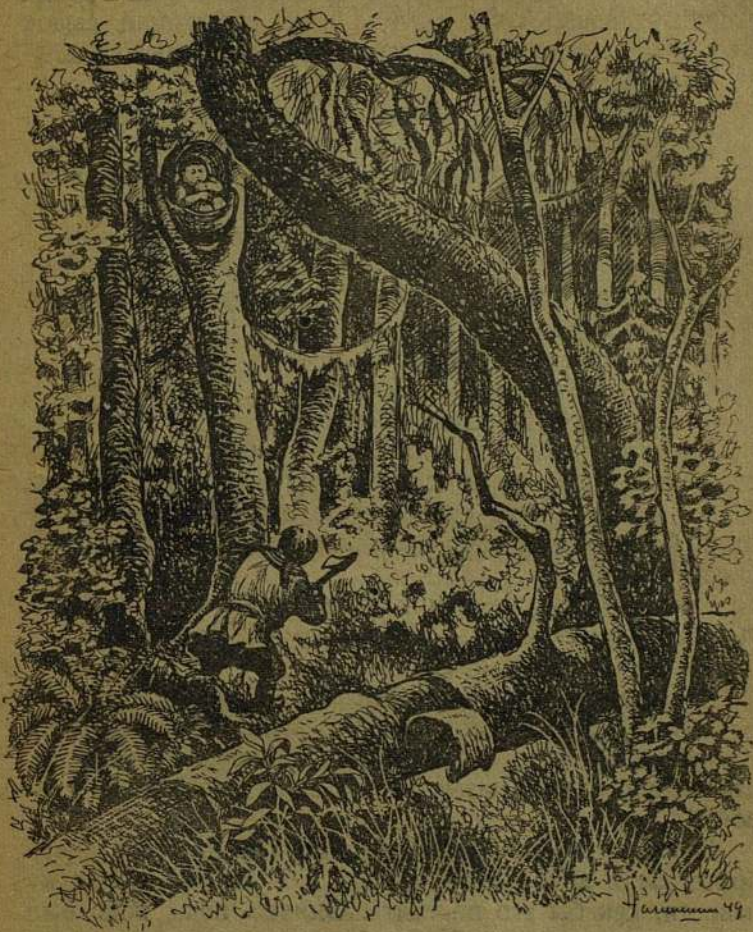
Назвал старик младшего сына Кальдукой.

Стали они жить: старик, Уленда и Кальдука.

Оглянуться старик не успел, как вырос Кальдука-сын, Уленду догнал. Работает за троих. И сильный и ловкий. Начнёт с кем-нибудь на палках драться — те и глазом моргнуть не успеют, как с пустыми руками окажутся. И стадо у него вдвое больше стало. И юкеры в доме — не переест. И пушнины и себе и на продажу — вдоволь.

А Уленда всё такой, как был. Чем больше лежит, тем ленивее становится. Лежит Уленда на нарах, а лень его всё растёт, уже и в доме не помещается...

Держал старик орлов. Одного орла с красным

H. J. H. 49

кловом, другого — с чёрным. Каждую осень брал он у орлов хвосты. До сих пор хвост красного орла Уленде старик отдавал. А как стал у него работающий сынок Кальдука — отдал старик хвост красного орла Кальдуке. Говорит:

— Кальдука меня кормит — значит, он старший.

Промолчал Уленда. Обиду перетерпел, а на младшего брата злобу затаил. Стал думать, как берёзовому мальчишке отплатить, как ему худо сделать. И про лень свою забыл. Злоба его сильнее лени оказалась.

Стал Уленда у Кальдуки из капканов добычу таскать. Стал Уленда из сеток Кальдуки рыбу таскать.

Пошёл Кальдука к зангину:

— Найди вора, мудрец!

Отвечает Кальдуке зангин:

— Своего вора разве найдёшь?

Костёр развёл. На том костре кошку поджаривать стал. Закричала, перекосилась кошка. Говорит зангин:

— Пусть у вора кривое лицо станет, как у кошки этой. Пусть будет так, как закон велит, тогда ты сам вора найдёшь.

Пошёл Кальдука домой. А Уленда в угол забился, тряпкой лицо завязал. Спрашивает его Кальдука:

— Что с тобой, брат?

— Ничего, — отвечает Уленда, — зубы болят.

Тут ветер налетел, повязку с лица Уленды сорвал. Все увидели, что у Уленды лицо кривое. Все увидели, что он вор. Стали называть его с тех пор Уленда-кривой.

Пуще прежнего возненавидел Уленда берёзового брата. Стал день и ночь думать, как бы ему Кальдуку извести, как бы его погубить. Однако пока жив был старик, ничего не мог Уленда сделать.

Сколько-то времени прошло — заболел и умер старик. Устроили старику похороны, поплакали. Сломал

зангин копьё над стариком. В разные стороны концы бросил, чтобы душа охотника с телом рассталась. Похоронили старика.

Как-то говорит Уленда Кальдуке:

— Поедем, брат, на остров: сараны — цветка — наберём, сладких корешков поедим.

Поехали они в лодке — оморóчке. К острову подъехали. Младший брат пошёл сарану собирать, далеко от берега в тайгу ушёл. Вскочил Уленда в оморочку, уехал. Брата на острове бросил:

— Пусть его птица Кори съест!

В те времена на Хехцёр-горе жила птица Кори. Большая, как туча. Когда птица Кори из гнезда вылетала, крыльями небо закрывала так, что становилось совсем темно. Беда тому, кто попадался птице Кори! Тех людей потом нельзя было нигде найти.

Походил, походил Кальдука по острову, на берег вернулся, глядит — Уленды нет. Кричал Кальдука, кричал, звал брата, звал — не отзывается тот. Поел Кальдука сладких корешков сараны и лёг спать, думает: «Завтра посмотрю, что можно сделать».

Закатилось солнышко. Птица Кори из-за Хехцира поднялась, небо заслонила — совсем темно стало. Летит птица, крыльями шумит — будто сильный дождь идёт. Свистит воздух — будто сильный ветер дует.

Проснулся Кальдука. Испугался. Схватился за лук.

А птица Кори уже над ним. Клювом щёлкает. Глаза у неё, как два костра, горят.

Выстрелил Кальдука. Только зря — железные перья на птице. Схватил Кори Кальдуку когтями, говорит:

— Загадай мне три загадки. Если отгадаю — тебе смерть. Если не отгадаю — домой тебя отнесу!

Подумал Кальдука, подумал — согласился, загадал:

— Что, что, что такое: на скале лягушка сидит, прыгнуть не может?

Думала, думала Кори, не могла отгадать. Говорит тогда Кальдука:

— Это нос на лице.

Загадал Кальдука вторую загадку:

— Что, что, что такое: из одного места вышел, куда хотел — пришёл, а как шёл — не отвечает?

И опять Кори не отгадала.

— Это стрела, — говорит ей Кальдука.

И третью загадку задаёт он птице Кори:

— Что, что, что такое: сто парней на одной подушке спят и не ссорятся?

Не могла и эту загадку птица Кори отгадать.

— Это жерди на крыше, — говорит Кальдука.

Схватила тут птица Кальдуку, подняла на воздух и полетела. Долго ли летела — не знаю. У родного дома опустила Кальдуку на землю. Пришёл Кальдука домой. Увидал его Уленда, побледнел от страха, мелкой дрожью затрясся, говорит:

— Меня от острова ветер унёс. Такая буря поднялась, что не мог я выгрести...

Смолчал Кальдука.

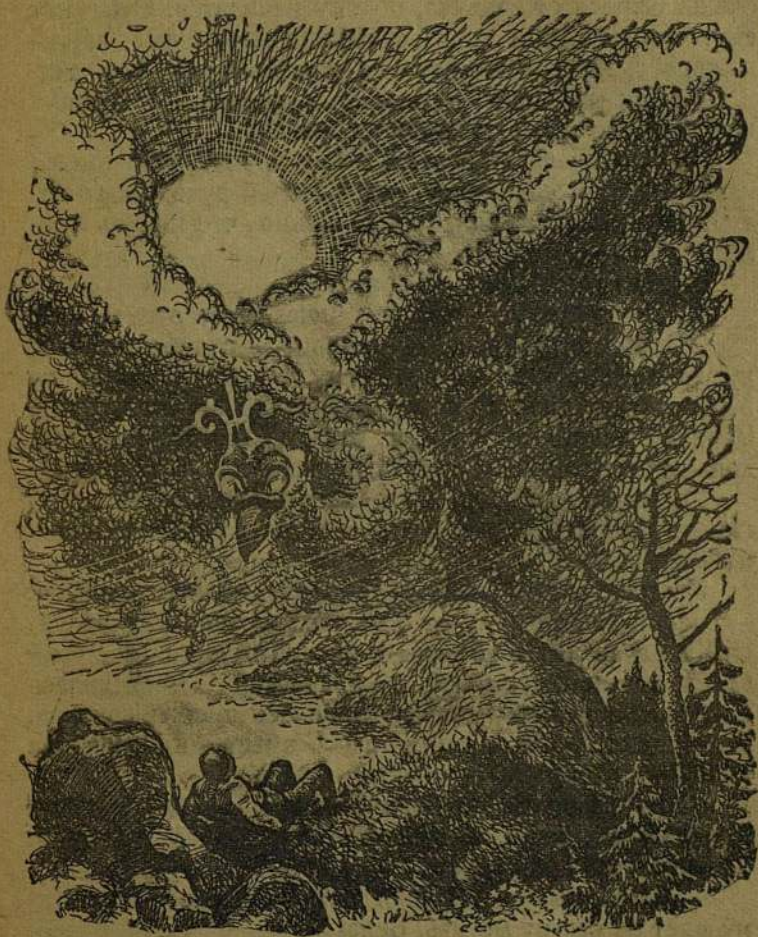
Стали братья дальше жить. Кальдука промышляет, а Уленда-кривой на боку лежит. Злоба его не утихает. Думал он, думал и говорит Кальдуке:

— Соскучился я по нашему отцу. От людей я слышал, что если мёртвому губы помазать слюной змеи Симу, оживёт мертвец. Вот хорошо бы нашего отца оживить!

— А где та змея? — спрашивает Кальдука-сын. — Как ту змею найти?

— В верховьях речки Хор, — говорит Уленда.

Оседлал Кальдука оленка, сел на него и поехал. Долго ли ехал — кто знает! На поваленном ильме тридцать раз выросли грибы за это время. Доехал Кальдука. Оленя на берегу оставил, по холке рукой

хлопнул — в дерево обратился. Пошёл. До стойбища дошёл. Видит — тоже орочи живут, только печальные очень. Спросил Кальдука, почему печалются. Отвечают ему, что напоздаёт на их стойбище змея Симу, людей пожирает, юрты сжигает — и спасенья от неё нет.

— Как же так? — говорит Кальдука. — Неужели никто из вас убить ту змею не может?

— Пробовали, — отвечают ему орочи, — но только как дохнет та змея огнём, так у людей руки отсыхают, а без рук, сам знаешь, разве можно что-нибудь сделать?

Подумал Кальдука, говорит:

— Попробую я — может, у меня не отсохнут!..

Отточил он копьё, нож направил, в стойбище котёл чугунный взял и пошёл в тот лес, где змея Симу жила. Мохом обвязался. В котёл древесной смолы набрал. В речку окунулся, мокрый стал. О котёл принялся копьём стучать. Шум поднял большой.

Услыхала Симу тот шум, выползла из своей норы. Ползёт, шипит. За змеей красный след остаётся: трава и камни горят.

Увидала змея Кальдуку. Пламенем на него дохнула.

Защитил Кальдуку от огня мокрый мох. Размахнулся Кальдука изо всей силы и бросил в пасть змее свой котёл чугунный, смолой наполненный... Растопилась смола, залила Симу глотку. Забилась змея и издохла. Белая пена пошла у неё из пасти вместо огня. Набрал Кальдука этой пены и обратно пошёл.

Вдруг слышит — трещат деревья. Дымится тайга, звери оттуда бегут, и птицы стаями прочь полетели. Говорят орочи Кальдуке:

— Беда, сынок! Ты убил Симу, теперь её брат Химу идёт за сестру мстить. Беда!

— Ничего! — говорит Кальдука. — Беда, когда на плечах головы нет.

Взял он семь чугунных котлов. Один другим накрыл, сам под нижний залез.

Налетел тут Химу. Всё трясётся вокруг. Земля дрожит, с неба щепки сыплются. Увидал он котлы, кинулся на них да как ударит!.. Шесть котлов головой пробил, а седьмого не осилил — голову разбил. Зашипел Химу и пополз в тайгу — умирать. Вылез Кальдука из-под котлов. Окружили его орочи. Радуются, что такого богатыря увидали, что от змеи Симу избавились. В свой род Кальдуку приглашают, сыном хотят назвать. Девушки орочские поглядывают на него: любая замуж бы за такого парня вышла. Говорят ему старики:

— Живи с нами.

— Нет, мне домой надо, — отвечает Кальдука-сын.

Понравилась ему в этом стойбище девушка одна. Пошёл он с нею гулять. До берега реки дошли. На дерево сели. Говорит Кальдука:

— Будь моей женой, девушка! Со мной поедем!

Хлопнул Кальдука рукой — обернулось дерево оленем. Полетел олень в родное стойбище Кальдуки.

Уленда дома песни поёт, думает — пропал Кальдука.

А Кальдука тут как тут, да ещё с молодой женой!

Пуще прежнего озлился Уленда-кривой на брата. Думает про себя: «Лучше мне не быть, а Кальдуку я изведу и жену его себе заберу».

Пошёл Кальдука к зангину — судье. Рассказал всё. Сказал, что принёс он слюну змеи Симу, чтобы отца оживить, как того Уленда-кривой хотел. Говорит ему зангин, одну трубку выкурив:

— Ты, берёзовый мальчишка, того не знаешь, что люди по два раза не рождаются. Зачем старика тревожить? И не за тем тебя Уленда посылал, а за смертью!

Взял зангин слюну змеи и бросил в реку. Забурлила

река, зашипела, белый пар пошёл от воды. Множество рыбы кверху брюхом всплыло. Мёртвая рыба стала.

— Вот видишь! — говорит зангин. — Этой слюной убил бы тебя Уленда-кривой.

Потом посмотрел зангин на Уленду-кривого.

— Иди ты, Уленда, в тайгу, — говорит. — Не место тебе среди людей. Не любишь ты людей... Иди в тайгу. Там в одиночку таёжные люди живут. Будь тем, кто ты есть в душе.

И пошёл Уленда в тайгу. Пока шёл — шерсть выросла на нём. На руках и ногах — когти. Сначала на двух ногах Уленда шагал, потом на четырёх побежал. Медведем стал Уленда-кривой.

А Кальдука-сыннок хорошо с женой зажил. Детей у него много было. И во всём ему удача была...

Давно это было. Столько лет назад, что если по пальцам считать, то во всём стойбище у стариков столько пальцев не найдёшь. Надо у ребят занимать. А ребята бегают, не даются. Вот и узнай, когда это было!..

КАК ЗВЕРИ НОГАМИ МЕНЯЛИСЬ

Повстречались как-то лисица и лось.

— Что нового? — спрашивает лиса у лося.

— Ничего нового, соседка, — отвечает лось. — Вчера чуть было совсем не пропал: гнался за мною охотник, а я запутался в ветках рогами... Беда мне на длинных ногах — за ветки задеваю! А ты как живёшь? — спрашивает лось лису.

— И я плохо, сосед, — говорит лиса: — подстерегают меня охотники. Беда мне с короткими ногами — не могу сверху вокруг посмотреть!

Запечалились звери, какая у них плохая жизнь и как плохо всё на свете устроено: кому нужны длинные ноги — у того короткие, кому короткие нужны — у того длинные.

Вот лиса и говорит:

— Давай, сосед, ногами меняться.

— Давай, — отвечает лось.

Вот поменялись они ногами.

Посмотрела лиса вокруг: с длинных-то ног далеко видно — нет поблизости людей. Побежала в стойбище. Захотелось ей курятины. Попробовала в амбар залезть, где куры на насесте сидели, а длинные ноги мешают. Сунула ногу в щель, чтобы курицу спастать, а лосиная нога — в копыте, никак ею добычу не зацепишь.

Вздохнула лиса и пожалела о своих лапках: какие у них были когти острые, как удобно было ими добычу держать и разрывать! Тут из дома человек вышел. Испугалась лиса и бросилась прочь. Так и убежала голодная.

А лось, получив ноги лисы, ростом стал совсем маленький. В траве спрятался, радуется:

— Вот теперь хорошо мне. Никто меня издалека не увидит!

Стал он потихоньку на лисьих лапках передвигаться. Устал быстро. Устал и проголодался. По привычке голову поднял, чтобы молодыми побегами да листьями голод утолить. Губами шлёпает, а веток достать не может: ноги-то короткие!

Вздохнул лось:

— Эх, напрасно я обменялся ногами! Такие хорошие у меня ноги были: высокие да крепкие! Не то что эти дрянные лапки! Пропаду я теперь совсем с голоду...

И заплакал лось.

Вдруг слышит он: кто-то по тайге летит, напрямик ломится. Сучья да валежник трещат. Кинулся лось бежать. А куда ему на маленьких лисьих лапках бегать! Запнулся за валежину, упал и глаза закрыл. «Ну, — думает, — сейчас мне конец будет!»

Однако слышит — зовёт его лиса:

— Эй, сосед, где ты?

— Здесь я, — говорит лось. — Это ты, что ли, в тайге шумела?

— Я, — говорит лиса. — Беда мне с твоими ногами. Хотела тихо пройти, а ноги твои ломают сучки, топают, стучат. Чуть не пропала я с ними!

— И мне, — говорит лось, — с твоими ногами беда: маленькие они, слабые... Давай, соседка, опять меняться.

Вот обменялись они ногами.

Топнул лось своими копытами о землю: хорошо!

— Здорова́ это, — говорит, — устроено, что лось на копытах ходит. Ноги крепкие, копыта твёрдые!

Пробежалась лисица на своих лапках: хорошо! Лапки лёгкие, когти острые, походка неслышная. Отвечает лиса лосю:

— Да, правда! Хорошо это устроено, что у лисы маленькие лапки с острыми когтями.

Прощались они и в разные стороны пошли.

С тех пор звери ногами не меняются.

ДВА СЛАБЫХ И ОДИН СИЛЬНЫЙ

Один слабый против сильного, что мышь против медведя: накроет медведь лапой — и нет её! А два слабых против сильного — ещё посмотреть надо, чья возьмёт!

...Один медведь совсем закон забыл, стал озорничать, стал мелких зверьков обижать. Не стало от него житья ни мышам, ни еврашкам, ни хорькам. И тарбаганам, и тушканам, и колонкам от него житья не стало. Кто бы его винил, если бы медведь с голоду на них польстился? А то медведь — сытый, жирный! Не столько ест, сколько давит. Понравилось ему малышей гонять. И нигде от него не скроешься: в дупле — достанет, в норе — достанет, на ветке — достанет и в воде — достанет!

Плакали звери, но терпели. А потом принялся медведь детёнышей их изводить. Это уж последнее дело, никуда не годное дело — хуже этого не придумаешь! Стал медведь птичьи гнёзда разорять, стал в норах детёнышей губить...

У мышки-малютки всех раздавил. Раз ногой ступил — и ни одного в живых не осталось. Плачет мышка, мечется, вокруг бегаёт. А что она одна сделать против медведя может?

У птички синички гнездо разорил медведь, все яйца поел.

Плачет синичка, вокруг гнезда летает. А что она одна против медведя сделать может?

А медведь хохочет над ними.

Бежит мышка защиты искать. Слышит — синичка плачет. Спрашивает мышка:

— Эй, соседка, что случилось? Что ты плачешь?

Говорит синичка:

— Уже время было вылупиться из яичек моим деткам. Клювиками в скорлупу стучали. Сожрал их медведь! Где защиту найду? Что одна сделаю?

Заплакала и мышка:

— Уже чёрной шерсткой мои детки покрываться стали. Уже глазки открывать они стали. И тоже медведь погубил всех! Где защиту найду? Что одна сделаю?

Стали думать мышка и синичка, как на медведя управу найти, как спасти детей от него. К Таёжному Хозяину идти — далеко. Самим медведя наказать — сил у каждого мало.

Думали, думали — придумали. «Чего бояться? — говорят. — Нас теперь двое!»

Пошли они к медведю.

А медведь — сам навстречу. Идёт, переваливается с ноги на ногу. По привычке уже и лапу поднял, чтобы мышку с синичкой прихлопнуть, одним ударом обеих соседок раздавить.

А синичка кричит ему:

— Эй, сосед, погоди! У меня новость хорошая есть!

— Что за новость? — рычит медведь. — Говори, да поскорее!

Отвечает ему синичка:

— Видела я в соседней роще рой пчелиный. Полетела туда, гляжу — целая колода мёду, до краёв полная, мёд на землю сочится. Дай, думаю, медведю скажу...

Услыхал медведь про мёд, сразу про всё забыл, слюни распустил.

— А где та колода стоит? — спрашивает он у синички.

— Мы тебя проводим, сосед, — говорит ему мышь. Вот пошли они.

Синичка впереди летит, дорогу указывает, дальней дорогой медведя ведёт. А мышь напрямик к той роще побежала.

Подбежала к колоде, кричит пчёлам:

— Эй, соседки, у меня к вам большое дело есть!

Слетелись к ней пчёлы. Рассказала мышь, какое у неё дело. Говорят ей пчёлы:

— Как в этом деле не помочь! Поможем. Нам этот медведь тоже много худого сделал. Сколько колод раздавил!

Довела синичка медведя до рощи. Показала, где колода лежит. А медведь уже и сам её увидел, кинулся к колоде, облизывается, сопит, пыхтит.

Только он к колоде подошёл, а пчёлы всем роем налетели на него. Стали жалить со всех сторон! Машет на них медведь лапой, в сторону отгоняет, а пчёлы так и впиваются ему — и в нос, и в губы, и в глаза! Заревел медведь, бросился назад. А глаза у него запухли от пчелиных укусов и закрылись совсем. Не видит медведь дороги. Лезет напрямик по всем буеракам, по всем валежинам и корягам. Падает, спотыкается, в кровь изодрался. А пчёлы — за ним!

Одно медведю спасенье — в воду броситься, отсидеться в воде, пока пчёлы не улетят обратно. А глаза у медведя запухли, не видит он, куда бежит. Вспомнил он тут про мышь да про синичку. Закричал что есть силы:

— Эй, соседки, где вы?

— Тут мы, — отзываются мышь с синичкой. — Загрызают нас пчёлы, погибаем мы!

— Проведите меня к воде! — кричит медведь.

Села синичка на одно плечо медведю. Вскочила мышка на другое. Ревёт медведь. А соседки говорят ему, куда повернуть, где бежать, а где — через валежину перелезать. Говорит ему синичка:

— Уже реку видно, сосед.

Говорит ему мышь:

— Теперь совсем близко, сосед.

— Вот хорошо, — говорит медведь. — А то совсем меня проклятые пчёлы закусали, чем дальше — тем больней жалят!

Не видит он, что пчёлы давно отстали.

Тут кричат ему соседки:

— Прыгай в воду, сосед, да на дно садись, тут мелко!

Думает медведь про себя: «Только бы мне от пчёл избавиться, а уж я от вас мокрое место оставляю!»

Что есть силы прыгнул медведь. Думал — в реку прыгает, а угодил в ущелье, куда его мышь да синичка завели. Летит медведь в пропасть, то об один утёс стукнется, то о другой. Во все стороны шерсть летит.

Летит рядом с медведем синичка:

— Думал, сильный ты, медведь, так на тебя и силы другой не найдётся? Деток моих съел!

Сидит мышь на медведе, в шерсть зарылась, говорит:

— Думал, сильный ты, медведь, так на тебя и силы
другой не найдётся? Деток моих раздавил!
Грохнулся медведь на землю. Разбился.
Так и надо ему! Зачем детёнышей губил!
Набежали отовсюду звери и птицы малые. Покло-
нились они мышке да синичке. Спасибо сказали.
...Один слабый против сильного что сделать может!
Два слабых против сильного — это ещё посмотреть
надо, чья возьмёт!

НЕДОБРАЯ ЛАДО

Очень давно это было. С тех пор столько времени прошло, что где река текла — там сопки стоят, где камни лежали — там теперь леса выросли.

У охотника Чумдага из рода Дунгú родилась дочка.

У Чумдаги давно не было детей. Очень хотелось Чумдаге сына иметь, но он и дочке был рад. А мать от радости просто не знала куда деваться.

Дали дочке хорошее имя — Лáдо.

Делали старики всё для того, чтобы дочка их выросла хорошей, красивой да счастливой. Мать целый год не звала дочку по имени, чтобы злые черти не узнали о рождении дочери у Чумдаги. Называла мать дочку: «моя хорошая», «моя дорогая». Повесила мать над колыбелью дочери мафа гаранí — медвежий клык, чтобы злых чертей отпугивать. Чтобы не плакала дочь, повесила мать над колыбелью оксару — птицу из древесного трута, берестяные серьги, петушины лапки да

мукчурі — горбатую деревянную старушку, чтобы сны хорошие дочери снились. Своим молоком дочку умывала. Подушку из гагачьего пуха сделала. Перинку из кукушкиных перьев.

И выросла Ладо красавица-красавицей.

Лицо у неё широкое, белое, как полная луна; глазки, как чёрная смородина; щёки розовые, как багульник весной; губы, как спелая малина; стройная Ладо выросла, как цветок сараны. Вот какая красивая!..

Глядели старики на дочь и нарадоваться не могли. Одно только плохо получилось: ничего Ладо делать не умела. Не хотела мать, чтобы у Ладо были руки грубые, — огонь дочь не разводила, дров не рубила, рыбу острогой не била, весла в руках не держала, шкурок не выделявала Ладо. Не хотела мать, чтобы у дочери глаза покраснели от работы, — не вышивала дочь халатов шелками, не сшивала шкурок, не подбирала олений волос для вышивки. До того дошло, что Ладо даже тесто замесить не умела, не умела лепёшки испечь. Ничего Ладо делать не умела.

Ходит Ладо по деревне — стройная да лёгкая. Парни от неё глаз отвести не могут. Смотрят парни на красавицу Ладо, головой качают, а подступиться не смеют.

Посватался к Ладо один парень. Не было в деревне охотника лучше его. Когда звери встречались с ним — плакали, зная, что от него не уйти. Посватался парень, а Ладо надулась, нос в сторону воротит:

— Отойди от меня ты, зверем пахнувший! Как буду с тобой жить? О твои шкуры все руки исколю...

Посватался к Ладо другой. Не было в деревне рыбака лучше его: одной острогой сразу десять рыб бил парень, зимой сквозь лёд видел, в какой яме рыба хоронится. Посватался парень, а Ладо от него совсем отвернулась, нос пальцами зажала:

— Отойди от меня ты, рыбой пахнувший! Как с тобой буду жить? Вечно мокрая ходить буду...

Посватался к Ладю третий парень. Лучшая упряжка была у него: собачки, как ветер, быстрые. С его упряжкой никто спорить не мог. С его упряжкой никто сладить не мог... Посватался к Ладю парень, а она на него и не взглянула. Только показался парень на пороге — замахала Ладю руками, носом в подушку уткнулась:

— Отойди от меня ты, собакой пахнувший! Как с таким жить буду? Твоих собак кормя, все ноги свои истопчу...

Отступились от Ладю женихи. Говорят:

— Зачем попрекаешь нас работой нашей! Нехорошо...

Послушала мать. Тоже говорит дочери:

— Нехорошо ты людей встречаешь, обижаешь людей зря.

Рассердилась Ладю на мать, замахала руками, покраснела от злости, закричала:

— Знаю я, что вы давно хотите от меня избавиться!

— Что ты, дочка, — говорит мать, — живи, как хочешь. Всю жизнь с нами живи.

Успокоила дочку: замолчала Ладю.

Только — кто с горы катится, тот с собой и камни скатывает: прогнала Ладю женихов, а потом и родители ей не милы стали. Дуется Ладю: почему на матери некрасивый халат надет, почему отец мокрый с рыбной ловли пришёл? Всё не по ней.

Подавала ей мать кашу.

— Почему твёрдая? — кричит дочка.

Подавала мать рыбу.

— Почему вялая? — топает ногами Ладю.

Подавала ей мать мясо.

— Почему жёсткое? — опять кричит дочь.

Поставила мать лепёшки на стол.

— Почему горькие? — плюётся красавица Ладó.

Заплакала мать: никак дочери не угодишь! Позвала соседских ребят и отдала им лепёшки. Съели ребята лепёшки, хвалят:

— Ой, мать, какие лепёшки вкусные, да мягкие, да сладкие!

Тут совсем разозлилась Ладó. Оттолкнула мать, затопала ногами, закричала, выскочила из дома. Оглянулась вокруг — всё ей нехорошим кажется: и грязно, и дымно, и люди некрасивые. Посмотрела вверх, видит — лебеди летят. Перья на них, будто чистый снег, блестят. Летят лебеди неведомо куда, от зимы улетают.

Закричала тут Ладó:

— Через спину перекачусь, заплачу, белым лебедем стану! С лебедями полечу в незнанные края, чистых людей искать буду. Другую мать найду!

Через спину перекатилась. Белоснежными перьями покрылась, в воздух поднялась на лебединых крыльях, полетела.

Заплакала мать, закричала, дочь свою звать стала. Даже не оглянулась недобрая Ладó на мать.

Подлетела Ладó к косяку лебедей. Спрашивают её:

— Откуда ты, новая сестра?

Отвечает Ладó:

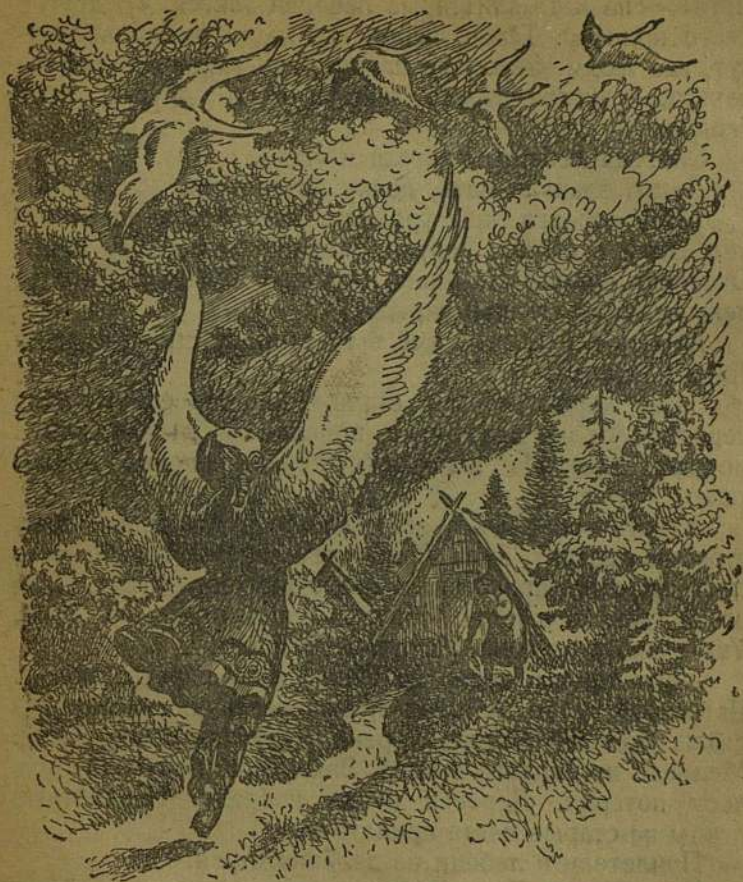
— Чистых людей, рыбой не пахнувших, искать с вами полечу. В незнакомых краях другую мать поищу.

Не расступились лебеди, в свою стаю не пустили Ладó.

Захлопал крыльями вожак, говорит:

— Как можно другую мать найти? У человека только одна мать. Другой — нету!

Не приняли лебеди Ладó. Полетела она в одиночку.

Летит — на мать злится, на лебедей злится: «В другое место прилечу. Такое найду, где люди рыбой не пахнут, где люди зверем не пахнут, где люди собакой не пахнут, — чистое место найду. Мать другую себе найду!»

Улетели лебеди. Улетела и Ладو.

Долго плакала мать, дочку потерявши.

...Вот деревья лист уронили. Заяц белую шубу надел. Змеи в камнях уснули. Медведь в берлогу залёг. Охотники соболевать ушли. Водяной Хозяин от холода реку ледяной крышей укрыл.

А мать всё плачет, всё в ту сторону смотрит, куда Ладо улетела.

...Вот дороги чёрные стали. Медведь сосать лапу перестал. Белки все орехи приели. На лыжах камус мокрый стал. Из заморских краёв пеночка прилетела.

А мать всё плачет, всё на небо смотрит, всё в ту сторону смотрит, куда Ладо улетела. Всё в небо мать смотрит, даже про огонь в очаге забывать стала. Стал огонь гаснуть и погас совсем. Ушёл огонь из дома. Ушла жизнь из дома. Умерла мать Ладо.

...Вот тёплый ветер из Никанского царства подул. Из старой травы молодая травка зелёную стрелку пустила. Водяной Хозяин с реки ледяную крышу снял. Медведь из берлоги вышел. Заяц свою белую шубу в лесу потерял. Деревья почки набрали. Перелётные птицы на старые места прилетели.

Прилетели и лебеди из далёких стран.

Прилетела и Ладо. Видно, не нашла себе другой матери. Стала кружиться над своей деревней. Над домом своим летать стала. Кричит, зовёт свою мать:

— Через спину перекачусь, заплачу, опять де-вушкой стану! Старую мать свою обниму, слёзы её утру.

Никто не выходит из дома. Вьётся Ладо в небе, плачет. Не может девушкой обернуться...

Целое лето летала над родной деревней Ладо, всё ждала, когда мать из дома выйдет, её встретит. Так и не дождалась. Когда холодный ветер с Амура повеял, улетела Ладо в тёплые края.

С тех пор каждую весну прилетает она, кричит, мать свою зовёт — и не дозовётся.

ПУСТАЯ ГОЛОВА

Жил в роду Заксоров один парень, по имени Чунгу. Парень как парень, всё как у людей: два уха, два глаза, один нос, две ноги, две руки, одна голова. Только говорили про Чунгу, что в голове у него совсем пусто. Мало работал, много ел Чунгу. Мало думал, всему верил парень Чунгу.

Так и жил. Ел, спал, на берегу сидел, в голове чесал, никуда не ходил.

Пробовал отец приучить сына к охоте. Собирался с собой в тайгу взять.

Одели Чунгу во весь охотничий наряд. Унты надели сохатиные, с шёлковой вышивкой. Наколенники натянули расшитые. Штаны из лучшей рёвдуги. Халат белый, оленьей шерстью шитый. Подпоясали Чунгу поясом из утиных головок. Повязку, шитую шелками, на голову надели да шапочку из шкурок кабарги с беличьим хвостиком. В руки копьё дали с насечками.

Сбоку лук со стрелами повесили, на пояс — два ножа: один кривой, другой прямой.

Красивый парень стал Чунгу.

Понравился ему наряд. Стоит Чунгу, по халату себя рукой похлопывает. Хохоchet от радости.

Говорит ему отец:

— Довольно, Чунгу. Пойдём.

Замотал Чунгу головой, не хочется ему ходить, радость свою портить.

Опять говорит ему отец:

— Красота — не в наряде мужчины, а на конце его копья! Пойдём, сын.

А Чунгу не слушает. Радуетса сам себе. Плясать пустился. Топчется на месте, кружится, сам себя по штанам да по халату похлопывает. Стрелы уронил, копьё во все стороны тычется: того и гляди, кого-нибудь изувечит.

Рассердился тут отец. Стукнул сына по голове. Загудела голова у Чунгу, как медный котёл. Перепугался отец.

— Ой-я-ха! — говорит. — У сына-то моего голова, верно, пустая... Плохое это дело получается. Что делать буду?..

Не взял он с собой сына на охоту. С пустой головой много ли зверя добудешь!

Сел Чунгу на бережку. Занятие себе нашёл: в воду смотрится, своим нарядом любитса да по голове постукивает. Шум на всю деревню поднял.

Сбежались нанаи отовсюду — думали, кто-то на музыкальных брёвнах не во-время игру затеял. Глядят — а это Чунгу свою пустую голову лупит. Посмеялись, разошлись.

...Так и шло дело.

Отец Чунгу то на охоту в тайгу уходит, то рыбу на Амуре ловит.

Мать рыбу солит, шкурки выделывает, пищу готовит, сына да мужа кормит.

А Чунгу ни к чему не пригоден. Всѣ сидит на берегу, голову чешет.

Я не знаю, сколько времени так прошло. Стали у стариков силы слабеть. Мать от работы уставать стала. Трудно ей одной всё делать.

Говорит она старику:

— Одна не могу я больше работать...

Покурили, покурили отец с матерью, подумали.

Говорит отец:

— Надо Чунгу женить. Будет тебе в доме помощница.

— Как можно Чунгу женить? — спрашивает мать. — У него голова пустая. Кто за него свою дочь отдаст!

— Хороший выкуп будет — отдадут, — отвечает отец.

Стали старик со старухой тóри — выкуп — собирать.

Медный котёл большой взяли, саблю заморскую, три халата шёлковых да три меховых, зеркало медное, двенадцать пар серёжек, копье с серебряной насечкой, три куса материи шёлковой, кольчугу с далёких островов — из бамбука, с медными застёжками, тетиву в рост охотника собрали да лук боевой с костяной отделкой.

Богатый выкуп собрали!..

Только в этой деревне никто замуж за Чунгу нейдёт.

А в соседней деревне жила одна старушка с дочкой. Очень бедная была старушка. Дочь её звали Ангá. Никакого приданого не было у Анги, кроме упряжки собак. Так бедно жили старушка с дочкой, что в доме у них не было даже одеял.

Вот посватали Ангу. Поплакала Анга, но делать нечего — согласилась. Подумала, что теперь матери легче жить станет.

Выколотила Анга трубку у порога, чтобы огонь из родительского дома не унести, чтобы счастье из него не унести с собой. Ступила ногой на свой котёл. Со своего котла ступила на котёл жениха, что за порогом поставили, как того обычай требовал, и увёл Чунга Ангу в свой дом.

Пришли они в дом Чунгу. Сел парень на нары. Мяса наелся. Хвастаться стал:

— Знаешь, жена, какой я парень! Другого такого парня нигде нет. Знаешь, какая у меня голова! Такой головы ни у кого больше нет.

По голове себя Чунгу стукнул. Загудела голова, как сухая лиственница в ветреный день.

Испугалась Анга: «Ой, совсем у мужа голова пустая! Как жить с таким буду?» И заплакала Анга.

Не понимает Чунгу, чего жена плачет. Сидит молчит. Потом заснул.

Смотрит на него Анга. Лицо у парня хорошее, как у всех людей: два глаза, два уха, один нос...

Рассердилась Анга: как это может быть, чтобы у человека с пустой головой было лицо хорошее, как у всех людей?

Рассердилась и решила: «Пусть у тебя будет нехорошее лицо, чтобы видом своим ты людей не обманывал!»

Красную глину с очага взяла. Чёрную сажу с очага взяла. Слезами растворила глину и сажу. Стало у неё две краски: чёрная да красная.

Разрисовала Анга лицо Чунгу красными да чёрными разводами. Так разрисовала, что даже сама испугалась.

...Спал, спал Чунгу, наконец проснулся. Пить захо-

тел. Взял чумашку с водой, стал пить. Посмотрел по привычке в воду. А в воде отражение его видно. Не узнал себя Чунгу. Спрашивает:

— Эй, ты кто такой? Тебе чего в моей чумашке надо?

Вокруг осмотрелся — всё знакомое: его очаг, его дом, его жена на нарах сидит. А лицо не его.

Позвал Чунгу:

— Анга, иди сюда! Кто-то в чумашку забрался. Рожа какая-то.

Анга спрашивает:

— Кто меня зовёт?

— Это я тебя зову, — говорит Чунгу. — Это я, твой муж.

Покачала головой Анга:

— Разве ты Чунгу? У моего мужа лицо хорошее, а у тебя какая-то страшная рожа!..

— Это верно, — говорит Чунгу: — у меня лицо красивое, я парень красивый, это я сам видал...

Подумал, подумал Чунгу, говорит:

— Вот какое плохое дело вышло! Потерял я, видно, где-то своё лицо. Пойду поищу.

Поднялся Чунгу с нар. Вышел из дому. Идёт по дороге, под ноги смотрит. По голове стукнул — гудит... Обрадовался Чунгу: «Это я!» говорит. В воду глянул, опечалился: чужое лицо. «Нет, — говорит, — не я это».

Идёт Чунгу, на людей натывается. Спрашивает всех:

— Вы Чунгу не видали ли?

Смеются люди над ним.

— Нет, не видали, — говорят.

Чешет в голове Чунгу.

— Видно, — говорит, — в этой деревне Чунгу нет. Пойду дальше.

И пошёл Чунгу сам себя искать. Ушёл из деревни и не вернулся. До сих пор найти себя не может. И никто не пожалел о нём.

От лентяя да дурака какая людям польза?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬГА

Это случилось очень давно. Так давно, что самый старый удэ не помнит. Ему об этом рассказывал дед. А деду говорил его отец. Очень давно это было.

У одного охотника, Сольдига, умерла жена и оставила ему дочку, по имени Эльга.

Похоронил Сольдига жену, погоревал, погоревал и женился второй раз. Взял женщину из рода Пунинга. И стали они жить втроём: Сольдига, жена его Пунинга и дочка Эльга.

Сольдига очень любил свою дочь. Делал разные игрушки: колыбельку, берестяные чашки, мялку с колотушкой, чтобы кожу мять. Такие игрушки делал, чтобы привыкала Эльга к женской работе.

А маленькая Эльга просила отца:

— Сделай мне нарты, лук, стрелы, копьё.

Пунинга, услышав это, сказала:

— Зачем тебе игрушки мальчика?

Отвечает Эльга:

— Вырасту — буду отцу помогать на охоте.

— Вот ещё! — сказала Пунинга. — Не твоё это дело.

Посмотрел Сольдига на дочку, видит — смелая девочка у него растёт. Сделал он дочке игрушки: маленькие нарты, лучок-самострел, копьё, маленького оленя из дерева вырезал, ездовых собачек упряжку.

Увидела Пунинга, что не послушал её муж, и невзлюбила Эльгу. Стала обижать её, когда уходил отец на охоту. Терпела Эльга, отцу не жаловалась на мачеху, чтобы его не огорчать.

...Так жили они.

Вот однажды повстречал Сольдига кабана в тайге. Долго гнал его Сольдига. Совсем загнал. Ушёл в чащу кабан и залёг.

Шёл мимо амба — тигр. Он голодный был. На кабана наткнулся — и давай его рвать! Не разглядел Сольдига, кто там копошится, метнул в чащу копьё. Проткнуло копьё кабана и задело тигра.

Рассвирепел тигр и набросился на Сольдигу. Стал охотник говорить тигру, что не его хотел он убить, в кабана метил, да не стал его амба слушать и разорвал на куски.

Узнал амба вкус человеческой крови. Стал к стойбищу ходить. Пошли на его тропу другие охотники — сородичи Сольдиги, просили не трогать их, в другие места просили тигра уйти. Но амба не слушал их. Стал по ночам приходить — свиней, оленей, собачек таскать. Маленьких детей таскать стал. Чего уж хуже!..

Не стало отца — Эльге совсем плохо пришлось! Возненавидела её Пунинга. Стала работой девочку морить. Ходит Эльга за водой, моет крупу для каши,

солит рыбу, сушит юколу для собачек, мнёт шкуры, вышивает мачехе халаты, таскает из тайги хворост для очага. А Пунинга целыми днями лежит на нарах, ест, спит, трубку курит, ничего сама не делает, всё кричит на Эльгу: «То подай, девчонка, это подай!»

Знала Эльга, что старших слушаться надо, делала всё, что ей мачеха велела. Было ей очень тяжело. Но Эльга терпела. Сама себя утешала:

— Вот вырасту — от мачехи уйду. Одна жить буду. Охотиться буду.

Не расставалась Эльга со своим копьём, потому что его отец сделал. Очень своего отца Эльга любила. Куда бы ни шла, копьё носила с собой.

Вот один раз послала мачеха Эльгу берёзовой коры надрать, чтобы новые чумашки сделать.

Пошла девочка в тайгу, отыскала хорошую берёзу, сделала два надреза, стала кору драть. Вдруг слышит — кто-то спрашивает её грубым голосом:

— Эй, что ты делаешь тут, девчонка? Чья ты?

Обернулась Эльга и увидела амбу — тигра. Уже давно у него плохая охота стала. Бока его ввалились от голода, был амба очень злой. Но Эльга не испугалась тигра. Ответила:

— Я дочь Сольдиги. А тебе что надо?

Говорит тигр:

— Растерзал я Сольдигу... и тебя теперь съем!

Закричала Эльга на тигра:

— Уходи прочь, вор!

Бросился тигр на Эльгу. А девочка — за берёзу. Наклонилась берёза, собой её заслонила. Из всей силы ударился тигр головой о берёзу и разбил себе голову.

Замахнулась на него Эльга копьём:

— Уходи, вор, а то плохо тебе будет!

Зарычал амба так, что с деревьев посыпались

листья. Прыгнул опять. Тут две берёзы сомкнулись и зажали его. Застрял амба — никак вылезти не может. Как ни бился — не может выбраться из западни, так крепко сдавили его берёзы. Кинула Эльга в него копье. Вошло копье тигру в один глаз, вышло в другой. Ослепила Эльга амбу. Издох он.

Отрубила Эльга у тигра хвост полосатый, в сумочку свою положила и в стойбище пошла.

Видит — укладывают люди вещи во въюки, разбирают юрты. Кочевать собрались, тигра боятся. Говорит Эльга:

— Куда вы? Не придёт больше амба!

— Что ты знаешь, девочка! — молвил самый старый удэ. — Куда тигр пришёл раз — придёт туда и в другой. Всем нам смерти не миновать!

Вынула Эльга из сумочки полосатый хвост тигра, старикам показала:

— Говорю, что больше амба сюда не придёт. Вот, я у амбы хвост отрубила.

Испугались удэ.

— Что ты наделала, девочка! — закричали они. — Амбу нельзя убивать. Теперь его дух будет ходить в стойбище по ночам и всех нас погубит! Тайга придёт в наше стойбище, все тропинки зарастут травой. Болото покроет это место.

Говорит Эльга:

— Я знаю закон охотников. Я два раза просила амбу уйти. Он не послушал.

— Ну, тогда — другое дело, — говорят старики. — Амба сам виноват!

Откоёвывать удэ не стали. Стали девочку хвалить.

Обидно Пунинге, что не её хвалят. Совсем озлилась на Эльгу. Что ни сделает девочка, всё не может Пунинге угодить. Вымоеет Эльга крупу, станет кашу варить — подойдёт мачеха, выбросит крупу, снова за-

ставит мыть. Вышьет Эльга халат — мачехе не по нраву.

— Что ты делаешь, косорукая! — говорит она. — Разве так вышивают? Распори всё да заново сделай. Да покрасивее, да поярче, да позатеиливей!

Билась, билась Эльга над одним халатом. Всё мачехе не нравится.

Кричит Пунинга, ругается. Заплакала Эльга, из юрты на берег реки пошла, села там, где папоротники росли. Села и плачет. Зашумели папоротники, зашевелились.

Один папоротник к Эльге свой завиток склонил, спрашивает:

— Что ты плачешь, маленькая?

Рассказала Эльга, как тяжело ей жить. Погладил её папоротник своими мохнатыми листьями по лицу, говорит:

— Не плачь, маленькая. Этому горю легко помочь. Мы тебе поможем.

Стал тут папоротник на помощь Эльге все цветы и травы созывать. Потянулись к халату всякие травы и цветы. Улеглись на него, завитками разными закрутились. И такой красивый узор на халате сделался, какого ещё ни разу Эльга не видала.

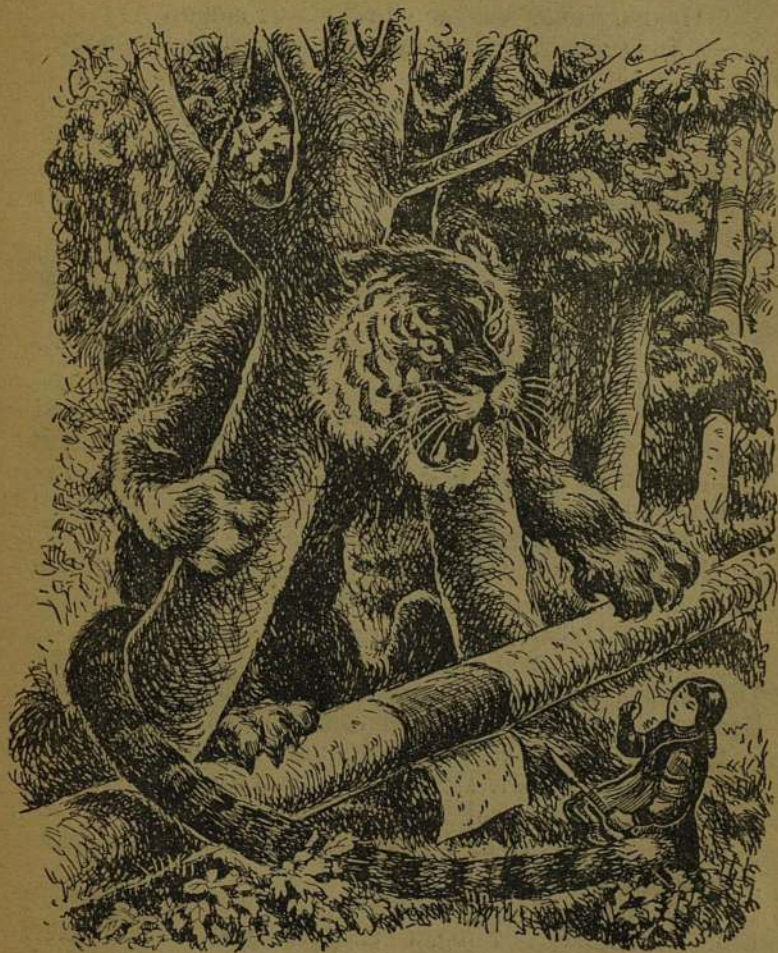
Собрал тут папоротник все слёзы Эльги, окропил ими халат, и весь узор тот на халате остался.

Говорит папоротник Эльге:

— Жалко мне тебя, Эльга. Так мачеха тебя обижает, столько плачешь ты, что твоими слезами вся земля тут пропиталась, на твоих слезах и мы выросли. Вот помогли мы тебе, чем могли...

Понесла Эльга халат в стойбище.

Жило там много хороших вышивальщиц. А увидели они узор на халате Эльги — от зависти и удивления рты раскрыли, да так и остались, пока из тайги

охотники не пришли... Не было такого халата ещё никогда!

А Пунинга ещё больше озлилась на Эльгу.

— Хочу халат, шитый оленьей шерстью! — говорит она.

А дело было летом. В это время у оленей шерсть короткая. Откуда длинную шерсть для вышивания взять?

Походила Эльга по стойбищу, попросила у соседей, но никто выручить её не мог.

Села Эльга и заплакала опять. Стала перебирать свои игрушки, отца тёплым словом вспомнила и ещё пуше залилась слезами.

Вдруг игрушечный олень, которого Эльге отец сделал, говорит девочке:

— Не плачь, хозяйка, этому горю можно помочь!

Встряхнулся олень. Маленькими ножками об пол топнул и стал расти. Рос, рос — большой вырос. Густой белой, зимней шерстью оброс. Сбросил шерсть с себя. И опять маленьким стал.

Сделала Эльга новый халат. Все руки себе шерстью исколола. И опять мачехе не угодила.

Говорит Пунинга:

— Не ты это делаешь. Кто-то тебе помогает. Только зря всё это. Ты так не вышишь, как я умею. Вот вышию я сама себе халат, тогда увидишь ты, как надо работать! Сбегай в стойбище у реки Анюй. Там моя бабушка живёт. Попроси у неё мою иголку. Да к утру, смотри, вернись!

А до стойбища на реке Анюй далеко — несколько дней добираться надо.

Что делать Эльге? Опять она загрустила. Игрушки свои перебирает, тёплым словом отца вспоминает. Вдруг слышит голос:

— Не печалься, маленькая хозяйка, мы-то на что?

Оглянулась Эльга. А перед ней целая упряжка собачек стоит. Двенадцать собачек, одна другой красивее! Пушистыми хвостиками виляют. Тоненькими ножками постукивают. Шёрстка на них белая, глазки у них жёлтые, носики чёрные. Удивилась Эльга.

— Откуда вы? — собачек спрашивает.

А те в ответ:

— Разве ты не узнаёшь, Эльга? Сольдига сделал нас.

Посмотрела Эльга — а вместо игрушечных собачек живые стоят, настоящие. Услыхали они плач хозяйки и ожили.

Запрягла своих собачек Эльга в нарты, села. И помчались собачки вскачь. Лес не лес, река не река — летят напрямик! Девочка глаза закрыла. А собачки до облаков уже поднялись. Открыла Эльга глаза. Видит — светло кругом... Облака, будто пушистый снег, вокруг лежат. Взяла Эльга остёл-погоньч, стала править нартами.

— Тах, тах! — кричит. — Поть-поть-поть!

Только ключья облаков летят из-под ног собачек. Не успела Эльга устать и замёрзнуть не успела, как до анойского стойбища собачки её домчали.

Слезла Эльга с нарт. Бабушку Пунинги разыскала. Лежит старуха больная, неумытая, нечёсаная. Пожала Эльга старого человека — умыла, гребешком причесала, корешок жень-шеня отыскала, бабушке пожевать дала. Съела бабка корешок, здоровой стала. Говорит Эльге:

— Спасибо тебе, девочка. Хорошая ты. Ты мне добро сделала, и я тебе добром отплачу. Не иголка моей внучке нужна, а гибель твоя. Дам я тебе иголку, только смотри: будешь иглу отдавать — ушком к себе держи.

...Солнце только-только из моря вылезло, а Эльга на своих собачках уже домой вернулась.

Сидит мачеха злая-презлая.

— Ну, — говорит, — где моя иголка?

— Вот она, — говорит Эльга. — Вот иголка.

Стала она иголку мачехе отдавать. Вспомнила, что старуха ей говорила. Повернула иголку ушком к себе, остриём к мачехе.

А иголка оказалась не простая. Только Пунинга её в руки взяла, как иголка между пальцами её принялась сновать, прошила ей пальцы насквозь, друг к другу ей пальцы пришила. Как ни билась Пунинга, не могла палец от пальца отделить.

— Ну, перехитрила ты меня, девчонка! — говорит она Эльге.

Поняла тут она, кто Эльге помогает. Дождалась, когда Эльга уснула. Развела огонь в очаге. Побросала в огонь все игрушки, что Эльге отец сделал. Оленя бросила, собачек побросала. Стали они гореть. Только одна собачка выскочила из огня, бросилась к Эльге, носиком её толкнула, разбудила:

— Беда, Эльга! Мачеха хочет всех нас убить. Бежим!

— Куда бежать? — спрашивает Эльга.

— Туда бежать, где мачехи нет, — отвечает собачка.

Выскочила Эльга из юрты, собачка — за ней.

Увидала Пунинга, погналась вслед.

В это время луна взошла. Лунная дорожка протянулась по реке. Побежали Эльга и собачка по той дорожке, словно по льду. Кинулась за ними и Пунинга. Только под ней та дорожка сломалась, злости её не выдержала. Упала мачеха. Схватила маленькое копьё Эльги. Метнула копьё вдогонку Эльге. Долетело копьё до дочки Сольдиги, говорит:

— Ну, прощай, маленькая хозяйка! Теперь расстанемся мы.

Повернуло копьё обратно. Долетело до ма́чехи. Вошло ей в один глаз, вышло в другой — и в пыль разлетелось. Стали у Пунинги глаза большущие, как плошки. Замахала Пунинга руками, а они у неё крыльями стали. На ногах у мачехи длинные когти выросли. Стала мачеха совой пучеглазой. Хотела домой вернуться, да понесли её крылья в тайгу! Села мачеха на дерево и закричала:

— Пу-нин-га! Пу-нин-га!

Так сова и до сих пор кричит.

А Эльга с собачкой бежали, бежали по лунной дорожке и добежали до луны. Хотела девочка назад вернуться, а тут светать стало — исчезла та дорожка. И девочка с собачкой остались на луне.

Эльга под утро на землю сходит. Заходит во все жилища, ищет копьё Сольдиги, осматривает всё. Освещает оружие — нет ли там копья Сольдиги. И если заметит, что кто-нибудь из ребят спит со слезами на глазах, Эльга вытирает слёзы и дарит хороший сон, чтобы обиду ребёнок забыл. Оттого ребята обиды не помнят.

Но когда сова в тайге закричит своё «Пу-нин-га! Пу-нин-га!» — тогда Эльга быстро мчится обратно.

Её можно увидеть, если ночью сразу раскрыть глаза, когда лунный свет коснётся их.

ГЛУПЫЙ БОГАЧ

Богатство ума не приносит. А жадность последнего ума лишает...

Жили на Амуре два человека: никанский купец Ли-Фу да нанайский охотник Актанка. Разные они люди были.

Актанка рыбу ловил, зверя бил, всю жизнь работал, а всё бедно жил. Ли-Фу стрелу на лук наложить не умел, сойку от рябчика отличить не умел, в своей жизни ни одной рыбы не поймал, что такое невод — не знал, только деньги считал да, в лавке сидя, торговал, а жил богато. Актанка всю свою добычу отдавал ему за крупу да муку.

Ли-Фу был жадный и нечестный человек. Он у Актанки пушнину брал. В свою толстую книгу записывал — что брал, что давал. Но записывал он неправ-

вильно. А Актанка был неграмотный и сам не мог считать, сколько он должен Ли-Фу.

И получалось, что чем удачливее охотился Актанка, тем дороже становились товары у Ли-Фу, и никак охотник не мог отдать Ли-Фу свой долг.

Не может Актанка долг уплатить. А Ли-Фу каждый день прибегает и кричит:

— Эй, ты, не лежи! Иди на охоту. Долг за тобой!

Как-то отобрал Ли-Фу у Актанки сетки за долг. Совсем поглупел купец от жадности, не понимает, что без снасти ничего Актанка не поймает. Подумал, подумал Актанка. Долго думал. Сделал силки из жил сохатого, самострел насторожил на тропинке, по которой кабан на водопой ходил. Кабан пошёл воду пить — самострел свалил его. Опять у Актанки добыча есть.

Стал Актанка мясо варить.

Ли-Фу услышал, что мясом пахнет, прибежал. На охотника кричит, ногами топает, в свою толстую книгу пальцем тычет:

— Эй, ты, долг отдавай!

Отдал ему Актанка всё мясо. А Ли-Фу и того мало. И самострел забрал и силки! Вот как...

Говорит жена Актанки — Аинка:

— Что мы делать будем, господин Ли-Фу? Без снасти нельзя добычу взять, нельзя мяса добыть, шкуру добыть.

Не слушает её Ли-Фу: сгрёб всё в охапку и ушёл. Заплакала Аинка.

Говорит ей Актанка:

— Ничего, жена, как-нибудь проживём.

Подумал, подумал. Долго думал. Потом из ветки тисса сделал маленький лучок и пошёл в тайгу.

Глаз у Актанки острый, рука у него твёрдая. Как спустит стрелу — так и убьёт птицу. Много дичи набил. Принёс домой. Стала Аинка птицу жарить на вертеле.

Услыхал жадный Ли-Фу, что у Актанки жареным пахнет, опять прибежал:

— Отдавай долг!

Не может Актанка долг отдать. Забрал у него Ли-Фу и лучок, и стрелы, и птицу. Ушёл.

Плачет Аинка:

— Ой-ёй-ёй! Как теперь жить станем?

Говорит ей Актанка:

— Не плачь, жена, давай лучше думать.

Вот стал Актанка думать. Всю ночь думал. Чуть весь табак не искурил, пока думал. Утром говорит жене:

— Поди приготовь смолы.

Пошла Аинка в лес. Набрала смолы с пихты, ёлки. Много набрала. Растопила, смешала.

Взял Актанка чумашку со смолой. Пошёл на утёс, где высокая ель росла.

Залез он на это дерево, на самую вершину. Вокруг посмотрел. Видит — птицы летят. Стал Актанка с того дерева слезать, стал смолой ветки и ствол мазать. Спускается и мажет, спускается и мажет. Всё дерево вымазал, потом домой пошёл спать.

Утром жену разбудил:

— Эй, жена, иди добычу собирать!

Пошла жена Актанки к тому дереву. Видит — всё дерево птицами усеяно. Ночью птицы на дерево отдыхать сели, да и прилипли. Как крыльями ни хлопали — оторваться не могли. Собрала Аинка дичь, понесла домой. Стала птицу жарить.

Ли-Фу спал да во сне барыши считал. Вдруг запах мяса услышал из фанзы Актанки. Вскочил, побежал. От жадности трясётся весь, руки дрожат, коса по спине прыгает, туфли с ног сваливаются, халат выше колен задирается.

Прибежал Ли-Фу к Актанке, в свою толстую книгу пальцем тычет.

— Эй, — кричит, — долг не отдаёшь, а мясо ешь. Отдавай долг!

— Не могу, — говорит Актанка. — Не могу, господин богатый.

— Тогда снасть отдавай!

— А снасти у меня нету, — Актанка говорит. — Сам же ты у меня всю снасть забрал.

Ли-Фу в котёл Актанки руку запустил, тетёрку вытащил. Как тетёрку увидал — глаза вытаращил, ногами затопал, покраснел от злости, кричит не своим голосом:

— А тетёрку ты как поймал? Разве сама она к тебе в котёл прилетела?

— Без снасти поймал, — отвечает Актанка. — Надо только дерево смолой намазать. Сядут на то дерево птицы и прилипнут, а тут их голыми руками собирай да в котёл бросай.

Обрадовался Ли-Фу. «Вот, — думает, — хорошо! Теперь я всех гусей, всех уток переловлю. Хорошая торговля пойдёт. А Актанке теперь ни муки, ни крупы, ни сала не дам!»

Побежал богач домой. Жену в лес погнал, велел смолу собирать. Целую бочку смолы набрала жена богача. Еле-еле ту бочку вдвоём до горы дотащили, где высокие деревья росли.

Ли-Фу смолы в медный котёл набрал, на дерево полез. Лезет и мажет. Лезет и мажет...

Пока до вершины добрался, всё дерево обмазал. Густо-густо обмазал, чтобы птиц побольше прилипло.

Жена кричит ему снизу:

— Эй, слезай, Ли-Фу! А то всех птиц перепугаешь. Видишь — целый косяк гусей летит. Да жирные-прежирные, сало с них в реку капает!

Стал купец слезать. А дерево липкое. Чем ниже, тем смола крепче.

Прилип Ли-Фу к дереву. И руки, и ноги, и халат его расшитый прилипли.

Торопит его жена:

— Слезай, Ли-Фу! Уже близко те гуси.

А Ли-Фу не может двинуться ни вверх, ни вниз. Говорит жене:

— Не могу слезть. Руби дерево! Птицы и на поваленное сядут.

Схватила жена богача топор, принялась рубить дерево. Машет что есть силы — только щепки в разные стороны летят.

А Ли-Фу кричит:

— Скорей, скорей! А то гуси мимо пролетят.

Подрубила жена дерево. Упало оно, ударилось о землю. Убился жадный Ли-Фу. Отскочил один суёнок, ударил жену богача в лоб. Упала она в бочку со смолой.

Опрокинулась бочка, покатилась и упала в реку вместе с женой глупого и жадного. Ли-Фу. А нам не жалко её — она тоже не лучше своего мужа была!

А Актанка пошёл в фанзу Ли-Фу, забрал все свои снасти: и лучок, и самострел, и силки. Стал жить — охотиться стал, рыбу ловил.

И никто у него добычу больше не отбирал.

ЖАДНЫЙ КАНЧУГА

Это ещё тогда было, когда звери человеческий язык понимали. Тогда тигр с удэгейскими людьми в родстве состоял. Тогда в роду Бисанка́ тигр желанным гостем был.

Жили Бисанка в верховьях реки Кóппи. Много их было. Когда все разом говорили — на Анюе слышно было.

Один год очень хорошая охота случилась. Столько охотники соболя, выдры, белки, хорька, колонка, медведя и лисицы добыли, сколько ни разу добыть не могли.

Купцы к Бисанка приехали, все товары продали, а пушнины будто и не убавилось.

Собрались Бисанка на Амур — пушнину свою продавать. Двадцать нарт снарядили. Лучших собачек в стойбище взяли. Лучшую одежду надели. Косы новым

красным шнуром оплели. Шапочки из шкурок кабарги с собольими хвостами на головы надели. Белые богдо — повязки — на головы надели. Белые халаты, шелками шитые, белые штаны надели. На нарты сели, ездовыми палками взмахнули, между полозьями встали, собакам волю дали.

— Тах, тах! Поть-поть-поты!

Побежали собачки. Только снег в стороны летит да полозья скрипят.

Бегут собачки, лают. Тот лай услышав, все звери в разные стороны бегут, за деревья, за сугробы прячутся. Несутся собачки, как ветер.

Такие собачки хорошие, что без остановки летят, на ходу юколу глотают...

Через горный хребет перевалили собачки: им всё нипочём — горы, реки, распадки, — мчат напрямик. На верховья Анюя вышли, потом — на Хор, потом — на Уссури, потом — на Амур. Сколько ехали удэ — кто знает: весело ехали, время не считали!

А в Муллаки на Амуре — торг большой. Народу собралось отовсюду великое множество: нанайцы с Амура; нивхи, одетые в рыбью кожу, с острова; негидальцы с Амгуни на собаках; орочены с далёких пастбищ, в овчинной одежде; ульчи в сохатиных унтах; орочи в оленьих торбазах... Разве всех пересчитаешь!

Торг большой.

Купцов понаехало много: косатые маньчжу, бритые нека с длинными ногтями приехали; с заморских островов купцы в деревянных латах, с двуручными мечами приехали.

Только с купцами чёрная болезнь приехала. На чём ехала — кто знает! На лодке ли, на собачках ли, на оленях ли, пешком ли пришла — не знаю. В чём одета была — не знаю. Только на том большом торге хозяйской стала.

Сели Бисанка торговать, а тут — беда!

Напала на людей чёрная болезнь. И стали они умирать. И нанайцы, и никанцы, и негидальцы, и орочены, и маньчжу, и орочи, и ульчи умирать стали, и охотники и купцы умирать стали.

Видят люди — плохо дело: смерть ни с кем не торгуется, всех подряд берёт. Разбежались люди в разные стороны.

А у Бисанка и бежать некому. Изо всех в живых один парень остался, по имени Конга. Приезжал он с братом. А брата взяла чёрная смерть. Похоронил Конга своих сородичей. Думает:

«Как брата своего на чужой земле оставлю? Пусть со мной едет. Пусть по обычаю нашему похоронят его. Пусть за всех сородичей перед Хозяином стоит!»

Сколотил Конга большой ящик. Положил туда брата.

Бросил Конга все товары — не до них тут... Сел на последнюю упряжку, крикнул на собак — и поскорее от проклятого места, домой!

Едет Конга — не оглядывается, от болезни бежит.

А болезнь вместе с братом в ящике лежит...

Сколько ехал Конга — кто знает: сначала на Уссури, потом на Хор, потом на Анюй, потом через горы.

В тех горах каменные поляны были. На тех каменных полянах — тигровое стойбище. В том стойбище тигры жили. К стойбищу многие дороги вели: дороги костями устланы да черепами огорожены.

Подъехал Конга к тигровой дороге.

Стоит на дороге тигр. Увидал Конгу, через спину перекатился, человеком стал, поздоровался, спросил, как торговал Конга, какие новости везёт.

Рассказал парень, какая беда случилась, какие плохие новости с собой везёт. Покачал головой тигринный человек, говорит:

— Поезжай. Хоронить брата будете — поплакать приду. Твой брат хороший охотник был...

Через спину перекатился, тигром стал, ушёл.

Переехал Конга дорогу. Отсюда и до стойбища недалеко.

Приехал парень. Матери, сородичам рассказал, что с ним случилось. Открыла мать ящик, чтобы попрощаться с телом сына.

Открыла ящик и выпустила болезнь...

Пошла чёрная смерть по стойбищу гулять.

Поумирали все люди.

Только маленький брат да сестра Конги живы остались. Да шаман Канчуга.

Канчуга трусливый да жадный был. Никогда никому не помогал ничем. Увидел он, что в живых, кроме него, два ребёнка остались, подумал:

«Пока смерть уйдёт — один я прокормлюсь. Зачем ребятишкам помогать буду? Тогда и мне нехватит».

Закрыл он дверь в юрте Конги, бревном прижал. Оставил в юрте детей. В свою юрту зашёл, закрылся. Сидит и жрёт.

Сначала он из юрты не выходил. Потом жадность его обуяла.

«Зачем, — думает Канчуга, — пища в стойбище пропадать будет! Нельзя у мёртвых брать — грех большой. Мёртвых пищу злые духи стерегут, — говорит себе Канчуга, — ну да ничего! Их много — я один. На меня набросятся, друг с другом столкнутся, между собой передерутся, про меня забудут!»

Пошёл Канчуга в юртах еду собирать.

Квашеную бруснику, нерпичий жир, солёную черемшу, сохатиное мясо, осетринные брюшки, сарану сушёную, черёмуховые лепёшки со всего стойбища собрал. Сидит и ест.

А в юрте Конги голодные дети плачут.

Пришёл тут к стойбищу тигр. Через спину перекатился, человеком стал. Глядит: не курится дым, не ходят люди, не гремит бубен, не слышно собак — мёртвые все лежат. Пришёл по брату Конги поплакать, а тут — слёз не напасёшься, столько покойников в стойбище.

Слышит тигриный человек — кто-то в юрте Конги плачет. Дверь открыл. Детей увидел. На руки взял. По стойбищу пошёл, живых искать. Никто на его зов не откликается...

К юрте Канчуги подошёл тигриный человек. Дверь дёрнул — не открывается. А слышно — кто-то там во зится, чавкает.

Постучал.

Услыхал Канчуга стук. Подумал, что дети Конги из своей юрты выбрались, пришли, есть просят. Жуёт Канчуга, давится, полный рот набивает. Едва прожевал, кричит:

— Уходите, не просите: самому есть нечего!

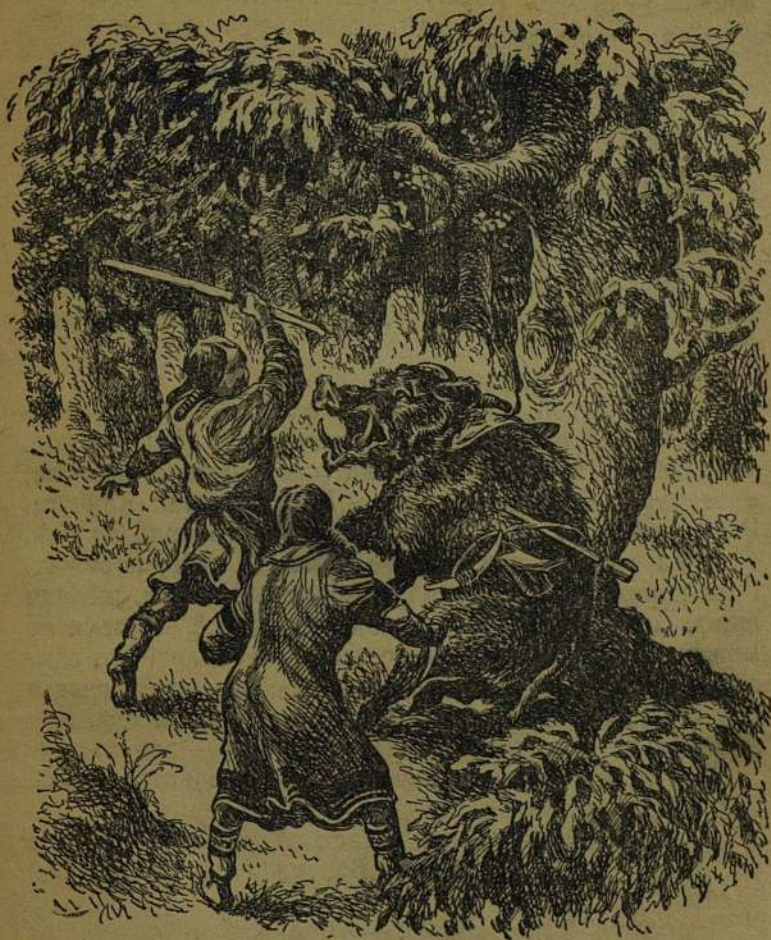
Сказал тогда тигриный человек:

— Э-э, Канчуга, ты закон лесных людей забыл: слабому — помоги, голодному — дай, сироту — приюти! Так жили удэ. Так жить будут. Не место тебе среди простых людей. Три раза ты умирать от страха будешь. Тело твоё всё меньше становиться будет, а жадность — всё больше. Так с тобой будет, пока не исчезнешь совсем!

Через спину перекатился, тигром стал. Детей на спину посадил, в тигриное стойбище унёс. Говорит своим сородичам:

— Вот дети моего дяди. Кормить их некому...

Стали тигры детей кормить. Самые лучшие куски детям отдавали. Стали дети расти. Новое имя детям дали, чтобы чёрная смерть за старым именем следом не

пришла на новое место. Девочку Инга называли, мальчи́ка — Егда.

Скоро выросли дети.

Инга рукодельницей стала. Егда охотником стал...

Вот время пришло, старый тигр с ними через тигриную дорогу переступил, дорогу простых людей показал, закон рассказал, как жить, чтобы греха не было. И в своё каменное стойбище ушёл.

А Инга с Егдой пошли к людям.

Мимо стойбища отца прошли. К стойбищу тропинки травой заросли. Егда пучок сухой травы над тропинкой привязал, чтобы мимо шли люди, не останавливались.

Это то, что с детьми было.

А с Канчугой вот что случилось. Когда тигриный человек своё слово сказал, вытянулся у Канчуги нос, выставились изо рта клыки, на горбу щетина выросла, а на руках и ногах — копыта. Кабаном стал Канчуга. Ростом меньше стал, а жадности у него прибавилось. Сожрал он всё, что в юрте было. В тайгу побежал. Роет корни, грызёт, молодую траву обгрызает, жёлуди ищет, жрёт, от жадности давится — и всё наесться не может. Ходит целый день по тайге, жуёт, хрустит, грызёт, а всё не сыт. И во сне чавкает, сопит, жуёт: снятся ему жёлуди, птичьи потроха и всякая другая еда. Как проснётся — так опять за еду, а брюхо — всё пустое!

Так в тайге и повстречали Канчугу Инга с Егдой, когда шли от тигриных людей.

Увидал Канчуга брата с сестрой, думает: «Съем я их, сытым наконец стану!» Бросился он на родичей Конги.

Взмахнул Егда копьём — умер кабан-Канчуга от страха. Через спину перекатился — рысью стал. Пасть раскрыл, зубы оскалил, на Егду бросился, съесть его хочет.

Опять взмахнул Егда копьём — и умер от страха рысь-Канчуга. Через спину перекатился — крысой стал. Ростом меньше, а жадности всё больше. Красные глаза вытаращил, голым хвостом по земле бьёт, зубы свои острые выставил, кинулся на Егду, думает: «Вот его съем, сытым стану!» Махнул Егда на крысу рукой. Подох от страха в третий раз Канчуга. Через спину перека- тился — жуком древоточцем стал. Таким жуком, ко- торый ростом мал, а столетние сосны сжирает, в пыль да труху обращая. Загудел жук, крылья расправил, усами шевелит, ножками сучит. Налетел он на Егду, на лоб сел, рот разевает, думает парня заглотать живьём.

Рассердился тут Егда-парень:

— Коли злости у тебя не убывает и жадности не убавляется — сам себя вини, а не меня, я перед тобой не виноват!

Сказал он так и хлопнул себя по лбу.

Только мокрое место от жука осталось.

Пропал совсем жадный Канчуга, пожалевший пищу для детей. От их руки погиб.

И никому его не жалко было.

МАЛЬЧИК ЧОКЧО

За себя как не постоять! Как за родича не постоять! Разве обидчику простить можно?

Жил в одной деревне нанаец Бельды. Был у него сынок, по имени Чокчо. Совсем маленький сынок — едва ходить умел.

Всю зиму Бельды охотился. Много пушнины — мехов — накопил. И соболь у него был, и белка, и лисица, и нерпа, и медведь, и колонок, и волк. Смотрит на меха Бельды и радуется:

— Вот поеду в Никанское царство — меха продам, еды, припасов на целую зиму накоплю. Сетку новую куплю, ружьё, порох, патроны, игрушки.

Летом, и верно, собрался Бельды ехать.

Просит его сынок:

— Возьми меня с собой, отец!

Подумал Бельды — дорога опасная, могут разбойники напасть. Мало ли что в дороге случиться может.

— Что ты, сын, — говорит Бельды, — как это можно, чтобы в доме мужчины не осталось! Кто же будет мать да сестрёнок защищать? Надо тебе остаться.

Уехал Бельды.

Много времени прошло. Чокчо за это время научился ножом владеть. Сидит стругает: ложку сделал, лодку маленькую сделал, оленя из дерева вырезал, нарты, медведя, собачек. Много разных игрушек сделал... А отца всё нет!

Вот уже листья на деревьях пожелтели, трава повяла. А Бельды всё не едет домой.

Потом из соседнего стойбища приехали люди.

Сделала мать Чокчо кушанье — мось, угостила приезжих юколой.

Сидели-сидели они, курили-курили, юколу ели-ели, потом говорят:

— Мы вместе с Бельды торговали. Обрато вернулись...

— А где отец? — спрашивает Чокчо.

Друг на друга поглядели люди.

— Твой отец, — говорят, — торговал с одним человеком, по имени Лян. Тот у Бельды всю пушнину купил. Пошёл Бельды к нему, чтобы рассчитаться, и не вернулся. Не купец, оказалось, Лян, а разбойник. Всю пушнину у Бельды взял и самого его убил... Вот какое дело вышло.

— Почему же вы за отца не заступились? — спрашивает Чокчо.

Говорят люди:

— У того Ляна большая шайка. А нас мало. Не могли мы за твоего отца заступиться — побоялись: люди Ляна нас догнать могли, все товары отнять и нас убить могли...

— Плохо вы сделали, — говорит Чокчо.

Обиделись люди, сели в лодку и уехали.

Стала мать Чокчо плакать, сестрёнки тоже заплакали. До того плакали, что у них совсем глаза запухли.

— Что теперь будет с нами?

Но делать нечего — слезами Бельды не вернёшь! А жить надо. Поплакали, поплакали они да за дело взялись. Старшая сестра копьё взяла, в тайгу пошла — охотиться. Младшая в лодку-оморёчку села, по Амуру поехала — рыбу ловить. Мать дома осталась — за огнём следить, еду варить.

А Чокчо говорит матери:

— Сшей мне унты, испеки лепёшку. Пойду я Ляна искать. Найду — за отца отомщу, пушнину верну.

Говорит мать:

— Что ты, Чокчо! Куда ты пойдёшь? Ты маленький ещё.

Посмотрел на неё Чокчо:

— Отец сказал, что я мужчина. А мужчины должны род защищать, врагу мстить должны.

Видит мать — Чокчо на своём стоит крепко, не отговорить его. Испекла ему лепёшку, сшила ему унты.

Взял Чокчо свой нож, охотничью повязку на голову надел, юколы в мешок положил, унты на ноги надел, простился с сёстрами, с матерью и пошёл.

Шёл, шёл Чокчо, видит — на пути большой лес стоит. Деревья высокие-высокие. Сосны, дубы шумят в том лесу, вершинами качают. Конца-краю тому лесу нет. Не побоялся Чокчо. Идёт по лесу, лепёшку жуёт, ножом играет, песню поёт. Вдруг слышит голос:

— Куда идёшь ты, маленький нанаец?

Оглянулся Чокчо. Никого вокруг нет. А голос опять зовёт его. Отвечает Чокчо:

— Иду за отца мстить!

— Помоги мне, и я тебе помогу! Другом буду, — говорит тот же голос.

Увидал Чокчо: лежит на камне жёлудь. Падал с дерева на землю, да упал на камень. Лежит и высыхает.

— Возьми меня с собой, — говорит жёлудь. — Пригожусь...

Взял Чокчо жёлудь, дальше пошёл.

Повстречал покинутую избушку. Остановился отдохнуть. Снял унты, ноги повыше положил. Лепёшку откусил. Вдруг слышит скрипучий-скрипучий голос:

— Куда ты идёшь, мужчина?

— За отца мстить! — говорит Чокчо. — А ты кто? Где ты?

— А я около тебя лежу.

Посмотрел Чокчо — у самого очага, в золе, вертел лежит, на котором охотники мясо жарят. Кто-то бросил вертел в огонь. Погнулся вертел, чуть не сгорел, окалиной покрылся. И ему Чокчо помог, окалину песком отчистил, направил его. Совсем вертел как новый стал.

— Спасибо, Чокчо. Ты мне помог, и я тебе помогу. Возьми меня с собой, — говорит мальчику вертел.

Взял Чокчо вертел с собой и пошёл дальше. Мимо покинутой рыбалки проходил — опять голос услышал. Спрашивают его, куда идёт. Ответил Чокчо. Увидал, что это мялка да колотушка, которыми рыбу кожу выделывают. Кто-то в мялку гвоздь вбил, а у колотушки черенок сломал. Вытащил Чокчо из мялки гвоздь, колотушке новый черенок сделал.

— Вот спасибо тебе, Чокчо, — говорят ему опять. — Ты нам помог, и мы тебе поможем. Возьми нас с собой.

Взял Чокчо мялку с колотушкой. Дальше пошёл.

Шёл, шёл, до ручья дошёл. Разлился ручей — дальше дороги нет. Как быть?

Тут слышит Чокчо — опять его зовут:

— Эй, сосед, помоги мне, и я тебе помогу! Другом буду.

Глядит Чокчо — вода берёзу подмыла, упала берёза, шуку придавила. Лежит шука под берёзой — ни взад, ни вперёд, хвостом виляет, а ходу нет. Совсем задыхается шука. Отвалил берёзу Чокчо, шуке волю дал. Говорит ему шука:

— Как ручей перейдёшь? Садись, перевезу.

Сел Чокчо на шуку. Вмиг на другом берегу оказался. Говорит ему шука:

— Возьми меня с собой, пригожусь.

Положил её Чокчо в мешок. Дальше пошёл.

Вот уже Амур видно. Вдруг видит Чокчо — в траве одна лыжа. «Вот жалко, — думает Чокчо: — хорошая лыжа, а одна!» А в это время и другую увидал. Далеко лежит вторая, кто-то её в валежник бросил. Не поленился Чокчо, принёс вторую лыжу. Вместе лыжи сложил. А те и говорят ему человеческим голосом:

— Ты нам помог, и мы тебе поможем. Куда ты идёшь, маленький нанаец?

— За отца мстить иду! — говорит Чокчо. — Только мало сил у меня, не знаю — дойду ли... Путь далёкий. Как через Амур перейду?

Говорят ему лыжи:

— Это всё ничего. Становись, покатым тебя — скорее дело пойдёт.

Рассмеялся Чокчо:

— Кто же по траве на лыжах ходит!

Однако на лыжи всё-таки стал. Выросли тут крылья у лыж. Поднялись они на воздух и полетели. Да быстро-быстро! Ветром чуть повязку с головы Чокчо не сорвало. Над Амуром полетели — точно голубая лента, вьётся река. Шука в мешке завозилась, выглянула, под собой Амур увидала и говорит:

— Ну, молодец Чокчо! Этак мы до Ляна скоро доберёмся.

А лыжи летят и летят. Только ветер свистит в ушах. Мелькают внизу реки, стойбища, леса. У Чокчо дыхание захватывает.

Примчали лыжи в то место, где Лян жил.

Посмотрел Чокчо и испугался.

Стойбище большое-большое, домов много. Никогда Чокчо не думал, что в одном месте столько домов может быть: рядами стоят, один на другой поставлены; столько их, что и конца не видно. И народу тут множество великое. Шум от голосов такой стоит, будто буря деревья валит. Толкаются люди, кричат. Покупают, меняют, продают. Людей много, а знакомых нет. Стал Чокчо спрашивать, как к дому Ляна-маньчжу пройти. Смеются прохожие над мальчиком, не понимают. Кто ударит его, кто толкнёт, кто за косу дёрнет, кто накричит. На его счастье, проходил один старик, язык нанайцев знавший. Расспросил он Чокчо. Показал, где Лян-купец живёт. Пошёл в ту сторону маленький нанайец.

Видит — красивый дом стоит. У крыши концы вверх загнуты. На концах серебряные колокольчики висят, звенят. В окнах прозрачная бумага вставлена. Вокруг дома деревья разные растут: вишни, яблони. Золотые птички на ветках сидят. Музыка играет повсюду. Ручьи меж деревьев струятся, журчат, будто потихоньку разговаривают.

Вошёл Чокчо в дом, кричит:

— Эй, Лян, выходи на бой! — И палку приготовил, чтобы с Ляном драться не на жизнь, а на смерть.

Не отвечает никто маленькому нанайцу. Видно, дома того человека нет.

Вошёл Чокчо в комнату Ляна. В золу очага жёлудь сунул, чтобы полежал тот на мягком. В умываль-

ный таз Ляна шуку пустил. Вертел около печки поставил. Мялку с колотушкой оставил у двери. Сел сам на нары, да и уснул.

Вечером вернулся домой Лян, весёлый, пьяный.

Захотел он в очаге огонь развести. Нагнулся над ним, угли стал раздувать. А тут жёлудь как подскочит да как хватит Ляна в глаз! Взвыл от боли Лян, кинулся к тазу с водой, чтобы глаз промыть. А щука из таза высунулась и цапнула Ляна за нос. Отскочил Лян от таза. А тут вертел ему в спину воткнулся. Совсем перепугался Лян. Кинулся к двери, чтобы убежать. А тут мялка с колотушкой за Ляна взялись. Принялись они колотить его, мять, обжимать так, что Лян и света не взвидел. И так мялка с колотушкой работали, пока из Ляна тонкую шкурку не сделали.

Проснулся Чокчо, спрашивает:

— Не пришёл Лян?

Отвечают ему друзья:

— Пришёл на свою голову! Вот смотри — какой он стал.

Посмотрел Чокчо. Видит — лежит белая мягкая шкурка, совсем на ровдугу похожая. Сказал спасибо своим друзьям Чокчо, пожалел только, что не сам с Ляном расправился.

Разыскал Чокчо в доме Ляна пушнину Бельды. Охотничий припас забрал, товары всякие, что обманом Лян у людей отобрал, — сложил всё в шкуру Ляна. Собрал своих друзей: мялку с колотушкой, жёлудь, шуку да вертел. Стал на свои лыжи.

Поднялись лыжи опять, полетели, как стрела. Под самым носом у Ляновых слуг пролетели.

Долетели лыжи до того места, где их Чокчо нашёл. Оставил их мальчик: «Спасибо за помощь. Чужого мне не нужно».

Щуку в самую глубину ручья пустил. Колотушку

и мялку у покинутой рыбалки оставил: пригодятся хозяину, коли вернётся. Вертел на старое место у костра положил. Жёлудь в мягкую землю бросил, чтобы пророс тот и новое дерево из него выросло.

И пошёл Чокчо своей дорогой.

Домой вернулся богатый. Развернул он шкуру Ляна — удивились все в стойбище: как много в ту шкуру влезло!

Обрадовалась мать, сёстры обрадовались, что вернулся Чокчо. Целуют, обнимают его, от себя ни на шаг не пускают.

А Чокчо говорит, как мужчина и охотник:

— Мои унты совсем износились. Сшейте мне новые. Завтра я в тайгу пойду.

Сшили ему сёстры унты из шкуры Ляна.

Долго носились те унты, потому что нет на свете кожи крепче кожи обманщика и грабителя, которого жалость не проймёт и слёзы обиженных им не тронут.

СИРОТА МАМБУ

Ульчи на Амуре давно живут. С тех пор как они пришли сюда, маленькие сопки большими стали, большие речки маленькими стали.

Три рода ульчей — Сулаки, Пунади, Губату — родичами были, один огонь имели. Друг около друга жили: по берегу Амура их деревни подряд стояли.

Жили ульчи дружно. Всея деревней дома ставили: кто глину месит, кто столбы рубит, кто жерди на крышу таскает. Всея деревней рыбу ловили: кто на большой лодке, кто на оморочке, кто, на бревне сидя, рыбу в сетки гонит. С лесными людьми, с водяными людьми дружно жили — всегда и нерпа, и таймень, и кета, и соболей, и сохатый у тех ульчей были.

В роду Сулаки мальчик был один, по имени Мамбу.

Когда родился он, мать своим молоком пятнадцать дней его умывала. Отец на колыбель Мамбу топорик да нож повесил, чтобы мальчик к оружию привыкал.

Только Мамбу нож увидал, сразу за него обеими руками уцепился и из колыбели вылез.

Удивились отец и мать. «Богатырь наш Мамбу будет или несчастный человек!» про себя подумали.

А Мамбу из дому вышел, камень бросил в ольховник — рябчика убил. Над дверью птицу повесил, чтобы все видели, что в доме охотник родился.

«Среди хороших людей лучше всех будет!» сказали тогда про Мамбу.

Плохих людей до сих пор Сулаки не видели. Только в скором времени и с плохими людьми довелось им повстречаться.

Осенью, когда рыба шла, Сулаки полные амбары рыбой набили, юколы для собак наготовили, осетровыми да кетовыми брюшками запаслись на всю зиму, насушили, навялили рыбы. Брусники, земляники, корешков сараны да голубицы набрали, запасли.

Глядят однажды Сулаки — плывёт по Амуру лодка. Большая, нос и корма вверх подняты. Не видали ульчи таких до сих пор. На лодке паруса жёлтые. На мачте значок с золотым драконом развевается. Под лодкой буруны играют. В лодке много людей сидит. В руках у людей мечи в две ладони шириной, в руках у людей копья в два роста высотой. Лбы у людей бритые, сзади — косы до полу висят, чёрной тесьмой перевязанные.

Говорят старики:

— Надо по-хорошему людей встретить. Чужие люди, издалека видно. Новостей у них, поди, много.

Говорит Мамбу:

— Плохие люди это. От них в тайгу уйти надо. Зачем мечи в руках держат! Зачем копья поставили!

Остановилась лодка у деревни Сулаки.

Вышли из лодки люди. Главного на носилках вынесли. Под его тяжестью восемь носильщиков сгибают-

ся. На голове у него шапка с павлиньим пером да яшмовым шариком. Халат на нём всеми цветами, как радуга, переливается. Живот у приезжего такой, что из-за него и лица не видать.

Посмотрел на него Мамбу и говорит:

— Это не человек, а брюхо. Не к добру приехал!

— Что ты понимаешь! — говорят старики.

Кинулись ульчи к приезжим. Закон велит приезжего обогреть, накормить, лучший кусок отдать. Женщины на блюдах тащат рыбу, мось, кашу.

А человек-брюхо, на ульчей глядя, говорит:

— Мы никанского царя люди. Наш царь — самый великий царь на земле, больше нашего царя на свете никого нету! Повелел он дань с вас взять.

Не понимают ульчи, что такое дань. Никому никогда дани не платили. Спрашивают, что это такое. Отвечает им никанский человек-брюхо:

— Будем у вас брать по соболю с каждого человека. И так будет вечно! Обещает никанский царь за это миловать вас своею милостью и жаловать вас. Позволит вам рыбу ловить в реке, зверя бить в лесу и воздухом дышать позволит.

Удивились люди. Женщины говорят:

— Видно, бедные эти люди. Соболей, видно, у них нету. Видно, никанскому царю холодно. Пусть погреемся нашими соболями.

А никанские люди уже и сами по домам пошли. По всем домам пошли, по всем амбарам полезли, благо что у ульчей никаких замков никогда не было — от кого запирать, когда все свои! Рыщут никанские воины, тащат пушнину. По соболю с человека давно взяли, а все меха — и медведя, и соболя, и рыси, и нерпы, и лисицы, и колонка, — всё в лодку несут. Глаза выпучили, запыхались, двое за одну шкурку хватаются.

Говорит Мамбу человеку-брюхо:

— Почтенный человек, уже давно твои воины взяли то, что ты данью называешь, а всё вытаскивают наши меха... Скажи, не пора ли перестать?

Зашевелился человек-брюхо. Голову вытянул. На Мамбу смотрит. Да такими глазами, будто змея Химу: горят глаза у него зелёным огнём, так и съел бы мальчика!

— А остальное мои воины берут мне и себе за то, что мы вам милость никанского величества привезли. Устали мы и поистратились в дороге, долго до вас ехали.

Видят старики, что от милости никанского царя они всего добра лишились. Головами качают, на никанских людей обиделись. Говорит Мамбу:

— Отобрать у них надо всё.

А как отберёшь?

Стаскали никанские люди всю пушнину в лодку. Сверху на неё человек-брюхо сел. Оттолкнулись баграми от берега и поплыли обратно.

Вот тебе и гости! На угощение и не посмотрели, только амбары разорили. Стали женщины плакать. Стали мужчины ругаться.

Мамбу совсем рассердился. «Не нам, так и не им!» говорит. Вышел он на берег. Стал свистеть.

Всем известно: когда у воды свистишь — ветер начинается. Надул Мамбу щёки. Столько воздуха набрал, что сам круглый стал. Долго свистел. На его свист сначала маленький ветер прибежал. Зашевелилась трава, воду на реке зарябило, на мачте никанской лодки значок заплоскался. А Мамбу свистит. Прилетел средний ветер на помощь младшему брату. Зашелестели листья на ветках, стали ветки раскачиваться. На волнах в реке барашки заплясали. На никанской лодке мачта стала гнуться. А Мамбу свистит. Видит средний ветер — у него силы тоже нехватает. Позвал на помощь

старшего брата. Примчался большой ветер. Стали деревья гнуться и ломаться. На Амуре вода потемнела, волны вспенились, выше домов поднимаются. С никанской лодки паруса сорвало, на никанской лодке мачту сломало, стало лодку заливать... А ветер всё сильнее да сильнее! Опрокинул лодку. Попадали в воду никанские воины. На ком оружия больше было, те сразу на дно пошли; на ком поменьше — те на волнах плавают, воду хлеблют. А человек-брюхо, как пузырь, на волне качается, утонуть не может — очень жирный! Всё, что у Сулаки никанцы взяли, в эту бурю потеряли, да и своё всё погубили. Едва-едва на другой берег вылезли. К начальнику — амбаню — побежали. Спрашивает тот, что с ульчей никанскому царю взяли. Говорит человек-брюхо, из халата воду выжимая:

— Амурскую воду взяли!

А ветер всё сильнее и сильнее...

Стало ульчские дома пошатывать. Стало с крыш жерди раскидывать. Просят старики Мамбу: «Перестань дуть!» А Мамбу уже весь воздух выпустил. Уже без него ветры гуляют по Амуру. Кричит им Мамбу: «Довольно!» Разыгрались ветры, не слышат...

Схватил тогда Мамбу свой боевой лук, натянул тетиву из жилы сохатого, наложил стрелу из железной берёзы, поддел стрелой горящий уголь и выстрелил в большой ветер. Испугался большой ветер, домой побежал. А за ним средний и маленький ветры побежали. Тихо стало. Волны улеглись. Деревья опять ровно стоят.

Говорит Мамбу:

— Рысь всегда в одно место ходит воду пить. Опять никанские люди сюда придут. Надо с этого места уходить. Человек-брюхо, пока всех нас не сожрёт, приходить будет...

Не послушались старики. Не хотели родное место

оставить. «Как можно! — говорят. — Наши отцы тут похоронены».

Сколько-то времени прошло — зимой опять никанские люди к Сулаки явились. На больших нартах приехали. В нарты страшные звери запряжены: голова, как у оленя, на хвосте волосы, на четырёх ногах круглые копыта, на шее волосы на одну сторону. Людей вдвое больше, чем раньше. И человек-брюхо с ними.

Опять дань требуют. Опять по амбарам пошли.

Говорит Мамбу человеку-брюхо:

— Никто ещё с одного места две ветки не срезал.

Закричал никанский человек на Мамбу, ногами затопал. Подскочили воины к Мамбу, в сторону отбросили.

Пошёл Мамбу домой. Медвежьего сала достал. Кусками его нарезал. К никанским нартам подобрался. Сало к нартам внизу подвязал.

Опять никанцы у Сулаки все амбары обчистили. Пушнину, вещи всякие и еду забрали. На нарты уселись. На своих зверей закричали. Поскакали никанские звери. Только полозья скрипят да снежная позёмка вслед нартам вьётся.

Опять плачут женщины. Ругаются старики. Говорит им Мамбу:

— Всех собак сюда давайте.

Привели всех собак, какие в деревне были. Взял Мамбу самого сильного вожака, кусок сала медвежьего дал понюхать, в никанский след носом ткнул. Учужал вскак, в какую сторону сало поехало, кинулся по следу. Остальные собаки — за ним!

...Едет человек-брюхо на нартах своих. Радует — много с ульчей взял. Сколько царю никанскому отдаст — не считает, а сколько себе оставит — про то молчит. Уже до середины Амура доехал человек-брюхо со своими людьми.

Тут собаки никанских людей догнали.

Медвежьим салом пахнет. А где сало, не поймут собаки — и давай трепать никанских людей!

Половину насмерть загрызли, всё по снегу раскидали, тех зверей покусали, что в упряжке у никанских людей были. Весь поезд расстроился.

Пустились никанцы бежать, а собаки на них висят, вцепились.

Кое-как, уже на другом берегу, от собак человек-брюхо отбил.

Прибежали к маньчжурскому амбаню.

Спрашивает тот, сколько дани с ульчей взяли. Сам про себя считает, что никанскому царю послать, что себе оставить.

Отвечает человек-брюхо, из халата и тела собачьи зубы вытаскивая:

— Собачьи зубы вот взяли!

Разгневался амбань. Велит войско на Сулаки послать. Всех велит истребить...

Целая туча никанцев на ульчей пошла.

На беду, Мамбу в деревне не было. Ушёл он к таёжным людям в гости да задержался. Домой только летом пришёл.

Видит — все Сулаки побиты, все дома сожжены. Ни одной живой души во всей деревне. Только вороны каркают да в небе над деревней коршуны кружат. Видит Мамбу — храбро дрались Сулаки, много никанских воинов побили, да поздно за оружие взялись — и сами все полегли.

Заплакал Мамбу-сирота.

Делать нечего... Надо «кости сородичей поднимать» — так закон велит; за убитых мстить надо! За каждого убитого — врага убить надо. А одному не справиться с этим...

Пошёл Мамбу к Пунади помощи просить. К дерев-

не подошёл, а там уже и пепел холодный: все дома никанцы спалили, всех Пунади в плен увели.

Пошёл Мамбу к Губату помощи просить, за два рода мстить.

К деревне подошёл. А там пустые дома стоят. Все вещи ветер пылью занёс. По деревне только крысы бегают.

Ушли Губату из родной деревни, никанцев испугались. Куда ушли, кто знает? Следов не оставили.

Заплакал Мамбу-сирота. Как врагам отомстить?

Пошёл Мамбу к речным людям помощи просить. Собрались те люди. Послушали Мамбу. Говорит ему старый человек-калуга:

— Хорошие люди Сулаки и Пунади были! Мы тебе рады бы помочь. Но без воды мы жить не можем. Как на суше воевать будем? По земле ходить не умеем!..

Пошёл Мамбу к таёжным людям. Собрались те, узнав, что простой человек к ним пришёл, помощи просит.

Рассердились на никанцев таёжные люди, зарычали. Говорит старый человек-медведь сироте Мамбу, что рады бы таёжные люди отомстить за Сулаки, отомстить за Пунади — хорошие люди были, — только через реку переплыть таёжные люди не могут...

Пошёл Мамбу к лесным людям. Поклонился берёзе, сказал, какая у него беда случилась.

Говорит:

— Вы и реку переплывёте, вы и посуху пройдёте. Вас прошу помочь мне. Один не могу отомстить.

Согласились лесные люди.

Взял Мамбу топор. Много берёзы нарубил. Ошкурил — кору с берёзы снял. На чурки берёзу порезал. Глаза на чурках сделал, чтобы видели дорогу. Нос на чурках сделал, чтобы слышали запах дыма на халатах

у тех, кто Сулаки погубил, кто Пунади увёл. Рукой хлопал. Зашевелили чурки глазами, на Мамбу смотрят: что скажет?

— Эй вы, древесные люди, — говорит Мамбу, — на войну ступайте! Один я не могу за всех отомстить! Вас прошу! Вас прошу — идите! Обидчиков ни одного в живых не оставляйте!

Дорогу древесным людям показал. Бултыхнулись те в воду, по той дороге поплыли, откуда никанские люди приезжали.

Сел на берегу Мамбу.

Не ел, не пил, пока древесных людей ждал...

А древесные люди реку переплыли. По земле никанской поскакали. До никанского города доскакали. В том городе человек-брюхо с амбаном во дворце сидят, богатую добычу делят, сидят — пролитой кровью похваляются. И воины их тут же, ульчские вещи делят, из-за каждой шкурки ссорятся.

Вдруг из окон стёкла полетели. В окна и двери древесные люди ввалились — и давай обидчиков стукать! Мечей не боятся древесные люди. Криков не слушают — ушей нет. Подножку не дашь — ног у них нет. Пощады не попросишь — сердца у них нет!

Всех обидчиков переколотили древесные люди. Человека-брюхо так с двух сторон стукнули, что от него только жирное пятно на полу осталось. Амбану столько шишек понаставили, что он до конца жизни узнать сам себя не мог...

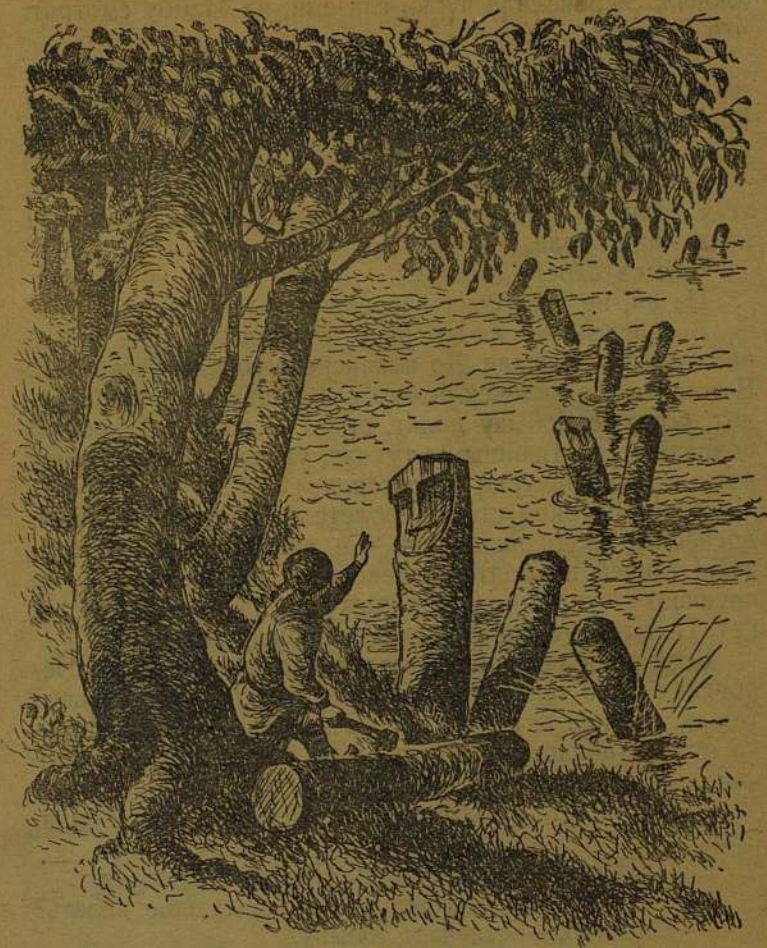
Сидит ждёт Мамбу-сирота. Чёрный, как земля, стал.

Вернулись древесные люди. На берег вылезли.

— Всех побили, — говорят, — что дальше делать?

— Спасибо, — отвечает Мамбу.

Глаза древесным людям закрыл, носы стесал. Стали они опять как простые чурки. Тальнику Мамбу

нарубил. Тем тальником чурки связал, плот сделал. На тот плот сам сел. От родного берега шестом оттолкнулся, заплакал:

— Как один здесь жить буду! Не может человек жить один. Других людей искать поплыву. Имя своё позабуду, в чужой род попрошусь.

Поплыл Мамбу по Амуру.

Будет плыть по реке, сколько сил станет. Мимо деревни плыть будет, кричать будет: «Эй, люди, своим меня считайте! Имя мне дайте! В свой род примите!»

Только долго Мамбу плыть не будет.

Такого молодца любая деревня возьмёт. Любой старик такого молодца сыном считать будет, только крикни Мамбу...

А про Сулаки, Пунади и Губату с тех пор ничего не слышно. Только в сказках старики про них рассказывают.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Глупый человек — это плохо, а глупый да жадный — вдвое хуже! Глупый да жадный ни людям, ни себе добра не сделает.

Жил в одном стойбище шаман Чумбока́.

В том стойбище много ребят было. Любили они драться, наперегонки бегать, на поясах тянуться. Хорошие ребята были. Все отцы своих ребят любили.

И у шамана Чумбоки сын был, по имени Акимка́. Шаман был богатый. Жил он обманом: говорил, что много знает; говорил, что с чертями знается — может любого человека заколдовать или вылечить. Заболеет кто-нибудь в стойбище — зовут шамана. Придёт Чумбока, посмотрит на больного, говорит:

— В него чорт залез! Я этого чорта знаю, знакомый чорт. Его выгнать надо.

Бубен свой натянет, начнёт в него бить; костёр разведёт, кружится, кружится... Разные слова говорит, будто с чертями разговаривает: просит больного оставить, уйти, грозит тем чертям. Выздоровеет больной — шаман говорит: «Вот, прогнал я чертей. Сильный я! Мне подарки давайте». Умрёт больной — говорит шаман: «Плохие подарки были, мало верили мне люди. Вот черти и утащили больного к себе».

Боялись люди шамана. Всякие подарки ему таскали. Иной себе не оставит, а Чумбоке тащит.

Стал Чумбока богатый-богатый. Загордился Чумбока. Ходит по стойбищу — толстый, жирный до того, что у него халат насквозь просалился. Задирает Чумбока нос кверху — лучше всех себя считает.

Сын шамана Акимка был такой же, как все ребята.

Обидно стало шаману, что сын его на всех остальных похож. Задумал он отличить Акимку от всех ребят. Пошёл к кузнецу. Золота кусок принёс.

— Слушай, кузнец, сделай мне кольцо.

— Зачем тебе кольцо? — спрашивает кузнец шамана.

— Сыну на шею надену, — говорит шаман. — Отличка будет у Акимки. Пусть все видят, какой у него отец богатый.

Говорит кузнец:

— Нехорошо, Чумбока, сына своего отделять от ребят.

Рассердился шаман.

— Глупый ты, — говорит, — глупый, а мне советы даешь.

— Я не глупый, — обиделся кузнец.

— А коли не глупый, — говорит Чумбока, — отгадай загадку. Что, что, что такое: белые люди рубят, красный человек возит?

Думал, думал кузнец — не мог отгадать. Стал над ним Чумбока смеяться:

— Эх, ты! Это значит: зубы и язык. А ты не отгадал!

Промолчал кузнец. Кольцо сделал, шаману отдал.

Пошёл Чумбока домой. Кольцо сыну на шею надел и не велел с другими ребятами водиться.

Ходит Акимка по стойбищу один. Кольцо у него на шее блестит. Радуетса Чумбока: все теперь видят, что у Акимки отец не простой человек.

А время идёт...

Акимка растёт. От ребячьих игр отвык. Растолстел. Стало кольцо тесно — шею жмёт. Жалуется Акимка:

— Отец, сними кольцо!

Взялся Чумбока за кольцо, вертел, вертел — не может кольцо снять: вырос Акимка. А Акимка пыхтит, задыхается.

Говорит Чумбоке мать:

— Разруби кольцо, Чумбока!

Чумбока даже испугался.

— Что ты, — говорит, — как можно! Кольцо дорогое: разрубишь — вещь испортишь! А задыхается Акимка оттого, что здесь простых людей много — воздух плохой. Пусть Акимка на сопочке посидит.

Сидит Акимка на сопке, хрипит.

Чумбока сам чуть не плачет — жалко сына. А ещё больше ему жалко золотое кольцо испортить.

Вот приходит к шаману кузнец, говорит:

— Ну, кто из нас глупый?

— Ты, ты глупый! — кричит Чумбока.

— Ну, коли ты умный такой, отгадай загадку: что, что, что такое — горшок без дна?

Подумал шаман.

— Э-э, — говорит, — это разве загадка? Горшок без дна — это прорубь. Прорубы!

Говорит ему кузнец:

— А вот и не угадал, Чумбока! Горшок без дна — это жадность твоя. Что ни брось в него — всё пустой тот горшок. И сын твой в этом горшке утонет. Распили кольцо!

— Что ты! — кричит шаман. — Испортишь вещь! Плюнул кузнец Чумбоке в глаза и ушёл.

А сын шамана Акимка так и помер с золотым кольцом на шее. И воздух чистый ему не помог.

Увидал Чумбока мёртвого сына, заревел. Да поздно уж — Акимку ему не вернуть.

БЛИЗНЕЦЫ

Это не так давно было. Есть ещё старики, которые помнят это. Правда, мало таких стариков уже осталось.

Были в роду у Бельды близнецы: Удога и Чубак. Известно, что когда близнецы рождаются — это очень хорошо. Тому роду большое счастье близнецы приносят. Вот живут себе Удога и Чубак. Дети как дети, ростом невелики, а умом стариков обогнали. Пять зим только и прошло всего, а Удога и Чубак уже на охоту пошли. И всё им удавалось. И лесные и водяные люди близнецов любили, во всём братьям помогали, во всяком деле удачу посылали.

Вот случился как-то плохой год: зверя мало стало, рыба плохо шла. Стали говорить старики, что место менять надо, что на этом месте черти зверя и рыбу распугали. Послушал Удога стариков, говорит:

— Чем место плохое?

Тетиву своего маленького лука натянул, вокруг посмотрел, в тайгу стрелу свою послал. Улетела стрела. Долго ли летала — не знаю, потом вернулась, сама Удоге в колчан легла, на старое место. А за стрелой прилетели птицы: утки, гуси, перепёлки — и у ног Удоги легли. Посмотрели старики — все птицы в левый глаз ранены. Переглянулись: «Если так каждый раз будет — не останется деревня без мяса!»

Тут Чубак старикам говорит:

— Чем плохое место?

Бросил одной рукой сетки в воду. Потонули сетки сразу.

«Ну, — думают старики, — водяной чорт сетки уташил».

Подождали немного. Вдруг забурлила река, закипела, пузырями вспенилась. Сунул тогда Чубак руку в воду, сетки ухватил и вытащил. Сколько было узелков в сетках, столько рыбы вытащил Чубак. Посмотрели старики друг на друга: «Э-э, если каждый раз так будет — не останется деревня без рыбы!»

Спрашивает тут Чубак женщин:

— В прошлом году на какой стороне у кеты икры было больше?

— На левой, — отвечают Чубаку.

— Так, значит, в этом году рыба под левым берегом идёт, — говорит Чубак. — Примечать надо. Вы на правом берегу ловили, вот и показалось вам, что рыбы нету, что ушла рыба.

Тогда и Удога говорит:

— Птица и зверь за рыбой ходят. Надо было на другом берегу промыслять.

Стали старики во всём совета у близнецов спрашивать. И всё шло хорошо.

Только вскоре опять беда стряслась! Наехал с

чужого берега нойон — начальник. С солдатами, с пушками наехал. Требует с Бельды дань — с каждого человека по соболю, по выдре да по лисице!

Запечалились Бельды. Вовек никому дани не платили, а тут на-ко тебе... А ничего не поделаешь, у косатого нойона — сила! Одних солдат в два раза больше, чем всех Бельды.

Пошли старики к близнецам. Совета просят. Посмотрели Удога и Чубак друг на друга. Говорит Удога:

— Дань не платите, не маньчжурские мы люди — мы амурской земли-воды люди! Вот пойдём мы с братом к тому нойону...

Женщины в деревне плач подняли.

— Как можно! — кричат они. — Тот — худой человек. Убьёт он наших близнецов — счастье наше убьёт!

Как ни кричали женщины, пошли Удога и Чубак к тому нойону. Сидит нойон в большом сампане — лодке расписной. На широком помосте сидит. Над нойоном шатёр шёлковый колышется. Вокруг стража стоит. У плахи палач кривой меч точит. Нойон правую руку на подушку положил. Ногти на руках у него длинные-длинные, до полу достают, загнулись, перекрутились, каждый в серебряный футляр вставлен. Чистят ногти нойону пять девушек-невольниц. Толстый писец с большой книгой у ног нойона сидит.

Увидал нойон близнецов, говорит:

— Что здесь нанайским ребятам надо?

Посмотрел писец, до земли перед нойоном склонился:

— Эти детки прибежали сказать, благородный нойон, что придут сейчас нанайские старики, ту дань принесут, что велел ты с них взять.

Ещё пуще заважничал нойон. Нос кверху задрал. В небо голубое смотрит, чтобы на нанайских стариков

не глядеть, глаза себе не портить. Ждал, ждал... Шея у него заболела, а нанайских стариков всё нет.

Говорит тут Чубак:

— Не придут старики, благородный нойон! Бельды дани никому не платили. В своих реках рыбу ловили, в своей тайге зверя били, по своей земле ходили, своим воздухом дышали. Им смешно дань платить. Платить станут — смеяться будут. Так, чтобы тебя не обидеть, они вовсе не пришли. А мы маленькие, мы ничего не понимаем... Вот подарки тебе принесли, нойон.

Высыпал Удога из кисета горсть амурской земли:

— Прими, нойон, горсть нашей земли, если тебе своей мало.

Вынул Чубак из чумашки глаз совы:

— Прими, нойон, и мой дар — глаз совы. Тогда и ночью ты сможешь увидеть, что на Амуре храбрые люди живут.

Вытащил Удога перо из хвоста орла с красным клювом:

— Прими, нойон, пожелание, чтобы жил ты столько лет, сколько живёт орёл, и чтобы тебя, как орла, все боялись. Только на Амуре страха перед тобой не будет.

Высыпал из чумашки Чубак горсть золы:

— Пусть обратятся в золу все твои враги, нойон! Пусть золой покроются все злые мысли твои против амурских людей!

Удивился нойон тому, как разговаривают маленькие нанайцы. Испугался: если дети такие, то какие же у нанайцев воины и мужчины! Виду нойон не показал, страх свой скрыл. На близнецов закричал:

— Завтра пошлю солдат своих к Бельды! Огню предам всех мёртвых, а живых мёртвыми сделаю!

Поклонился ему Удога:

— Твоя воля, благородный нойон, только завтра

тебе удачи не будет. Лучше сегодня сделай то, что сказал.

Не послушался нойон. Переждал ночь. В поход собрался. Тут полил такой дождь, что берега исчезли из виду и все дороги развезло. Пошли солдаты нойона, да чуть в грязи не утонули. Порох в ружьях у них отсырел. Возвратились солдаты.

— Солнце вчера в тучу садилось, — говорит Удога: — к ливню. Примета верная!

Прошла непогода. Усеялось небо звёздами. Говорит нойон:

— Завтра к деревням Бельды поплыву. Всех уничтожу. Всех живых мёртвыми сделаю, все дома в пепел обращу!

— Твоя воля, благородный нойон, — говорит Чубак, — только завтра тебе удачи не будет. Сделай сегодня то, что сказал.

Переждал нойон ночь. С утра велел поднять паруса на всех сампанах — плыть к Бельды.

Налетело тут от заката чёрное облако с белым венцом — и такая буря поднялась, что в жизни своей не видал нойон такой бури. Заплескался Амур. Волны до неба поднялись, облака до земли спустились. Дунул ветер один раз — все паруса на сампанах порвал. Дунул ветер второй раз — все вёсла и мачты поломал. Едва-едва сампаны целы остались. Счастье, что третий раз ветер не дунул.

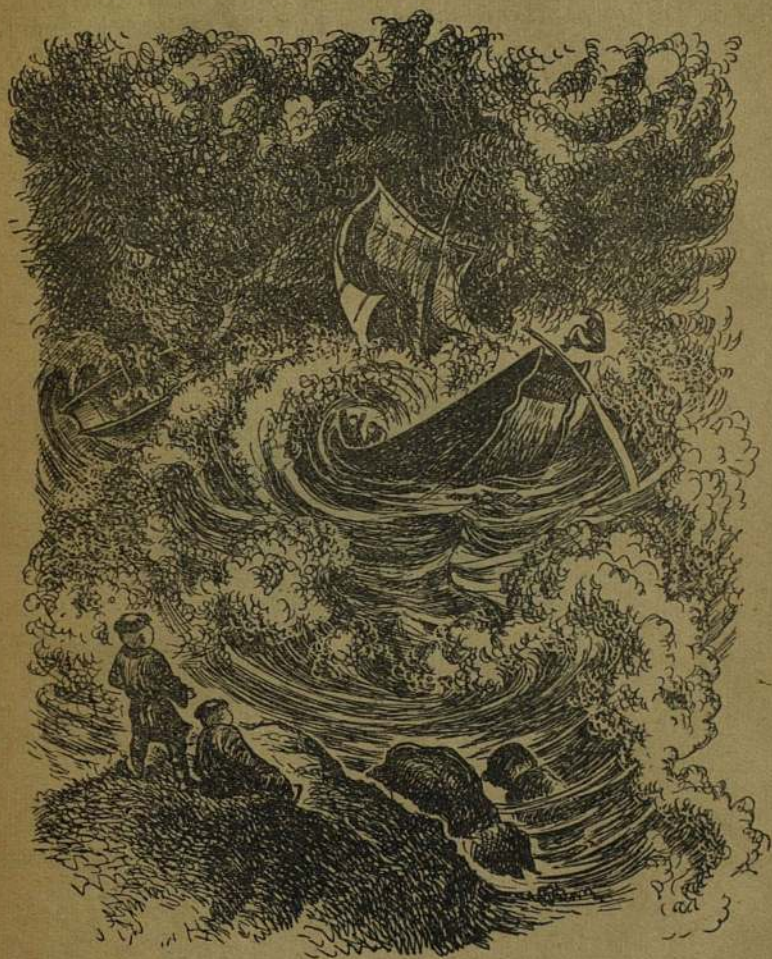
Говорит Чубак:

— Вчера звёзды сильно мерцали: к буре это.

Сидит нойон сердитый. Халатом закрылся, ни на кого смотреть не хочет, никого к себе не подпускает. От злости все ногти себе переломал. Всех девушек своих разогнал. Писца своего палкой исколотил.

Подошли к нему близнецы. Говорят:

— До сих пор мы тебе говорили, благородный

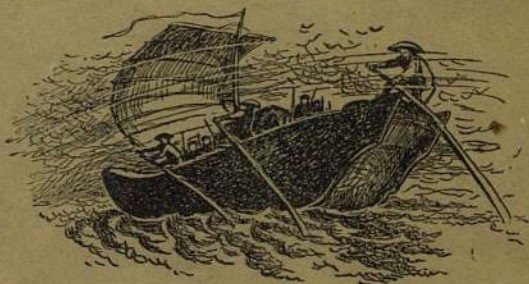

нойон. Теперь ты нам скажи. Вот ты видел, что мы свою землю знаем и не зря с неё дань свою собираем: рыбу, пушнину, птицу берём. Как же ты хочешь дань собирать с земли, которой ты не знаешь?

Поблелнел нойон, думает: «Как справлюсь я с народом, у которого даже мальчишки такие умные!»

Поехал назад на свою сторону маньчжу-нойон.

Это не так давно ещё было. Ещё есть старики, которые тех близнецов помнят. А может быть, они о тех близнецах от своих отцов слышали. Кто знает!

КИЛЕ БАМБА И ЛОЧЕ-БОГАТЫРЬ

Наверно, не так давно это было. Жил на Амуре Киле Бамба — нанайского народа человек, силы богатырский человек Киле Бамба.

От простой жекщины родился Киле. Только, видно, добрые черти ему помогали, что быстро он вырос. Ещё соску Киле сосал, а уже со зверем схватился.

Ушла как-то мать из дому. Дверь бревешком припёрла, чтобы не открылась. Сколько времени по соседкам ходила — не знаю, а только через раскрытое окно вскочил в дом Бамбы тигр.

Услыхали соседи рёв тигра. Услыхали, как заплакал маленький Бамба. Кинулись родичи кто куда: как же можно не бежать, коли в деревню тигр пришёл!

Поплакал Бамба и затих.

«Ну, — думают родичи, — пропал маленький Бамба, утащил его тигр в тайгу!»

Прибежала мать домой.

А Бамба на спине лежит, носом пузыри пускает, полосатым тигриным хвостом играет. А тигр рядом с его люлькой лежит: задавил его маленький Бамба и хвост оторвал. Вот так Бамба!

Увидал он мать, вытащил соску изо рта.

— Ну беда, — говорит, — сколько зверей развелось! Спать не дают, в окна прыгают. Видно, придётся мне, — говорит, — за них самому взяться, коли нет в деревне мужчин!

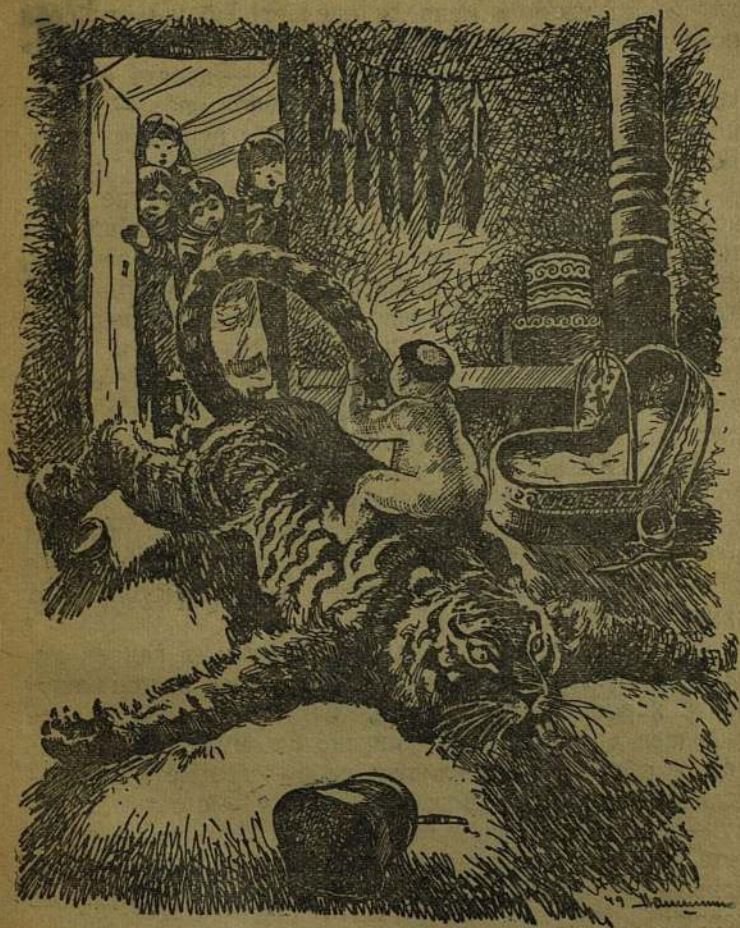
Встал Бамба на ноги. Отцовское копьё в руки взял, прикинул. «Маловато!» говорит. Обеими руками за копьё взялся, нажал, пополам сломал. «Плоховато!» говорит. В тайгу пошёл, левой рукой молодую лиственницу взял, набок свернул, с корнем вырвал, сучья ободрал, землю отряхнул, попробовал — удобно ли? «Легковато!» — говорит. — Ну, да раз другого нет, ничего не поделаешь — и это пригодится».

Смотрят на него родичи, диву даются — в кого уродился! Не было ещё таких нанаев. И уже не Киле Бамба его называют, а Мерген Бамба — богатырь Бамба.

А Бамба такой охотник стал, что лучше и быть не может. Бамба только из дому выходит, ещё на охоту собирается, а за девятью сопками, за девятью озёрами звери в норах просыпаются, с детками прощаются, знают — от Бамбы не уйти!

Бамба острый глаз имеет: один раз взглянет — сразу скажет, сколько серебристых волосков на спине у чернобурки, сколько белых у неё в хвосте. Бамба острый слух имеет, прислушивается, говорит: «За девятью реками да за девятью ручьями соболята пищат. Значит, там ставить капкан надо».

Бамба силу имеет: сто дней без отдыха зверя добывает, одну ночь проспит — и ещё сто дней зверя бьёт.

Бамба ест здорово: утром — косулю, на обед — сохатого, за ужином медведя съедает! По животу себя погладит: «Съел бы ещё, да на завтра оставить надо!»

Бамба зверя бьёт: один стреляет — десять охотников добычу собирают. С охоты ребёнок идёт — за ним целый поезд собачьих упряжек едет: пушнину везут. Вот так Бамба!

Добрый Бамба был. Услышит, где-то в деревне ребёнок плачет, — пойдёт скажет: «Ты чего ревёшь? На тебе лаха пукани. Играй». Рыбий пузырь даст ребёнку, станет тот по пузырю ладонью стучать, шум поднимет, плакать перестанет. Столько Бамба медведей перебил, что каждому ребёнку в деревне над люлькой мафа́ гаран — медвежий клык — повесил, на счастье да чтобы злые черти не пугали. Сыты все в деревне были: мяса хватает, пушнина есть, рыбы вдоволь.

Ездят нанай за реку, в Никанское царство. Меха продают. Халаты покупают да припасы. Лица у нанай круглые, животы толстые, глаза ясные, косы красным жгутом оплетены, унты на них красивые, шелками шитые, руки у них ловкие, ноги у нанай быстрые. Вот какие нанай!

Смотрел, смотрел с другого берега на нанай никанский амбань — начальник. Завидки его взяли: живут нанай хорошо, дружно, дани никому не платят, всё у нанай есть. А своих никанских мужиков амбань давно ободрал, как липку: себе — возьмёт, царю — возьмёт, солдату — возьмёт, монаху — возьмёт, купцу — возьмёт, да ещё раз себе, а что там мужику остаётся? «Дай, — думает амбань, — я с нанай ясак — дань — возьму. С них брать ясак буду, богатство себе наживу».

Вот послал он своих солдат и чиновников к нанай. Едут: с саблями, с копьями, с огненным боем, сила несметная!

К нанаям приехали. Те гостям рады, угощать стали. Да никанцы на угощение и не смотрят — в амбары полезли. Рассердился тут Бамба на никанцев.

— Невежи вы, — говорит, — вести себя в гостях не умеете!

А чужие солдаты косатые были.

Похватал их Бамба за длинные косы, всех вместе теми косами связал, да и бросил в воду. Поболтались никанцы в воде, поболтались, да и утонули... Сильный был Бамба!

Сколько раз амбань никанский своих солдат посылал, а обратно их так и не дождался.

Понял тут амбань, что силой амурских людей не возьмёшь. Думать стал, всех своих мудрецов и чиновников созвал, чтобы думали, как с амурской земли поживу взять. Думали, думали никанские мудрецы и придумали. Говорит амбаню самый старый:

— Солдат не посылай: солдат мечом, а не головой думает. Пошли купца к нанаям. Купец — что паук: присосётся — не оторвётся, пока всю кровь не выпьет!

Так и сделал амбань. Послал к нанаям купца Ли-Чана.

Приехал Ли-Чан к нанаям на Амур. Как лисица Ли-Чан: слова хорошие говорит, три короба всякой всячины сулит. Язык у Ли-Чана без костей — словно хвост у лисицы, по ветру стелется. Приехал купец — стал нанаям товары в долг давать: «Бери, бери — потом сосчитаемся!» Кому — бусы, кому — котёл, кому — халат расписной, кому — серьги, кому — крупы с мукой. «Бери, бери — посчитаемся потом!» Видят нанай — добрый купец. Видят нанай — с Ли-Чаном жить можно. Не кричит купец, не грозит, ногами не топает, всё с улыбочкой делает, всё посмеивается Ли-Чан.

Так купец нанай к себе и приучил. Не стали нанай в Никанское царство ездить, не стали товары

привозить, у Ли-Чана всё, что надо, покупают. Что ни попросят — у купца всё есть.

Вот пришло время Ли-Чану долги платить.

Потащили нанай Ли-Чану меха.

Только всё у Ли-Чана сразу дорого стало. Говорит: дорога трудная — товары возить, разбойники по дороге шалят; амбаню платить надо, разбойникам платить надо, царю никанскому платить надо.

Отдали нанай всю пушнину, а долг не покрыли. Остались у Ли-Чана в долгу. Ну, нанай народ такой — долг прежде всего отдать надо! И стали нанай за тот долг работать. Что в тайге ни добудут — Ли-Чану тащат. Что в реке ни выловят — к нему же. Приехал Ли-Чан к нанаям тонкий, как червяк, — стал Ли-Чан толстый, как боров! Зато нанай стали тощать. Всё никак долг отработать не могут.

Думали, думали, к Киле Бамба пошли.

— Вот какое дело; — вздыхают: — никак долг отдать не можем! Видно, чорт в это впутался. Сначала Ли-Чан одну шкурку за одну считал. Потом Ли-Чан две шкурки за одну считать стал. Теперь три считает Ли-Чан за одну. Как быть?

Пошёл Бамба к купцу. Рассердился, стал спрашивать: как так получается? А Ли-Чан ему эрэнтэ — книгу — показывает, все долги в той книге записаны. Смотрит Бамба — не понимает тех значков, что в книге записаны, а видит — верно, что-то есть. Если столько долгов, сколько значков, — не выбраться нанаям из долга. И не подумал Бамба, что в той книге обману больше, чем долгов. Стал Бамба нанаяв спрашивать, что брали. Отвечают ему: «Халат взял, крупу взял, водку взял... а что дальше было — не помню!» Что до водки берут — помнят нанай, что после — не помнят, всю память та водка нанаям отшибает...

Стал Бамба родичам помогать.

Родичей из беды не выручил, а сам в неё попал, сам в долгу у Ли-Чана оказался. Как получилось это — не знает Бамба.

«Видно, не купец Ли-Чан, а чорт, — думает Бамба. — Как это у него три шкурки за одну идут, непонятно!»

К шаману Бамба пошёл, про купца спросить. А шаман пьяный-препьяный сидит, едва языком ворочает. Послушал он Бамбу, послушал и говорит:

— Правда твоя: чорт Ли-Чан! Вот, смотри, какую мне водку дал: три дня назад я выпил и до сих пор пьяный. Разве может простой человек такое сделать? Конечно, чорт этот Ли-Чан.

Ну, а против чорта что может охотник сделать?

Ничего!..

Говорит Бамба шаману:

— Пошамань. Прогони того чорта Ли-Чана! Совсем отошдали нанай, всё к нему несут. Скоро помирать будут!

Отвечает шаман:

— Против Ли-Чана шаманить не могу. Он такой чорт, что я с ним не справлюсь, — не нанайский, а никанский чорт. Амбá-амбанí он — чертовский чорт! Ты ему больше пушины давай.

— В заповедные леса пойду зверя бить, — говорит Бамба. — На Сихотэ-Алиньские горы пойду, тигра, барса, рысь возьму!

— Нельзя туда. Охоться здесь, — говорит шаман. — На Сихотэ-Алине горные черти живут. Удэгейский Какзаму те горы сторожит, в камень людей превращает!

— К Большому Морю пойду! Сивуча, тюленя, нерпу возьму, — говорит Бамба.

Замахал на него шаман обеими руками:

— Здесь охоться. На Большом Море водяной

чорт — Ганка — живёт. Человека туловище у него, рыбий хвост у него, не рука, а железный крючок у него из воды торчит. Тем крючком он людей хватает!

— На болота пойду: выпь, цаплю, утку возьму, — говорит Бамба.

Плюётся шаман:

— Здесь охотья, говорю. На болоте чорт Боко живёт, одноногий. Запутает тебя в болоте, в трясину утащит. Будешь потом в трясине лежать да пузыри пускать.

— На гольцы-солонцы пойду, — говорит тогда Бамба. — Сохатого, косулю добуду.

Трясётся шаман:

— Здесь охотья, говорю. На гольцах-солонцах Агды — гром — живёт. Каменным топором деревья рубит. Как ударит — человека в пыль обратит!

— На Мылки-озеро пойду, бобра, гусей бить буду.

У шамана пена изо рта хлещет от злости на Бамбу:

— Химу-амба, самый страшный чорт, в озере том живёт. Как человека увидит, из озера выползет, под ним трава и камни горят. Дохнёт Химу огнём на тебя — сгоришь, и никто не узнает!

Опустил голову Киле Бамба. Задумался. Вот тебе и богатырь Бамба! Кругом черти! И все — сильнее Мергена. И сила ему ни к чему. Ой-я-ха! Совсем худо...

— Охотья, как охотился, — говорит шаман. — Ли-Чану пушнину таскай. Он тебе водки даст — всё горе забудешь.

Не хочет к Ли-Чану Бамба итти. Пошёл куда глаза глядят...

Три ручья перешёл, шесть озёр обошёл, девять сопков перевалил. Место выбрал, шалаш построил, костёр развёл. В шалаше лёг. Горькую думу стал думать:

«Зачем человеку сила богатырская, коли от чертей житья не стало? Мало того, что в лесу черти, в

тайге черти, в горах черти, в реке черти, так и в деревне теперь Ли-Чан есть. Где бы силу такую найти, чтобы всех этих чертей перебить, чтобы людям жить можно было?»

Заснул Киле Бамба. Спит, во сне слышит — кто-то идёт с верховьев Амура. Тяжело ступает, тайгу под себя подминает, из земли воду выжимает. Вскочил Бамба, на лук стрелу наложил, свой нож вытащил. Кто идёт?

Тут выходит из-за деревьев человек. Не видал таких Бамба раньше: лицо белое, глаза голубые, волосы жёлтые, как золото, борода большая. Одет не по-амурски. В руках палка железная.

«Ещё один чорт пришёл!» думает Бамба.

А человек говорит ему:

— Ты почто за лук держишься? Али меня стрелять хочешь? Я тебе друг, а не враг. Да и что ты со своим луком противу меня? Давай потягаемся — кто дальше выстрелит.

Какой богатырь от спора откажется!

Приосанился Бамба: дальше его никто во всей деревне не стрелял! Видит — за тремя ручьями заяц бежит. Стрелу выпустил Бамба — к сосне зайца пригвоздил.

— Хорошо! — говорит человек с жёлтыми волосами.

Теперь тот человек свою палку поднял.

— За шестью ручьями, — говорит, — сейчас белка с дерева на дерево прыгнуть хочет, её убью.

Прицелился своей палкой, глаз голубой прищурил. Ка-ак грохнет что-то, будто гром загредел, по сопкам пошёл перекатываться.

Упал Киле Бамба на землю, забоялся.

— Ой, Агды-гром, — говорит, — меня не троны!

— Не Агды это, а я, — смеётся тот человек.

Глядит Бамба — та белка уже на боку лежит.

— Твой верх, — говорит Бамба. — Давай поборемся.

Вот скинули они одежду, за пояса взялись. Стали бороться. Никто верх не берёт. Никто другого на землю положить не может. Изловчился Бамба, хотел того человека через спину перекинуть, а тот поднял Бамбу на воздух, да и не пускает. Держал, держал...

Потемнело в глазах у Бамбы, говорит он:

— Пусти на землю, я не птица. Без земли худо мне. Твой верх... Давай поспорим, кто лучше спляшет.

Стал Бамба плясать. С утра начал; пока солнце не закатилось — всё плясал. Ещё никто так на Амуре не плясал!

А тот человек крикнул, на ладони поплевал и пошёл в свой черёд. Ночь плясал, день плясал; вторая ночь настанёт, а он всё пляшет... Только треск по долине идёт да топот слышен, вода из реки выплёскивается, земля трясётся, пыль столбом стоит, звёзды застит...

— Эй, друг, — кричит Бамба, — довольно! Твой верх!

А тот человек ещё три дня да три ночи плясал да сам себя по пяткам ладонями прихлопывал. Потом перестал, говорит:

— Это не пляска! Вот в молодости я плясал!..

«Плохой человек разве так спляшет? — думает Бамба. — Сила у него в руках есть, глаз у него зоркий, нрав весёлый — чем не друг!»

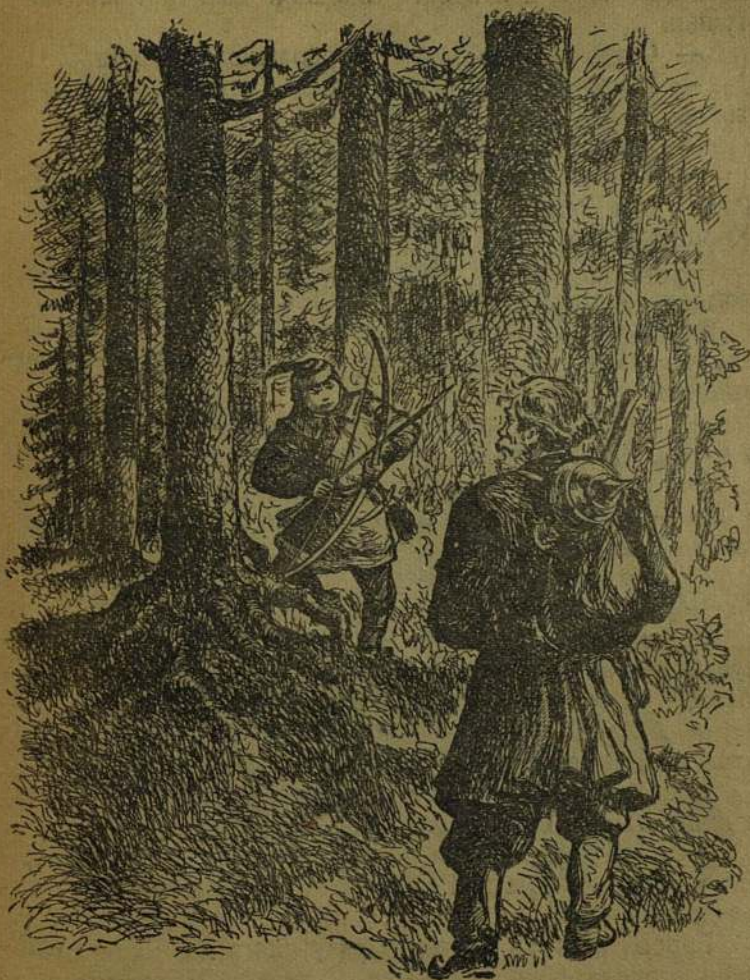
Стали они побратимами.

— Я Киле Бамба, — говорит нанай.

— Я Иван Русский, а по-вашему — Лоче.

— Ты в своей земле богатырь? — говорит Бамба.

А Лоче рукой отмахивается.

— Какой я богатырь! — говорит. — Вот за мной богатыри идут, а я просто младший сын у моей ма-тушки.

— Сюда пришёл зачем? — спрашивает Бамба.

— Жить буду. На этой земле отцы мои давно жили.

— Худо тут, — нанай говорит.

— А что? Земля, что ли, плохая? — спрашивает Иван. Ком земли взял, в руках растёр, понюхал: — Хороша земля!

— Чертей много развелось, — говорит Бамба, — жить не дают!

Рассказал Бамба о своём горе Ивану — как черти его по рукам и по ногам опутали, силы богатырской лишили.

— Ничего, — говорит Иван, — был бы свет в очах, а на чертей управу всегда найти можно.

Вот пошли они в деревню. А нанай совсем бледные ходят — есть нечего. Только Ли-Чан на пороге дома своего сидит — жирный да красный, как клещ.

— Этот, что ли, чорт-то? — спрашивает Иван.

— Этот, этот!

Пошли Иван да Бамба по амбарам. Стоят амбары пустые, только паутина в углах. Ту паутину собрал Иван, в комок скатал. К Ли-Чану пошёл.

— Давай эрэнте — книгу, — говорит. — Где тут записано, сколько мой друг Бамба тебе должен?

Достал Ли-Чан эрэнте, раскрыл, толстым пальцем в книгу тычет. Взял книгу Иван, говорит:

— Если верно Бамба должен — слово его крепкое, его и огонь не возьмёт! Если обманул ты Бамбу — сгорит твоё слово!

Бросил книгу в костёр. Сразу книга пламенем взялась, сгорела. Кричит Ли-Чан, ногами на Ивана топает. Взял тут Иван паутины комок, что в амбарах нанаяв

собрал, да и кинул Ли-Чану в рот. Похудел сразу Ли-Чан, съёжился, маленький стал, в паука обратился. Бросил его Иван в реку, и поплыл Ли-Чан к своему маньчжу-амбаню, хозяину своему.

Ходят нанай голодные.

Вынул Иван из-за пазухи зёрна малые, в землю бросил. Полезна из земли зелёная трава. Пожелтела. В колосьях у неё жёлтые семечки набухли. Взял те семечки Иван, между камнями размолот — белая пыль из тех семечек стала. Ту пыль с амурской водой Иван смешал — тесто сделал. Из того теста лепёшек напёк. Нанаям дал: «Ешьте!»

Съели нанай. Вкусно! Тут сразу у них столько силы прибавилось, сколько никогда после пищи не прибавлялось.

На охоту нанай пошли.

И Бамба с Иваном на охоту пошли.

— Хочу сохатого добыть, — говорит Иван. — Пойдём на гольцы-солонцы!

— Там Агды — гром — живёт, — говорит Бамба.

Не испугался Иван. А от побратима как можно отстать — лицо потеряешь! Пошёл и Бамба. Стал Иван из своей палки палить, такой гром поднял, что Агды из тех гольцов улетел.

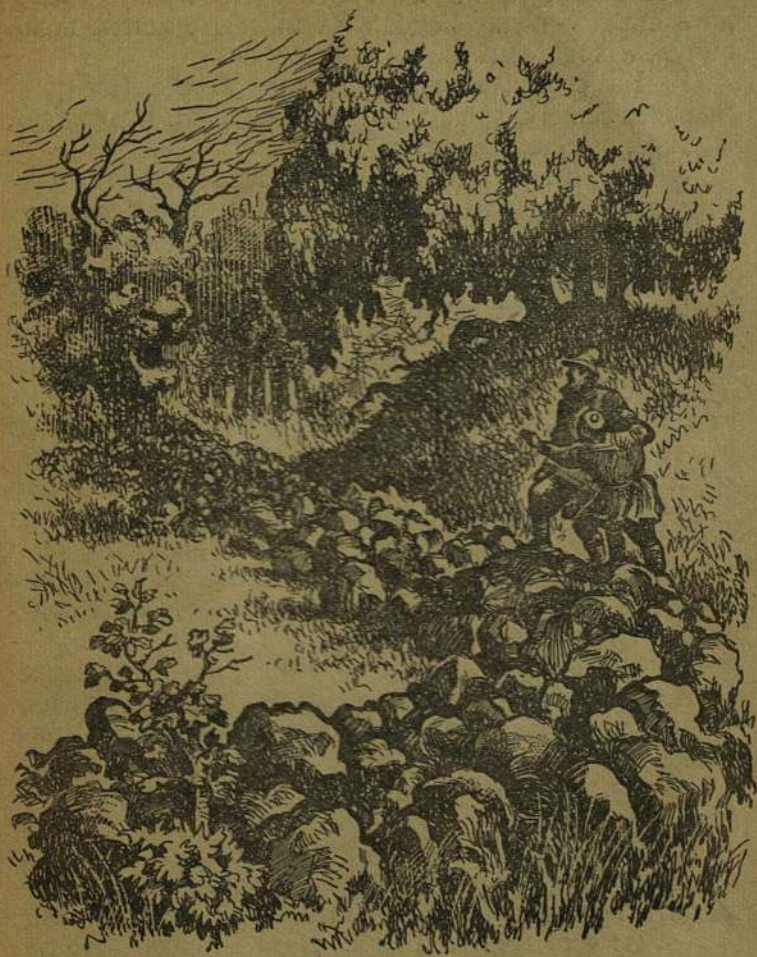
— Здесь охотничье место хорошее, — говорит Иван. — Где же твой Агды?

Вот пошли побратимы дальше. В болото попали. Видит Бамба — стоит на пути горбатый маленький человек на одной ноге, глаза у него синим огнём горят.

— Не ходи, Иван! — кричит Бамба. — Там горбатый Боко — чорт — стоит. Заведёт, погубит!

Говорит Иван:

— Этот, что ли, чорт Боко? — и хватъ Боко за единственную ногу — да себе под ноги, чтобы ту трясину пройти.

Видит Бамба: лежит Боко — не Боко, а сучок еловый. А Боко будто и не бывало! Через реку переходить стали — видит Бамба: чьи-то седые космы полощутся, в воде зелёные глаза блестят.

— Не ступай в реку! — говорит Бамба Ивану. — Видишь, Ганка-старик в воде лежит, нас поджидает. Видишь, руку железную выставил!

А Иван в воду нырнул, хватъ того чорта седого! Из реки вынырнул — в руках коряжина сосновая да щука зубастая, что под коряжиной той сидела. Съели щуку Иван да Бамба и дальше пошли. Так Бамба и не видал больше Ганка-чорта.

Пошли побратимы через горы. Дрожит Бамба от страха — теми местами они идут, где Какзаму людей подстерегает. Только Бамба подумал про Какзаму, а Какзаму тут как тут. Красные глаза на людей таращит, руки к ним протягивает, вот-вот зацепит и в камни обратит.

— Иван! — кричит Бамба. — Бежим отсюда, на траву бежим, там над нами Какзаму не властен!

Оглянулся Иван да ка-ак хватит того Какзаму железной палкой! Только искры во все стороны полетели! Закрылись глаза Какзаму... Глядит Бамба — стоит камень серый, мохом поросший, никакого Какзаму нет. «Притаился», думает Бамба. Идёт за Иваном, оглядывается. Нет Какзаму, и только! Пропал от удара Ивана.

— Ну, где твой Химу-чорт живёт? — спрашивает Иван у Бамбы.

Только сказал он это — побратимы до озера дошли, — а Химу уже ползёт на них, извивается, огнём дышит. Закричал Бамба, бежать хотел, а Иван ему:

— Ты чего же это, Бамба? Пала не видал, что ли? Обернулся Бамба — нет Химу и словно не бывало. Верно, горит трава, огонь, будто змея, по земле

ползёт. Верно, камни вокруг, как чешуя, лежат. А Химу — нет! Вздохнул тут Бамба свободно.

Видит — никаких чертей нет, а стоит он с Иваном на своей земле: оба сильные, оба храбрые, оба охотники, оба богатыри, только Иван постарше будет. И кругом всё понятно: в лесу деревья растут, в тайге звери живут, в реке рыба плавает, на горах камни лежат. Подумал, подумал Бамба и вдруг говорит:

— Значит, теперь и сказки наши пропали. Про таёжных людей, про водяных людей, про горных людей сказки пропали...

— Ничего, — говорит Иван, — теперь другие сказки пойдут! Разве не сильный ты? Разве не храбрый ты? Своей земли разве не хозяин ты? Разве тебе не друг я? Разве про нас не сложат сказки?

Отсюда и сказки новые начинаются. Про любовь и дружбу сказки. Про силу и храбрость сказки. Про ловкость и верность сказки. Про твёрдое сердце, крепкие руки, верный глаз новые сказки начинаются.

✓ Храбрый Азмун	3
✓ Большая беда	19
✓ Самый сильный	27
✓ Чориль и Чольчинай	31
✓ Айога	44
✓ Семь страхов	47
✓ Хвастун	61
✓ Бедняк Монокто	64
✓ Берёзовый сынок	72
✓ Как авери ногами менялись	83
✓ Два слабых и один сильный	86
✓ Недобрая Ладо	91
✓ Пустая голова	98
✓ Маленькая Эльга	104
✓ Глупый богач	114
✓ Жадный Канчуга	119
✓ Мальчик Чокчо	128
✓ Сирота Мамбу	137
✓ Золотое кольцо	148
✓ Близнецы	152
✓ Киле Бамба и Лоче-богатырь	159

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор Л. Гульбинская. Художественный редактор Н. Яцкевич. Технический редактор М. Кутузова. Корректоры А. Враныч и С. Локшина. Сдано в набор 12/VI 1951 г. Подписано в печать 8/X 1951 г. Формат 60 X 84/16 = 5,5 бум. — 10,043 печ. л. (7 46 уч.-изд. л.). Тираж 400 000 экз. А06869. Цена 3 руб. Заказ № 2754.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суэцкий вал, 49.

150 =

Цена 3 руб.

